

ШЕКСПИР

И ЕГО МИР

Ф. Е. ХОЛЛИДЕЙ

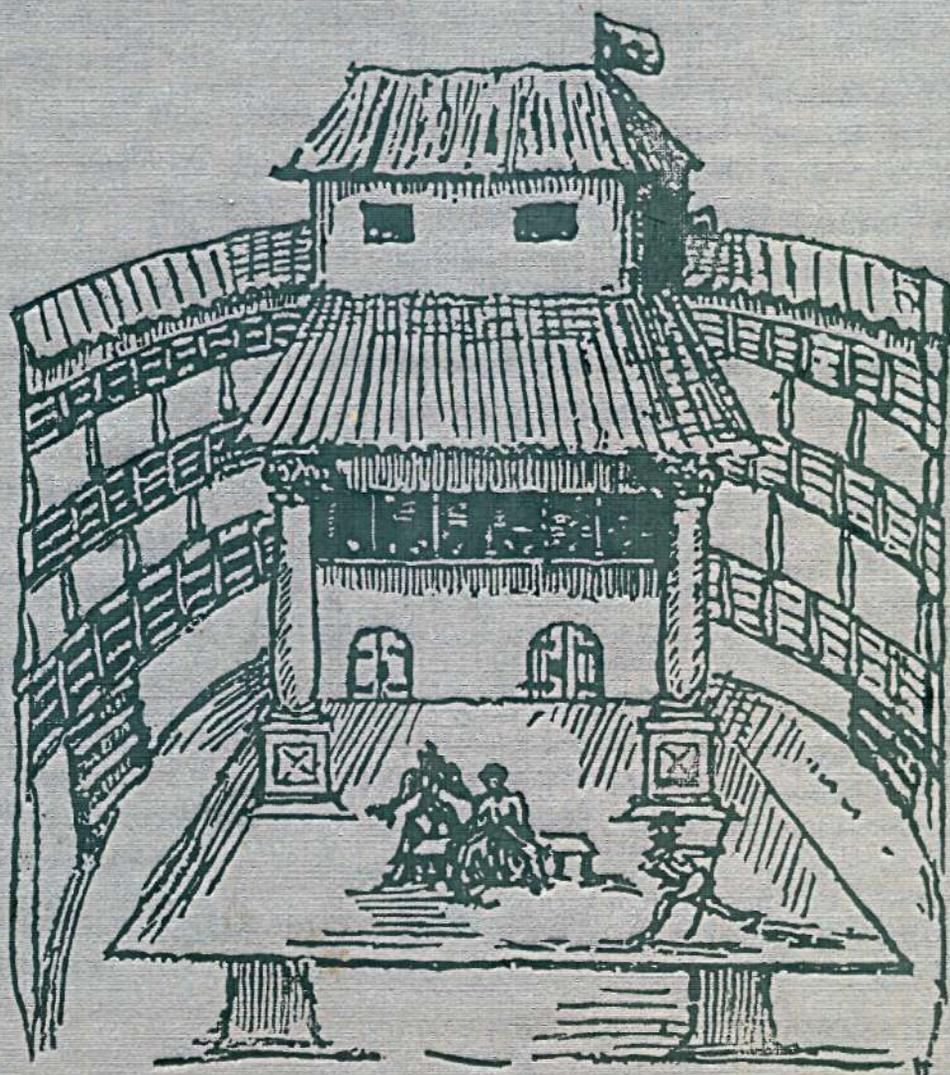

МОСКВА
"РАДУГА"
1986

Ф. Е. ХОЛЛИДЕЙ

ШЕКСПИР

И ЕГО МИР

Deus Eum, si vult, in alle
We shall not look upon his likeness

The Corporation
and Inhabitants of Stratford
Assisted by
The munificent Contributions
of the Noblemen
and Gentlemen in the Neighbourhood
Rebuilt this Edifice in the Year 1768

The Statue of Shalloppest
and his Picture within
were given by David Garrick Esq.

F. E. HALLIDAY

SHAKESPEARE
AND HIS WORLD

THAMES AND HUDSON
LONDON
1979

Ф. Е. ХОЛЛИДЕЙ

ШЕКСПИР И ЕГО МИР

МОСКВА
«РАДУГА»
1986

ББК 83.34 Англ-8
Х72

Предисловие, перевод и комментарий
В. Харитонова

Редактор **Н. Осколкова**

Х72 **Холлидей Ф.** Шекспир и его мир. — Пер. с англ.; Предисловие Харитонова В. — М.: Радуга, 1986. — 168 с.

Книга «Шекспир и его мир» принадлежит перу крупнейшего современного шекспироведа Ф. Холлидея. Она отмечена глубоким научным подходом, написана ясно и живо. Со страниц книги встает образ человека, живущего в ногу со своим временем, его тревогами, радостями и надеждами. Богатый иллюстративный материал зримо воссоздает яркие черты эпохи.

Книга рассчитана на широкие круги читателей.

ББК 83.34 Англ-8

Авантитул. Свинцовая скульптура Шекспира в стене стратфордской ратуши, подаренная муниципалитету в 1769 году Дэвидом Гарриком, организатором шекспировского юбилея. Скульптура работы Джона Чизра.

Редакция литературоведения и искусствознания

X $\frac{460300000-168}{030(01) - 86}$ 74—86

© Thames and Hudson, London, 1979
© Предисловие, перевод на русский язык, комментарий издательство «Радуга», 1986

НОВАЯ КНИГА О ШЕКСПИРЕ

(...) из всех великих людей он самый загадочный. Единственное, что мы знаем о нем, — это то, что он жил и страдал.

Д. Джойс. Улисс

Как гроза, в пути объемля
Жизнь и случай, смерть и страсть,
Ты пройдешь умы и земли,
Чтоб преданьем в вечность впасть.

Б. Пастернак. Художник

В конце XVIII века редактор шекспировских текстов Джордж Стивенс писал: «Все, что мы знаем о Шекспире, — это то, что он родился в Стратфорде-на-Эйвоне, женился, родил детей, уехал в Лондон, стал там актером, написал пьесы и поэмы, вернулся в Стратфорд, составил завещание и умер».

Раздумывая над этим меланхолическим пассажем, приходишь к мысли: а ведь *сказано много*. Человек прошел полный круг жизни, сыграл во всех ее пяти действиях, исполнил все, что было отпущено ему на земле. Был сыном, мужем, отцом, тружеником, старцем, удалившимся на недолгий, а потом и вечный покой. Прочти мы этот текст на могильном камне с ничего не говорящей нам фамилией, и умиление затеплится в душе, как при чтении «Сельского кладбища» Т. Грея. Однако на «камне» начертано имя Шекспира, и о Шекспире здесь сказано туманно: стал актером, написал пьесы и поэмы... Еще меньше скажет нам, несмотря на велеречивость, эпитафия под бюстом драматурга в стратфордской церкви. В свете наших сегодняшних требований к биографии исторической личности о жизни Шекспира мы *знаем мало*, хотя, разумеется, больше, чем знал Стивенс. В утешение иногда говорят: еще меньше известно о К. Марло или Бене Джонсоне. Но какое же это утешение? Жаль, что и о них мы знаем так мало.

Читатель любит биографии. Последние несколько десятилетий вообще отмечены своеобразным биографическим бумом и в нашей стране, и за рубежом, причем наряду с романизированными биографиями жадный интерес проявляется и к публикациям «сухих» исторических документов. Это жанр с солидным историческим прошлым. Не слишком углубляясь (а то можно дойти и до хеттов), упомянем хотя бы любимого Шекспиром Плутарха. Шекспир безусловно был любителем биографического чтения, как и Монтень, признававшийся: «Больше всего мне по душе авторы жизнеописаний». Но в какой степени сам

Шекспир годится на роль биографического героя? Оказывается, он в числе излюбленных, хотя редкий биограф не посетует на скудность сохранившихся свидетельств. Создается впечатление, что именно эти трудности раззадоривают авторов сочинений, посвященных исключительно или в значительной части «скромной оболочке его (Шекспира) тесного гражданского быта» (В. Боткин). Является также мысль, что, осваивая этот трудный и ответственный «материал», биографический жанр словно в искупление своей провинности (не только прижизненных, но даже посмертных биографий Шекспира нет) именно «на Шекспире» демонстрирует богатейший арсенал своих возможностей. Есть обстоятельные научные биографии, в которых найдется место документам и вымыслам; есть строго научные документальные биографии; есть академические подборки сохранившихся документов; есть популярные жизнеописания с сильной долей беллетристики; есть, наконец, просто беллетристические произведения, центральным героем которых является Шекспир.

Самый скромный, но и самый строгий биографический жанр — энциклопедическая справка, с нее мы обычно начинаем свое знакомство с историческим лицом. Поставим себя на место редактора, готовящего справку о Шекспире. Дата и место рождения, происхождение — известны. Образование? С большой степенью вероятности предположили, что он учился в грамматической школе. Начало трудовой (литературной) деятельности? Скорее всего, учился ремеслу у отца-перчаточника и с ним же работал. Сведения о женитьбе вообще относятся к разряду факультативных, но вследствие некоторых обстоятельств этой женитьбы и ввиду общей скудости картины приведем и эти сведения. Дальше — полный мрак на несколько лет (с 1585 по 1592 г.). «Годы странствий?» Это уже из другого жанра — из «романа воспитания», через призму которого современный начитанный человек обычно и воспринимает «ранние годы» исторической личности. Оставив запнувшуюся энциклопедию, обратимся к более пространным формам жизнеописания. Чем заполнить «утраченные годы»? Догадками и легендами? Многие так и делают. Разумнее поступает осторожный биограф: он сажает героя на лошадь и отправляет в долгую дорогу — в Лондон. Конечно, он будет добираться всего 4—5 дней, но за это время на многих страницах перед нами развернут широкое историческое полотно, и, право, лучшей возможности это сделать просто не найти. Без описания путешествия из Стратфорда в Лондон не обходится ни одна биография Шекспира, это ее неперменный идейно-композиционный момент. Другое «общее место» — вдохновенное творчество набело, поскольку заслуживающие доверия издатели его первого собрания сочинений отметили, что он писал, не вымарывая ни одной строчки (по этому поводу Б. Джонсон впоследствии заметит: «Лучше бы он вымарал их тысячу!»). Итак, он в Лондоне, скоро он актер столичной труппы. Лондонский Шекспир — это, собственно говоря, и есть тот Шекспир, которого мы «знаем» и о котором повеселевшая энциклопедическая справка ведет строй-

ный рассказ с периодизацией творчества и всем прочим, чему полагается быть.

Привлекательность биографического жанра в глазах писателя легко понять: он дарит герою вторую жизнь. Ее итоги, известные нам (а герой мог заблуждаться относительно их значимости), ретроспективно высвечивают решающие минуты его биографии (а он мог придавать значение совсем другим моментам). Изучив документы, «обжив эпоху», исследовав поприще, на котором действовал избранный герой, с полагающимся тактом разобрав его дневники и письма, определив круг влияний (например, круг чтения), критически приняв в расчет, что говорили и писали современники, биограф строит рассказ таким образом, чтобы в жизни главного персонажа выявился некий план, некое творческое устремление, сделавшее закономерными те или иные свершения — и самую его жизнь сделавшее как бы творчеством. А в этом — ее привлекательность в глазах читателя. Именно благодаря заразительной силе жизнотворчества далекий, например, от химии человек не может оторваться от биографии Д. Менделеева. Так проявляет себя изначально присущая биографическому жанру морализаторская, поучительная установка: примером образцовой жизни навести на мысли о «плане» собственной — и что-то в нем, может, поправить, пока не поздно.

Сохранившиеся свидетельства современников Шекспира (Г. Четла, Д. Дейвиса, Б. Джонсона) донесли до нас драгоценные черточки его характера. Это был человек деликатный и выдержанный, доброжелательный. Шумных актерских сборищ не любил — сказывался больным и не ходил на них. Интеллигент в первом поколении, он был отменно трудолюбив. Нельзя не обратить внимания на то, что обычно к его имени ставятся эпитеты «честный» и «благородный». «Честный» (honest) значит: берег честь, жил по совести, был человеком почтенным и надежным. В таком же смысле употреблял это слово Пушкин, когда поминал своего родоначальника Радшу (Рачу) — «мужа честна». Шекспир и в делах был честен, то есть строг и принципиален до шепетильности, и если сам был обязательным человеком, то и от других требовал того же (это к вопросу о том, что он не любил прощать забывчивым должникам). А слово «благородный» (gentle) и сегодня значит то же, что четыреста лет назад, — в России ли, в Англии. Впрочем, в ту пору высокие душевные качества считались скорее принадлежностью «благородного сословия» (gentlefolk), но и эту оговорку Шекспир превозмог: вполне законно стал «джентльменом».

Не избалованный вниманием современников, Шекспир не может пожаловаться на забывчивость потомков. Его имя возникает в самых неожиданных обстоятельствах. Человек приезжает на Кавказ отдохнуть, открывает газету «Советская Аджария» и, поражаясь, читает, что благодаря Шекспиру на сегодняшний день в мире имеют постоянный заработок 800 000 человек. Заметка называется: «Шекспир-кормилец». Поистине статистика знает все. Через 10 лет наш памятный (а забыть такое невозможно) знакомый уже не

очень удивится, прочитав в «Литературной газете» информацию «Шекспир в борьбе с безработицей»: оказывается, фестиваль драматурга в одном американском городке «способствовал созданию ста дополнительных рабочих мест». Действительно, кормилец. А в 1984 году наш путешественник оказывается в Веймаре на «Шекспировских днях», ежегодно в конце апреля организуемых Немецким Шекспировским обществом (ГДР). Пусть не 800 000, но полторы-две сотни людей несколько дней неотступно думают об одном человеке. И тогда, не стесняясь высоких слов, спокойно принимаешь мысль о бессмертии Шекспира как категории почти материальной.

В обширной литературе о жизни и творчестве драматурга книга Фрэнка Эрнста Холлидея (р. 1903) «Шекспир и его мир» занимает свое обязательное место. Этот краткий очерк, популярный и богато иллюстрированный, можно назвать введением в биографический раздел научного шекспироведения. Еще точнее: это путеводитель по жизни Шекспира. В нашей литературоведческой номенклатуре такой жанр не значится, но для разговора о книге Холлидея допустим его существование, благо его буквальный смысл побуждает сразу поставить важнейшие вопросы: кто наш проводник и какой дорогой он ведет.

Проводник у нас опытный и знающий. За плечами у Холлидея несколько капитальных исследований, посвященных Шекспиру: «Шекспир и его критики» (1949, 2-е издание — 1958), «Шекспировский справочник. 1550—1950» (1952; к 400-летию юбилею дополнен и переиздан: «Шекспировский справочник. 1564—1964», 1964), «Поэзия шекспировских пьес» (1954), «Шекспировский культ» (1957) и другие. Есть у Холлидея и «большая» биография Шекспира (1961). Как биограф Холлидей занимает принципиальную позицию: не верит большинству «легенд», из которых в немалой степени состоит биография Шекспира (и потому он почти не упоминает их), и для него не существует проблемы авторства. Соответственно дорога, которой он ведет читателя, — это прямая дорога достоверно установленных фактов. Чуть какая неясность, зыбкость — и автор берет осторожный, «парламентский» тон: «видимо», «скорее всего», «похоже, что» и т. п. Холлидей не спешит разделить догадки своих предшественников — и не настаивает на своих собственных.

Такая позиция полностью оправдывает себя в книге, которую мы назвали путеводителем по жизни Шекспира. В самом деле, прочитав ее, мы получаем ясное, стройное и довольно полное представление о человеке, который жил и творил 400 с лишним лет назад. Конечно, заслуга в этом не одного Холлидея, и он оговаривает это во Вступлении. За 300 лет наука о Шекспире накопила огромный материал, а главное, научилась с ним работать. Мы сейчас совершим небольшое путешествие в прошлое, попытаемся хотя бы пунктиром дать «биографию» холлидеевской биографии. В соответствии с избранным жанром всю академическую оснастку своей работы автор снял, погрузил в подтекст, и поэтому в открытом тексте не всякий услышит его переключку с предшест-

венниками и современниками. Мы вкратце познакомимся с шекспировской «мифологией» — то есть с легендами и преданиями, составляющими апокрифическую биографию поэта, без знакомства с которой, по моему убеждению, наше представление о нем будет несправедливо обеднено. Для начала представим себе общие закономерности складывания такой «мифологии». Современный исследователь М. Риз, процитировав слова Стивенса, которыми мы открыли статью, отмечает: «Но даже в дни Стивенса много больше было известно о Шекспире, а то, чего люди не знали, они с большой изобретательностью придумывали». Причину такого «фактотворчества» Риз в другом месте определяет так: «...естественно, стратфордцам хотелось приукрасить память о знаменитом земляке. Они до сих пор это делают».

Известно, что причастность (даже мимолетная и случайная) к значительному событию или лицу рождает неодолимое желание творить легенды. Тут не помеха даже, что личность стала исторической уже при жизни и буквально каждый ее шаг известен и расписан. «Мифотворцев» можно понять: легенда, творимая ими, осеняет своим крылом их тоже, они вырастают в собственных глазах.

Содержание и в особенности колорит легенды определяются факторами отступившего в прошлое времени и отдаленного пространства (лондонский автор пишет об актере из Стратфорда), а также «спросом» на героя (кому и какой он нужен сейчас).

Не редкость услышать сетования по поводу того, что ни при жизни Шекспира, ни вскоре после его смерти не была написана его биография — тогда, дескать, не было бы легенд и преданий. Во-первых, легенды и предания были бы все равно. Во-вторых, в шекспировское время жанра биографии в нашем понимании просто не было, тем более для лиц незнатного происхождения и предосудительной профессии (актер). Лишь две попытки в биографическом роде отмечены в Англии XVI века: жизнь Томаса Мора, написанная его зятем Уильямом Ропером, и жизнь кардинала Вулси, написанная племянником Мора Джорджем Кавендишем. Оба эти произведения посвящены «мученикам» и поэтому недалеко отстоят от «жития святых».

Первые попытки воспроизвести обстоятельства жизни Шекспира были предприняты лишь в эпоху Реставрации, когда после пуританского запрета вновь открылись театры и Шекспир, хоть и в переделанном виде, вернулся на сцену. И тогда выяснилось, как мало известно о его жизни и насколько гадательно и малодостоверно то малое, что казалось известным.

В 1662 году была опубликована «История достопримечательных людей Англии» королевского капеллана Томаса Фуллера (1608—1661). В главке, посвященной графству Уорикшир, он дает краткий очерк о Шекспире. Фуллер располагал очень скудными сведениями о Шекспире, он даже не знал точного года его смерти. Как достоверное он сообщает о малой

учености и «нутряном» таланте Шекспира и о его «умственных баталиях» с Б. Джонсоном. В сущности говоря, он ничего не добавил к известным отзывам Джонсона: «...он (т. е. Шекспир) плохо знал латынь и еще хуже греческий» (из стихотворения в фолио 1623 г.) и «Шекспиру не хватало искусства» (из беседы с У. Драммондом в 1618 г.). Впрочем, классическим стало фуллеровское сравнение Джонсона с неповоротливым испанским галеоном, а Шекспира — с маневренным английским военным кораблем.

Тогда же стратфордский викарий Джон Уорд (1629—1681) собирал и записывал местные анекдоты и предания, медицинские рецепты (в молодости Уорд учился на медика) и прочие занятые сведения. Он сделал себе заметку на память: связаться с миссис Куинли и прочесть Шекспира. Еще здравствовали внучка Шекспира, леди Бернард, его сестра Джудит Куинли (она умерла в 1662 году) и племянник Томас Харт, но из записей Уорда трудно заключить, воспользовался ли он их воспоминаниями. Уорд сообщает: в молодости Шекспир был завзятым театралом, в зрелые годы жил в Стратфорде и сочинял по две пьесы в сезон, разбогател и тратил («как я слышал») 1000 фунтов в год. Обстоятельства смерти драматурга («Шекспир, Дрейтон и Бен Джонсон бурно отпраздновали встречу...») — тоже из записей Уорда, и, хотя к тому времени минуло уже столетия, эта история претендует на некоторую степень достоверности. Бен Джонсон, мы знаем, был в дружеских отношениях с Шекспиром и, как говорится, любил застолье, а Дрейтон — земляк Шекспира, лечился у доктора Холла, его зятя, и естественно предположить близкое знакомство Шекспира с Дрейтоном. Впрочем, известный шекспировед Д. Смарт крайне скептически относится к этой истории. Когда же речь заходит о 1000-фунтовых расходах Шекспира (это фантастические деньги), то и самый непредубежденный читатель теряет доверие к Уорду-биографу.

Двадцать лет спустя известный антикварий Энтони Вуд (1632—1695) взялся за составление жизнеописаний «всех писателей и епископов», окончивших Оксфордский университет (Вуд — уроженец Оксфорда, выпускник старейшего Мертон-колледжа.) К сбору материалов он привлек Джона Обри (1626—1697), своего приятеля. Шекспир хотя и был писателем, но университета не кончал, и в поле зрения Обри он попал потому, что тот как истый энтузиаст не удержался в предначертанных границах. Обри — историк ненадежный, он слишком доверчив к «историям». Не затрудняя себя проверкой, он, например, называет Чосера «сэром», хотя тот никогда не был рыцарем, и делает его владельцем феодального замка. В очерке жизни Шекспира он заявляет, что отец Шекспира был мясником и тому же ремеслу учил сына. Готовясь заколоть теленка, ученик-де исполнял процедуру «в высоком стиле», произносил речь. Не говоря о том,

что юноша выглядит в этой сцене по меньшей мере странно, Обри обнаруживает полное невнимание к цеховым строгостям: перчаточник Джон Шекспир не мог быть мясником. Предполагают, что этими сведениями Обри обязан стратфордскому церковному сторожу Уильяму Каслу. В 1693 году 80-летний Касл (в лучшем случае он родился за два года до смерти Шекспира) повторил примерно то же самое «м-ру Дауделлу» (ничего не известно об этом человеке), а несколькими годами позже потряс воображение Чарлза Гилдона (1665—1724) рассказом о том, что-де сцена с Призраком в «Гамлете» была написана «в его (т. е. Шекспира) доме, который стоял как раз против кладбища и склепа». Поистине доверчивость первых биографов Шекспира вызывает изумление. Ведь они ходят по Стратфорду — как же не увидеть глазами то, что ясно даже из плана города: никакого кладбища и склепа не было ни вблизи дома на Хенли-стрит, ни вблизи «Нового места». Обри отправляет Шекспира в Лондон в возрасте 18 лет, хотя известно, что тому был 21 год, когда в Стратфорде при нем родились близнецы Джудит и Гамнет. По дороге из Стратфорда в Лондон, рассказывает Обри, Шекспир встретил констебля, которого потом вывел в «Сне в летнюю ночь» (этого констебля якобы еще застал в живых и хорошо знал приятель Обри, некий мистер Хоу). В названной пьесе констебля нет, и непонятно, что мешало Обри убедиться в этом, заглянув в текст. Или такая «история»: существует язвительная эпитафия на смерть «старого ростовщика» Кума. Обри доверчиво считает ее автором Шекспира, хотя Кум, знавший эту эпиграмму, в завещании оставил Шекспиру 5 фунтов. Не знал Обри и завещания Шекспира, иначе не заявил бы, что драматург оставил сестре ежегодный доход в 200 или 300 фунтов.

Когда Обри составлял свои записки, ему встретился человек, многое знавший о театральных делах накануне гражданской войны, — Уильям Бистон, сын Кристофера Бистона, учившегося актерскому ремеслу у Огастина Филипса и в 1598 году игравшего с Шекспиром в комедии Джонсона «Каждый в своем нраве». Знакомство едва закрепилось, как Бистон умер. Обри пришлось довольствоваться помощью совсем неосновательных мемуаристов, один из которых поведал ему, что-де Бен Джонсон убил «поэта Марло». В этом ошеломляющем вымысле слились два реальных факта, между собой никак не связанных: Марло умер от руки правительственного агента, а Бен Джонсон убил на дуэли коллегу-актера Габриэла Спенсера.

От Бистона Обри успел узнать: «В молодые годы он (Шекспир) учительствовал в провинции». Однако ни в публичной школе, ни в частной Шекспир вроде бы не мог быть учителем: для этого требовалось университетское образование и соответствующая лицензия. Он мог быть помощником учителя, мог быть частным репетитором, но документальных подтверждений этому нет. Однако это предание имеет своих сторонников

среди современных шекспироведов, и в романной биографии Э. Берджеса («На солнце не похож», 1964) учительство Шекспира — один из основных эпизодов.

Есть у Обри и жизнеописание поэта-лауреата, сэра Уильяма Д'Авенанта. Отец сэра Уильяма, Джон Давенант (аристократический апостроф появился стараниями сына Уильяма), владел таверной на Хай-стрит в Оксфорде, где часто останавливался Шекспир на пути из Стратфорда в Лондон и обратно. Поэта хорошо помнил старший сын Джона, Роберт, а младший, как полагают, назван в честь почитаемого гостя. В год смерти Шекспира Уильяму Давенанту было десять лет, однако он тешил себя мыслью, что именно ему Шекспир «передал лиру».

Следующий биограф Шекспира — Николас Роу (1674—1718). В 1709 году он выпустил 6-томное издание Шекспира со своим биографическим очерком. Это первая напечатанная биография Шекспира (труды Уорда и Обри оставались в рукописях). Роу показал себя добросовестным биографом. По его просьбе актер Т. Беттертон специально ездил в Стратфорд для сбора сохранившихся свидетельств. Навыка работы с документами у Беттертона не было, и, хотя он листал метрическую книгу, он порядком напугал: Гамнета посчитал девочкой («у него (т. е. Шекспира) было три дочери, две остались в живых и вышли замуж»); сильно увеличил численность семьи за счет однофамильцев; Джона Шекспира записал в торговцы шерстью, чему якобы учился у него и сын Уильям. У Роу мы опять встречаем сюжет «Шекспир и 1000 фунтов стерлингов», но теперь эти сумасшедшие деньги дарит поэту граф Саутгемптон. Непомерная величина подарка смутила и Роу: по его признанию, он не поверил бы этой истории, не будь ее источником сам сэр Уильям Д'Авенант, лет за сорок до того рассказавший ее Беттертону. Насколько надежный информатор сэр Уильям — это еще вопрос, и интересна эта версия в другом отношении: здесь впервые ставятся в связь имена Шекспира и Саутгемптона.

За посвященные графу поэмы Шекспир наверняка получил вознаграждение, и, например, Э. Берджес в иллюстрированном очерке 1970 года предполагает, что сумма могла быть 100 фунтов. Однако в его же романе граф раскошеляется на 1000. Возможно, эта неприкаянная 1000 осталась в традиции потому, что таким был долг Фальстафа судье Шеллоу («Генрих IV», часть 2, акт V, сц. 5). Попутно отмечу, что обе работы Берджеса демонстрируют принципиальную разность литературоведческого и беллетристического подходов к биографии исторического лица. При всех необходимых оговорках биограф-литературовед озабочен достоверностью легенды (как было), а биограф — беллетрист — ее убедительностью (как могло быть). «Свидетельства лестного расположения» графа — все из области доброжелательной фантазии. По мере роста популярности Шекспира у его

биографов ясно выявилось намерение ввести его в круг сильных мира сего. Биографы довели дело до того, что в XIX веке считались непреложной истиной задушевные отношения между Шекспиром и Саутгемптоном.

Роу засвидетельствовал, что Шекспир учился в бесплатной школе, повторил историю о виршах для надгробия Джона Кума (он не знал о завещании Кума), поведал о том, что Елизавета заказала Шекспиру «Виндзорских насмешниц». До того как Шекспир убедил своих товарищей поставить пьесу Бена Джонсона «Каждый в своем нраве», Джонсон, пишет Роу, был «совершенно неизвестен». Это уже серьезная ошибка. Впервые «слуги лорда-камергера» поставили эту пьесу в 1598 году, и к этому времени Джонсон успел прославиться постановками своих пьес у Хенсло, а Ф. Мерез назвал его среди «лучших авторов трагедий».

Наибольшую известность приобрела впервые рассказанная Роу история о браконьерстве. На ее примере хорошо видно, как исподволь складывалась и «уточнялась» до степени правдоподобия шекспировская «мифология». Можно приблизительно датировать ее возникновение: последние два десятилетия XVII века, поскольку ничего не знали о браконьерстве ни уроженец Стратфорда Уорд, ни охочий до «историй» Обри (он был в Стратфорде около 1680 года). Первым записал «историю» преподобный Ричард Дейвис (ум. 1708). От своего друга, викария Уильяма Фулмана (1632—1688), известного архивариуса, состоявшего в переписке с Вудом, Дейвис наследовал рукописный свод биографий, который дополнил собственными сведениями. В частности, в предельно краткую справку о Шекспире он ввел яркую деталь, и поныне интригующую его биографов: Шекспир якобы умер католиком. По Дейвису, Шекспир неудачно браконьерствовал в угодьях «сэра Люси», за что его неоднократно пороли, сажали под замок и в конечном счете вынудили бежать из родного края. Став драматургом, Шекспир отомстил Люси, изобразив его в образе судьи Клодпейта (т. е. «тупицы», «болвана»), на чей герб он поместил трех вшей (louses — почти омоним Люси). На гербе же Люси было три щуки (lucis — полный омоним фамилии). Рукопись Фулмана — Дейвиса Роу была недоступна, и история о браконьерстве, скорее всего, известна ему от Беттертона, который мог слышать ее в 1708 году в Стратфорде, или от того же Уильяма Д'Авенанта. «Как это сплошь и рядом случается с молодыми людьми, — пишет Роу, — Шекспир имел несчастье попасть в дурную компанию» и браконьерствовал в парке сэра Томаса Люси в Чарлките около Стратфорда. Сэр Томас чувствительно наказал повесу, а тот в отместку сочинил ругательную балладу. Это уже новая деталь. Текст утрачен, но, говорят, стихи были до такой степени злыми, что сэр Томас стал преследовать его еще пуще и вынудил-таки бросить дело и семью и спасаться бегством в Лондон. В варианте Роу появились уточнения: полностью назван зарвав-

шийся феодал — «сэр Томас Люси из Чарлкота» (первые биографы Шекспира, выдвигая мотив «травли», похоже, забыли, что за браконьерство полагалось три месяца тюрьмы или трехкратное возмещение ущерба); вместо судьи Клодпейта Роу правильно указал судью Шеллоу (тоже смысловая фамилия: мелкий, ничтожный) — из «Виндзорских насмешниц». Пьеса, напомним, начинается с того, что судья грозит пожаловаться в Звездную палату на сэра Джона Фальстафа, который прибил его слуг, подстрелил оленя и ворвался в дом лесничего. Племянник судьи, Слендер, подзадоривает судью, напоминая, что тот дворянин и на его гербе «двенадцать серебряных ершей» (в русском переводе ерши заменили щук, чтобы был возможен каламбур с вшами). У Дейвиса было сказано, что Шекспир бил в заповеднике Люси кроликов и оленей — Роу ограничивается оленями (видимо, так «солиднее»?). Во всей этой «истории» гипнотизировал спрямленный выход на судью Шеллоу с его двенадцатью щуками в гербе. Раз у сэра Томаса в гербе есть щуки, то он прототип судьи Шеллоу и, значит, история о браконьерстве подлинна. Никого не остановило, что комическая фигура судьи не вяжется с Люси, каким он предстает из свидетельств современников, не говоря уже о том, что в первой части «Генриха VI» Шекспир с большим уважением вывел его предка, сэра Уильяма Люси. Никого не остановило и то обстоятельство, что щуки были на многих гербах — у Гаскойнов, у судьи Гардинера, у графа Нортгемптона (у него, кстати сказать, было как раз двенадцать щук, как у судьи Шеллоу) и, наконец, у компании лондонских рыборотковцев.

В конце XVIII века Э. Мэлон (1741—1812) — по общему мнению, родоначальник научного шекспироведения — взялся отделить факты от вымысла. Многие легенды, сообщенные Роу, он отверг. В своем биографическом очерке Мэлон приводит по рукописи, автором которой он считал друри-лейнского суфлера Четвуда, такой факт: будто бы лет сорок назад кембриджский профессор Джошуа Барнс слышал в Стратфорде два куплета ругательной баллады. Соль ее в том, что, потеряв оленя, сэру Томасу есть чем утешиться: благодаря супруге у него есть свои хорошие рога. Браконьерство считается установленным фактом, и в центр истории выдвигаются оскорбительные стихи. У. Олдис (1696—1761), автор утраченного жизнеописания Шекспира (впрочем, его успел увидеть Стивенс, взявший некоторые сведения из него во второе издание своего шекспировского десятитомника в 1778 году), также сообщает, что слышал куплет баллады от некоего джентльмена, лет пятьдесят назад ездившего в Стратфорд. Но это уже другая баллада, не та, что у Мелона — Четвуда: здесь сэр Томас без обиняков называется ослом (хотя он и член парламента) и, как в «Виндзорских насмешницах», каламбурно обыгрывается фамилия: «вшивый Люси». Позже Олдис добавит, что баллада была пририта к воротам парка

сэра Томаса. Редактор шекспировских текстов Э. Кейпелл (1713—1781) приводит тот же текст баллады, что у Олдиса: «много лет назад» (не правда ли, мы уже привыкаем к этому почти сказочному зачину?) его сообщил некий мистер Уилкс, присовокупивший и «предысторию». Будто бы в Тарбиге близ Стратфорда в 1703 году в возрасте девяности с лишним лет умер некто Томас Джонс. В свое время он слышал балладу от городских старожил, когда наведаясь в парк сэра Томаса Люси. Текст баллады Джонс продиктовал Томасу Уилксу, тот — своему тезке-сыну, а этот — уже Кейпеллу. Джон Джордан (1746—1809), колесник из Тиддингтона близ Стратфорда, поэт-самоучка и антикварий, перенес «место действия» из Чарлкота в Фулбрук, а также обнародовал полный текст «вшивого Люси» — Мэлон включил его в раздел «Приложение» своего издания Шекспира, но с оговоркой: его «обнаружили в комод, который в свое время принадлежал миссис Дороти Тайлер из Шоттери близ Стратфорда, умершей в 1778 году в возрасте 80 лет (...), я убежден, что в подлинности обе версии баллады друг друга стоят — и та, и другая подделки». Лондонский издатель Р. Филлипс (1767—1840) внес в историю новую краску: оленя Шекспир забил к свадебному столу. Посетивший Чарлкот в 1828 году Вальтер Скотт узнал от потомков сэра Томаса Люси, что оленя, оказывается, подстрелили «в другом парке» и там же спрятали в амбаре — имелся в виду, очевидно, Фулбрук. Еще один поздний потомок рыцаря, миссис Люси, поведала биографу Шекспира С. Фуллому (1862), что в родословной семье, составленной лет девяносто назад на основании семейных документов и преданий, подтверждалось: баллада действительно была прибита к воротам парка в Чарлкоте.

В наши дни эта почти трехсотлетняя легенда была решительно пересмотрена Л. Хотсоном, который в своей книге «Шекспир против Шеллоу» (1931) на роль прототипа судьи Шеллоу предложил Уильяма Гардинера (Холлидей пишет об этом). Но, например, авторитетнейший Э. К. Чэмберс не разделяет этой точки зрения — хотя бы потому, что история о браконьерстве — это стратфордский период жизни, а Гардинер — это Лондон. Дорожит легендой о браконьерстве и нынешний потомок пращур-рыцаря, Э. Фейерфакс-Люси, причем движут ею не геростратовские побуждения: лишись человечество этой легенды, заявляет она, и из облика Шекспира уйдут живые, характерные черты.

В продолжение XVIII века Шекспир оброс еще несколькими легендами. Долго держалась, например, легенда о том, что-де по приезде в Лондон Шекспир караулил лошадей у театра, пока их владельцы смотрели представление. Впоследствии предприимчивый юноша сколотил целую команду из сверстников, называвших себя «шекспировскими мальчиками». Передача этой легенды «из рук в руки» напоминает детскую считалочку: Давенант

рассказал ее Беттертону, Беттертон — Роу, Роу — Попу, Поп — епископу Ньютону, епископ — «одному джентльмену», этот джентльмен — секретарю-переписчику С. Джонсона, секретарь — самому Джонсону, а уж доктор Джонсон ввел эту историю в свое издание Шекспира (1765) и тем увековечил. Мэлон прямо заявлял, что в историю с лошадьми и «шекспировскими мальчиками» не верит. Скорее всего, Шекспир еще в Стратфорде свел знакомство с наезжавшими из Лондона актерами и в столицу приехал уже в составе какой-нибудь труппы. Однако «история» колоритна и чрезвычайно выигрышна в рассуждении «карьеры».

Лучшее, и часто единственное, оружие ученого, работающего с шекспировской «мифологией», — здравый смысл. Из современников этим драгоценным качеством наделены Чэмберс, Смарт. Стойко держится, например, убеждение, что Джон Шекспир был безграмотен: на сохранившихся документах вместо подписи он ставил крест или знак своей профессии — «распорку». Желая «выгородить» отца Шекспира, некоторые ученые говорят: это еще ничего не значит — иногда грамотные люди тоже ставили крест, поскольку это равносильно присяге, клятве и поэтому вернее всякой подписи. А Смарт рассуждает мудро: как же он мог быть безграмотным, если городское самоуправление дважды доверяло ему казначейские дела? Хорошо, записать может и писарь, но не водить же повсюду за собой писаря! Кроме того, надо и проверить, что там записал писарь. Ответ придется держать Джону Шекспиру, а не писарю. И в историю о браконьерстве Смарт не верит на очень простом основании: право на заповедник мог дать только королевский патент, а Люси получили его позже, в 1618 году.

Отсутствием здравого смысла грешили те писавшие о Шекспире, кто модернизировали личность драматурга, мерили его своими, позднейшими мерками. Например, находили недостойным «царя поэтов» домогаться дворянства (строго говоря, Шекспир только «подстраховал» своим авторитетом и связями челобитную отца). Точно так же разводят руками по поводу его материального преуспевания, хотя в основе его каторжный труд, а не одна деловая хватка. Все это кабинетные рассуждения, они не принимают в расчет, что титанические личности той эпохи не только открывали новые земли и новые горизонты культуры, но и каждодневно решали насущные проблемы частного существования. Инициатива — девиз шекспировского времени: успеть раньше и лучше других — идет ли речь о написании пьесы, о покупке дома или об удержании места при дворе. Шекспир жил в обществе, где гражданская и личная независимость обеспечивалась благоприобретенным «имением» либо аристократическими прерогативами. Именно практическую сметку высоко ценил у него один из самых трезвых умов нашего века — Б. Шоу, как известно, не очень жаловавший «барда»: «(...) человек поднабрался у своего отца кое-какого опыта, пока другие поэты и драматурги губили себя по университетам». Шек-

спир — цельная личность, и это было трудно понять (или принять), например, в романтическую эпоху, когда «творческая личность» и «практический деятель» полярно разошлись. Их соединение в одном лице давало либо драматический результат, как в случае с Бальзаком, либо морально сомнительный тип «приспособленца». Понятно, что в связи с Шекспиром второй вариант у романтиков даже не возникал. «Существуют поклонники Шекспира столь ревнивые относительно его чести, — писал Э. Дaudен, — что они не в состоянии допустить какой-нибудь нравственный недостаток в таком благородном человеке». Зато позже «реалисты» откажут приобретателю и сквалыге из Стратфорда в праве на его сочинения. «Прежде мы канонизировали своих героев. Теперь вошло в обычай их вульгаризировать» — это из эссе О. Уайльда «Критик как художник», причем говорится здесь о «составителях биографий».

Между тем и вопрос о дворянстве Шекспира не так прост и однозначен, как может показаться. Шекспир в высшей степени обладал историческим самосознанием, то есть чувство истории, выразившееся в его хрониках, определяло и его частное существование. Недаром он так пекся о продолжении рода, фамилии. Оглядываясь назад, он упирался в деда Ричарда, за которым была полная тьма. Счастье, что забрезжил героический предок и фамилия обрела исторические обертоны.

К началу XIX века процесс складывания и закрепления в литературе шекспировской «мифологии» в основном завершился. Биография драматурга в ту пору представляла собой, условно говоря, некое ядро достоверных, документально подтверждаемых фактов в оболочке малодостоверных легенд. Скорее всего, мы никогда уже не узнаем его жизнь в «утраченные годы», никогда не узнаем имени «утаенной любви». Поэтому молодые годы Шекспира и «смуглая леди» сонетов — излюбленные сюжеты шекспировской беллетристики: здесь вымысел не возбраняется. В лучшем случае отвергнутый, но не опровергнутый Мэлоном и Стивенсом, «романтический» антураж принимается романтиками как должное. Он и впрямь «поэтичен», поскольку он плод фантазии, но многие искренне думали, что «фантазировала» сама прихотливая судьба. Семейная жизнь Шекспира, как мы знаем, протекала «наездами», была эпизодической. За этим может таиться драма, однако о «второй по качеству кровати» задумаются позже, а пока ристалищем страстей объявлен Лондон, где поэт переживает трудную и горькую любовь к «смуглой даме». Общественное положение драматурга представлялось уже чрезвычайно высоким: среди его друзей и покровителей не только графы, но и сама Елизавета, из-за кулис смотрящая его игру. *Noblesse oblige*¹, и героиню сонетов выбирали привередливо. В 1890 году Т. Тайлер назвал имя: Мери Фиттон. Она хотя и не аристократка,

¹ Положение обязывает (*франц.*).

но любовница аристократа, графа Пемброка. Эта претендентка станет героиней драматического скетча Б. Шоу «Смуглая леди сонетов» (1910).

Одновременно с романтическим культом Шекспира в XIX веке набирает силу научное шекспироведение. Шекспировскую эпоху исследует целый ряд школ и направлений в Германии и во Франции. Биографический раздел науки о Шекспире пополняют капитальные работы отечественных ученых Дж. О. Холлиуэла-Филиппса, С. Ли. В России много и плодотворно исследует жизнь и творчество Шекспира Н. Стороженко; выходят биографии В. Чуйко, И. Иванова. На русский язык переводятся книги М. Коха, Э. ДAUDЕНА, Г. Брандеса, Р. Женэ. В потоке публикаций постепенно проступают контуры явления, в середине века определившегося как «проблема авторства». Ни в XVII, ни в XVIII веке никто, во всяком случае публично, не высказывал сомнения в том, что пьесы Шекспира написал уроженец Стратфорда лондонский актер Шекспир. Вдруг хлынул шквал ревизионистских толкований. Они не иссякли по сей день, хотя напор, конечно, не тот.

Воображение ранних слагателей шекспировских апокрифов бледнеет перед неумной фантазией антишекспиристов. Первой ласточкой была книга американки Делии Бэкон «Раскрытие философии пьес Шекспира» (1857), где автором шекспировских текстов объявлялся философ и государственный деятель Ф. Бэкон. К соображениям Д. Бэкон сочувственно прислушались Р. Эмерсон, Н. Готорн, Т. Карлейль. Появилось еще несколько книг в пользу Бэкона, причем «обнаружилось», что он писал не только за Шекспира, но и за Марло, Б. Джонсона, Э. Спенсера и вдобавок к своим «Эссе» написал «Опыты» Монтеня. Непонятно, как он при этом успел написать вещи, подписанные его собственным именем, и выдвинуться на государственном поприще. Зачем, спрашивается, нужно было отдавать авторство другому? Бэconiанцы отвечают: ради собственной безопасности и еще потому, что он не относился к этим «занятиям» всерьез и не хотел компрометировать себя. Таким образом, рисковал каждый раз Шекспир, буквально ходил по краю, однако, за единственным исключением (сыгранный накануне мятежа Эссекса «Ричард II»), у него и волос с головы не упал. В 1621 году Бэкона отставили от государственной службы за взяточничество. Тревожиться за карьеру уже не приходится, времени много — тут бы и навести порядок в творчестве, тем более что прятаться не за кого: Шекспир умер. Однако философ с достойным этого звания спокойствием мирится с тем, что в 1623 году выходит собрание «его» пьес под чужим именем. «Литературная ересь», объявившая Бэкона Шекспиром, поколебалась в 1910-е годы, ее последний сильный всплеск — памфлет Марка Твена «А умер ли Шекспир?» (1910). На смену Бэкону явился отряд титулованных личностей: граф Дерби, граф Ретленд, граф Оксфорд и, наконец, королева Елизавета. Энтузиастов, выдвинувших эти кандидатуры, можно условно назвать «неоромантиками». Их антидемократический пафос очевиден, и, казалось бы, странно,

что например, версия «Шекспир — Ретленд» в свое время всерьез рассматривалась советскими учеными: в 1924 году вышла книга Ф. Шипулинского, популяризовавшего концепцию С. Дамблтона (1912), — «Шекспир — Ретленд»; на выводах этой книги В. Фриче (1926) и П. Коган (1931) основали свои очерки жизни и творчества драматурга. Впрочем, ничего странного нет: вульгарными социологами Шекспир рассматривался как выразитель «мировоззрения аристократической среды» и графское происхождение оказалось кстати. При этом действительно случайных совпадений (и умышленных натяжек) в книге Шипулинского впечатляюще много. Такое скопление «улик» бывает только в плохом детективе.

В качестве автора шекспировских творений назывался и драматург К. Марло: после своей «мнимой» смерти в 1593 году он якобы скрылся в континентальной Европе и продолжал писать пьесы, которые актер Шекспир публиковал и подписывал своим именем. Вообще же на роль Шекспира за истекшее столетие заявлено около 30 претендентов порознь и в группах. Есть колоритные фигуры: монахиня Энн Уэтли («героиня» ошибки вустерского писателя, регистрировавшего брачную лицензию) и тоскующая в разлуке законная супруга, Энн Шекспир; королева Мария Стюарт и переводчик Монтеня Д. Флорио. Коллективное творчество (под псевдонимом «Шекспир») собирает цвет того времени: Уолтер Рэли, Джон Донн, Фрэнсис Дрейк... Характерная деталь: авторы всех этих домыслов в большинстве своем дилетанты — это журналисты, юристы, отставные военные, удалившиеся от дел политики. Они плохо знают шекспировскую эпоху, а методы, которыми они совершают свои открытия, не выдерживают критики. То изобретался некий «шифр», с помощью которого из шекспировских текстов вычитывалось обращение Бэкона к потомкам. То прибегали к столоверчению, пытали медиума, и тот давал разноречивые сведения. Дело дошло до того, что в поисках утаенных документов, хранивших истину, были потревожены некоторые склепы и могилы.

Литературные сенсации, похоже, никогда не переведутся. Время от времени их мутная пена вскипает вокруг бесспорных имен. Известно, что «Льюис Кэрролл» — это псевдоним оксфордского математика Ч. Л. Доджсона, однако существование в одном лице сказочника и сухого педанта кому-то не дает покоя. В 1935 году некие Партриджи из Нью-Йорка опубликовали книжку «Самое замечательное эхо в мире», где «доказывалось», что подлинным автором книг об Алисе был Марк Твен. Оторвавшись от реальности, литературный авантюризм обычно договаривается до полного бреда: как Бэкон «оказался» автором едва ли не всей елизаветинской литературы, так и Марк Твен, помимо кэрролловских книг, объявляется автором всех произведений Э. По и Н. Готорна. В обширной «кэрроллиане» это «открытие» долго оставалось курьезной строчкой, как вдруг в начале 1984 года из-за океана пришла новая сенсация. На сей раз Льюис Кэрролл — это королева Виктория. Будто бы существуют

особые, секретные дневники королевы, сейчас они расшифрованы и т. д. Идет время, однако ничего не происходит — баламуты молчат. Они сделали свое дело. Газеты возбужденно посудачили, ученые, оторвавшись от нужных занятий, с досадой выразили недоумение. Общественность развлеклась. Не был ли и «шекспировский вопрос» пустой тратой времени? Нет. Сами того не желая, антишекспиристы стимулировали более глубокое изучение шекспировской эпохи, помогли выявить многогранность творчества и личности Шекспира.

Говоря о вкладе советского шекспироведения в изучение биографии великого драматурга, необходимо отметить два обстоятельства, определяющие своеобразие «русского Шекспира». По понятным причинам мы строже относимся к фактам жизни *зарубежного* классика, с осторожностью внимаем открытиям и находкам и тем более осторожно принимаем новое толкование уже известных положений. Узнай мы завтра от англичан или американцев достоверное имя «смуглой леди» (Джейн Давенант? Жаклин Филд? Люси Морган? Эмилия Ланьер, урожденная Боссано?) — что изменится? Ничего не придется менять в переводах С. Маршака, и место «Сонетов» Шекспира в лирике позднего английского Возрождения каким было, таким и останется. И второе: в традициях русской мемуарно-биографической литературы — особый такт, деликатность (вплоть до шепетильности) по отношению к биографическому герою. Это завещал нам еще Пушкин: «Оставь любопытство толпе и будь заодно с Гением». Концептуальны, строго научны и по-человечески уважительны к герою биографические книги о Шекспире А. Смирнова, М. Морозова, А. Аникста, М. и Д. Урных и других советских ученых. С высокой требовательностью допускаем мы в наш литературный обиход зарубежные работы. Одной из последних переведена на русский язык чрезвычайно содержательная книга американского ученого С. Шенбаума «Шекспир. Краткая документальная биография». Теперь на шекспировскую полку встает книга Ф. Холлидея. Еще одна встреча с великим англичанином.

В. Харитонов

ШЕКСПИР И ЕГО МИР

ВСТУПЛЕНИЕ

К несчастью, распространено заблуждение, что о жизни Шекспира известно мало, а то и совсем ничего. На самом деле известно немало. Благодаря непрекращающимся усилиям английских и американских ученых — от Мэллона и Холиуэла-Филиппса в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях до наших современников Ч. У. Уоллеса и Лесли Хотсона — раскрылось многое, и нас ожидают новые открытия *; в сущности говоря, мы не были вправе даже рассчитывать на то, что будем столько знать о драматурге, который добрую половину жизни провел в захолустном городке и там же умер. Не будем забывать, что при жизни Шекспира пьесы не считались серьезной литературой; что после его смерти эффектная драматургия Бомонта и Флетчера затмила его наследие; что, наконец, в годы Гражданской войны и Республики — целых двадцать лет — театры были закрыты. Прошло, таким образом, не менее полусотни лет после смерти Шекспира, прежде чем были сделаны первые робкие изыскания, и многие биографические сведения поступали уже не из первых рук. Однако с того времени из документов и других письменных источников эпохи было извлечено немало свидетельств, и цель настоящей книги — дать скромный обзор того, что мы знаем о Шекспире-человеке после трехсотлетних поисков, а иллюстративный материал украсит и оживит рассказ.

Вдвойне огорчительно, что наша якобы малая осведомленность о жизни Шекспира приобрела характер почти всеобщего заблуждения. На этой почве, в частности, в XVIII веке, зародилось сентиментальное представление о Шекспире как о вдохновенном мужлане, для чего нет ровно никаких оснований, но что в свою очередь поддержало теорию, согласно которой такой человек не мог написать пьесы, известные под его именем. Сто лет назад некая мисс Делия Бэкон, к собственному удовольствию, доказала, что искомым автором был ее однофамилец Фрэнсис Бэкон. Мисс Бэкон окончила свои дни в лечебнице

для душевнобольных, однако ее труд продолжили ученики, против которых ополчились поборники «подлинного Шекспира» графских кровей. Сейчас нам говорят, что подлинным автором был Марло. Глядишь, какой-нибудь любитель, ищущий, чем себя занять, высмотрит в потемках драматурга-елизаветинца Уэнтурта Смита, и отряд правдоискателей пополнится.

Эта книга не писалась с целью опровергнуть подобную бессмыслицу, хотя мимоходом и косвенно это делается. В этом, насколько я могу судить, оригинальность работы, и обширная биографическая иконография, включающая документы, портреты и виды мест, послужит дополнительным доводом в пользу того, что человеком, написавшим тридцать шесть пьес Первого фолио, был Уильям Шекспир из Стратфорда-на-Эйвоне. Это вполне разумная гипотеза.

Ф. Э. Холлидей

*Сент-Айвз,
Корнуолл.
Лето 1956 года*

ДЕТСТВО

В графстве Уорикшир Шексперы жили по крайней мере с середины XIII столетия: именно в ту пору некий Уильям Шекспир (Sakspere) проживал в Клоптоне, в окрестностях Стратфорда. Впрочем, украшением семьи этот средневековый Уильям никак не был, ибо за триста с лишним лет до рождения знаменитого тезки был повешен за разбой. Sakspere — это упрощенный вариант фамилии, которую вообще писали как бог на душу положит, все более и более удаленно от принятой теперь формы Shakespeare, а именно: Shakespert, Schakosper, Shexper, Saxper, Sashpierre, Chacsper, Sadspere, Shaksbye, Shaxbee и даже Shakeschafte и Shakstaff *. Антикварию XVII века тешили себя мыслью о его героической родословной («...подобный Марциалу * воинственным звучанием фамилии, из чего можно заключить, что в его роду были воины: *Nasti — vibrans*, то есть потрясающий копьем» [Shake-speare]), но, поскольку лишь одна семья Шекспиров в Уорикшире была пожалована землей за воинскую службу, это эффектное толкование представляется сомнительным.

Дедом нашего поэта, возможно, был некий Ричард Шекспир (Shakyspere), в 1525 году живший в деревушке Бадбрук, затерявшейся среди холмов к западу от Уорика. Несколько лет спустя он перебрался в деревню Сниттерфилд, в трех милях на север от Стратфорда, и арендовал там ферму у Роберта Ардена, главы младшей ветви почтенного и уважаемого в Уорикшире семейства. В Сниттерфилде, вероятно, в 1530-е годы, у Ричарда родилось два сына, Джон и Генри, крещенные в приходской церкви.

Роберт Арден жил не в Сниттерфилде, а в трех-четырех милях западнее, в деревне Уилмкот, где у него также была недвижимость. В прелестном деревянно-кирпичном доме, с вместительными амбарами и большой каменной голубятней на задах, подрастали у него восемь дочерей, младшей была Мэри. На протяжении почти тридцати лет оба деда Шекспира были соседями, их разделяло всего несколько фарлонгов¹ пути, а связывал общий земельный интерес, только один был землевладельцем, а другой эту землю арендовал.

Джон Шекспир должен был знать Мэри Арден с раннего детства, и, когда около 1550 года он перебрался в Стратфорд, предоставив отцу и брату самим управляться на ферме в Сниттерфилде, до дома Мэри он мог дойти за какой-нибудь час. Если сын скромного фермера рассчитывал добиться руки дочери сельского джентльмена, он наверняка понимал, что ему нужно упрочить свое положение, и в Стратфорде он избрал для себя ремесло перчаточника. Дело процветало, и вскоре после смерти Роберта Ардена в 1556 году он женился на Мэри. Венчались они, видимо, в церквушке Эстон Кэнтлоу, поскольку к этому приходу принадлежал Уилмкот. Для честолюбивого молодого человека это была хорошая партия: кроме имени и общественного положения, Мэри принесла супругу два земельных надела в Уилмкоте общей площадью 150 акров и наследственную долю в сниттерфилдской недвижимости.

Своя недвижимость была и у Джона. Он преуспевал, и как раз накануне женитьбы вложил деньги в два стратфордских дома. Один из них стоял на левой стороне Хенли-стрит в верхней части города. Этот дом располагается восточнее «дома-музея»², и возможно, что до приобретения он его арендовал.

На Хенли-стрит он был старожилом, поскольку уже в 1552 году его с приятелем, Адрианом Куини, штрафовали за грязь, которую они развели на этом «проспекте». Если он привел невесту в «дом-музей», то в восточном доме он, скорее всего, устроил мастерскую.

В сентябре 1558 года родился первый ребенок. Об этой девочке ничего не известно — вероятно, она умерла в раннем детстве, как и ее пятимесячная сестра, похороненная в апреле 1563 года. Возможно, обе они умерли в эпидемии чумы, которая свирепствовала в Англии в 1563 году, и, поскольку приближалось рождение третьего ребенка, надежда и страх владели сердцами Джона и Мэри Шекспир. Но ударили морозы, и чума отступила, а когда в апреле 1564 года груши и яблони покрылись цветами, родился мальчик — похоже, 23 числа. Его назвали Уильямом, и 26 апреля "Gulielmus filius Yohannes Shakspeare" был крещен в приходской церкви св. Троицы*.

В ту пору королеве Елизавете было тридцать лет. Шесть лет назад взойдя

¹ Редко употребляемая мера длины — 201,17 м.

² Имеется в виду Дом-музей У. Шекспира, входящий в Шекспировский мемориальный комплекс в Стратфорде-на-Эйвоне.

на английский престол, она получила в удел отсталый и разоренный остров, тянувшийся в хвосте новой эпохи — Ренессанса. Но благодаря замечательным талантам и дерзанию она вывела страну на столбовую дорогу. Сверх того ей удалось объединить подавляющую массу народа, утвердить в качестве официальной религии умеренный протестантизм, хотя, конечно, оставались и неполюбящие католики, и недовольные пуритане, полагавшие, что Реформация не довела дела до конца. Советчиком и помощником во всех ее начинаниях был ее секретарь Уильям Сесил лорд Берли, с неколебимой преданностью служивший ей почти до самого конца ее правления *.

Одного не могла сделать Елизавета (впрямую, во всяком случае): призвать писателей к возрождению английской литературы, которая после смерти Чосера полтора-два десятилетия пребывала в плачевном состоянии. Были композиторы европейского масштаба, в первую очередь Томас Тэлис и его ученик Уильям Берд, но поэтов такого ранга не имелось. Впрочем, косвенно Елизавета могла поспособствовать многому.

И еще одну вещь она просто *не желала* сделать: выйти замуж. Она флиртовала и в дипломатических целях демонстрировала брачные намерения, однако наиболее вероятным претендентом, похоже, был ее фаворит Роберт Дадли граф Лестер, которому она пожаловала замок Кенилворт. Лестер был непопулярен и вообще не пара — его подозревали в убийстве первой жены; однако замужество Елизаветы продолжало быть актуальным: наследницей престола была ветреная католичка Мария, королева Шотландии, готовившаяся выйти замуж за своего молодого кузена лорда Данли. Лорд Берли был обуян тревогой, но Елизавета по-прежнему оставалась в безбрачии *.

Каждое лето Елизавета устраивала парадный выезд: в сопровождении двора и с невероятным количеством поклажи она навещала вельмож, которым повезло — или не повезло — обитать в близкой досягаемости от столицы. В августе 1566 года она провела несколько дней у Лестера в Кенилворте, потом заехала к его брату, графу Уорику, и завершила поездку в Чарлоте, неподалеку от Стратфорда, в недавно отстроенном поместье сэра Томаса Люси. Когда августовским днем она выезжала через величественные ворота замка и сворачивала на южную дорогу, ведущую в Банбери и Оксфорд, ее, может статься, видел Шекспир, которому в ту пору было два с половиной года. Елизавета же из стратфордских впечатлений могла сохранить только сверкавшую под утренним солнцем церковь на дальнем берегу реки.

СТРАТФОРД

Церковь св. Троицы находится в южном конце города, в зеркале эйвонских вод отражаются высокая алтарная часть и башня (шпиль соорудили уже в по-

слешекспировское время). В течение более двух столетий церковь св. Троицы была общинной церковью, в ней служили священники, жившие в здании Коллегии каноников поблизости, но за двадцать лет до рождения Шекспира капитул распустили, а в дом въехало семейство Кумов. От церкви и здания Коллегии дорога сворачивает налево и скоро вливается в широкую улицу, пересекающую городок с юга на север. Здесь стояли и деревянные дома, и каменные, поскольку котсуолдские каменоломни были всего в нескольких милях от Стратфорда. В самом центре этой части города располагались строения гильдии: богадельни, здание самой гильдии с длинной классной комнатой грамматической школы наверху, призрачно-серая красавица-часовня. Учреждение религиозное и общественное, гильдия «Святого креста» некогда осуществляла власть в городе, но, подобно Коллегии, была ликвидирована, и городское самоуправление* сосредоточилось в руках бейлифа, олдерменов и «главных горожан». На углу, обращенном к часовне Гильдии, стоял просторный, наполовину деревянный дом «Новое место», построенный сэром Хью Клоптоном незадолго до его смерти в 1492 году. Он погребен в церкви *. Сэр Хью перестроил также многоарочный средневековый мост в северной части города, через который пролегла единственная дорога на Лондон и в восточные графства, поскольку Стратфорд целиком расположился на западном берегу реки *. В детские годы Шекспира это был типичный город с еженедельным базаром, в нем проживало примерно 2000 человек, занятых в сельском хозяйстве либо мелких ремесленников — его отец, к примеру, был перчаточником. Улицы, разумеется, были грязные, но широкие, и при многих домах имелись сады. С Хенли-стрит мальчик почти сразу попадал в дебри Арденского леса и мог бродяжить хоть до Хенли, Уорика, Олстера и Бидфорда, а то, перейдя мост, через какой-то час оказаться у подножия Котсуолдских холмов, где на вздыбившихся кручах лепились буковые рощицы и деревеньки с домами из серого известняка. И само собой, массу развлечений доставляла река.

ОБРАЗОВАНИЕ

В 1561 году Ричард Шекспир умер в Сниттерфилде, где на ферме уже хозяйствовал его младший сын Генри. Он был неудачником, Генри, не вылезал из передряг, а между тем брат Джон процветал в Стратфорде. В 1565 году он был выбран олдерменом, а к 1571 году, побыв в почетной должности бейлифа *, сделался своего рода старейшиной — стал главным олдерменом города и мировым судьей. В доме подрастало еще трое детей: Гилберт, Джоан и Энн. Уильяму было семь лет — школьный возраст.

Здесь самое время окончательно развеять злонамеренное мнение о Шекспире как о вдохновенном мужлане. Его мать происходила из именитой семьи, отец

был честолюбивым и на редкость способным деловым человеком, и хотя документальных свидетельств о его школьном образовании не имеется (а с какой стати им быть?!), но совершенно невероятно, чтобы такие родители могли упустить возможность определить мальчика в местную грамматическую школу. Дети горожан до шестнадцати лет обучались бесплатно, а главное, здешняя школа была из лучших в стране. Посему нам надлежит мысленно видеть Шекспира 1570-х годов за школьной партой в классной комнате над залом заседаний городского совета, где его батюшка содействовал благоденствию города, и наставниками мальчика были тайный католик Саймон Хант и сменивший его уэльсец Томас Дженкинс, дружеский шарж на которого мы еще встретим — это сэр Хью Эванс в «Виндзорских насмешницах». Образование было в основном гуманитарным, учили в первую очередь латыни, и благодаря латинской грамматике Лили мальчик мог познакомиться с классиками, потом полюбить Овидия, свести знакомство с Вергилием, а то и с некоторыми комедиями Плавта и трагедиями Сенеки *. Что касается Священного писания, то, видимо, он знал более распространенную «женевскую версию» 1560 года, а не официально принятую «епископскую библию» 1568-го.

В годы его ученичества Англия переживала бурные события. Шотландская королева Мария после убийства мужа бежала в Англию, где обрела тюремные окопы, а на шотландский престол вступил ее сын Яков VI, хворый ровесник Шекспира. Между тем папа римский затеял контрреформацию *. Филипп II Испанский не оставил своим протестантским подданным в Нидерландах иного выхода, как поднять мятеж *; религиозная война сотрясала Францию (в день святого Варфоломея 1572 года, когда Елизавета останавливалась в Чарлоте, в Париже католики устроили резню гугенотов); сама Елизавета была отлучена от церкви, имело место выступление католиков, против нее плелись заговоры. Все-таки она сумела уберечь Англию от прямой войны с Испанией, но в Вест-Индии и вдоль побережья Южной Америки испанские корабли трепал Дрейк. Уйдя в 1577 году в плавание, он обогнет земной шар *.

Бурлил в 1570-е годы и скромный театральный мир. Еще игрались время от времени средневековые миракли: в Ковентри (это всего двадцать миль от Стратфорда) их играли, как встарь: на пендженте члены ремесленных гильдий представляли «цикл» библейских эпизодов. В местах попроще обходились без претензий: играли на арене, которую окружала земляная насыпь, либо для зрителей сооружали несколько круговых деревянных ярусов. По краю арены стояли холщовые «дома», похожие на купальные палатки, — это были «сцены», сменявшие в пьесе одна другую. В северной части была «адская пасть», в восточной — «рай», то есть деревянная будка с господним престолом, к которому с выступающего на арену помоста вело несколько ступеней. В ожидании своего выхода актеры отсиживались в шатрах, в нужном месте появляясь на арене, где, собственно, и разыгрывалось почти все действие, по-

сколькx помост предназначался для истинно возвышенного «действия» с участием бога*.

К началу елизаветинского правления религиозная драма была уже курьезом, пережитком. В трапезных школ и университетов мальчики и юноши играли латинские пьесы, по стране скитались актерские труппы, представлявшие «интерлюдии» — грубые фарсы, наполовину состоявшие из акробатических номеров. Такие представления, очевидно, давались на средневековых аренах (где они уцелели) либо в гостиничных дворах, опоясанных галереями. Существовали, впрочем, интерлюдии более серьезного плана — хотя пьесами в сегодняшнем значении слова их трудно назвать, — написанные для частных представлений в домах знати и при дворе. Для их исполнения — обычно в рождественские дни — нанимали небольшие актерские труппы, которые затем добывали себе пропитание в Лондоне или в провинции *. Итaк, в школьные годы Шекспира драма влачила жалкое существование. Религиозную драму под корень подкосила Реформация, а достойной ее преемницы, светской драмы, Ренессанс еще не создал. В актерах видели мошенников и бродяг (и многие заслуживали такого отношения), публичных театров не было.

Но незадолго до рождения Шекспира произошли события решающего значения. Директор Итонской школы Николас Юдалл написал комедию на манер Плавта для представления мальчиками, а Томас Сэквил и Томас Нортон — трагедию в подражание Сенеке для разыгрывания при дворе студентами Внутреннего Темпла. «Ралф Ройстер Дойстер» — первая образцовая комедия на английском языке, а «Горбодук» — первая пьеса, написанная белым стихом *. Итaк, отечественным интерлюдиям с их мешаниной из отдельных эпизодов были явлены сразу два образца классической драматургической формы.

Еще два события, даже более важные, совершились в 1570-е годы. Была официально легализована актерская профессия — при условии, что актеры пользовались покровительством пэра Англии, а в 1576 году в Лондоне был построен первый публичный театр. Инициатива и план предприятия принадлежали Джеймсу Бербеджу, человеку напористому, в прошлом — плотнику, а в те годы актеру графа Лестера. Он обдуманно построил «Театр», как он не обинуясь назвал его, в стремительно разраставшемся пригороде Шордич к северу от стен Сити, подальше от глаз пуританского муниципалитета, чествившего театры, наездом игравшие в постоянных дворах Сити, «рассадниками порока и непотребства». «Театр», надо полагать, объединял в себе черты средневековой арены и внутреннего двора гостиницы: двух-трехъярусный амфитеатр огибал открытую площадку с выступающим помостом, на котором власть куролесили актеры.

Вскоре у Бербеджа объявился конкурент: не прошло и года, как на несколько сотен ярдов ближе к Сити выросла «Куртина», явно метившая перехватывать зрителей, направлявшихся в «Театр». Выявилась и конкуренция ино-

го рода. Громогласным действиям неотесанных актеров рафинированная Елизавета, вполне естественно, предпочитала спектакли детских трупп, где было больше вкуса и была музыка, и посему, с ее милостивого соизволения, регент придворной капеллы арендовал зал в помещении бывшего монастыря Блэкфрайерс на Темзе, где мальчики-певчие давали публичные представления пьес, прежде чем показать их при дворе. У юных певчих собора св. Павла был свой небольшой театр, так что к 1577 году имелось два публичных театра под открытым небом и два под кровлей — частных. Но где было взять поэтов и драматургов, которые писали бы для них?

О всех этих событиях Шекспир, понятно, не ведал, но их отголоски доходили и до Стратфорда. Еще в 1569 году, когда его отец был бейлифом, в город приезжали «Королевские лицедеи», отлученные от двора за непроходимое невежество. Отыграв первый спектакль в зале заседаний городского совета, они получили разрешение играть для широкой публики. В 1570-е годы в Стратфорд уже постоянно наезжали актеры *, чаще всего — актеры графа Лестера, и они же, разумеется, развлекали королеву, когда летом 1575 года она гостила в Кенилворте. Празднество было устроено с королевским размахом, и Шекспир наверняка прогулял школу в тот день *, когда разыгрывалась грандиозная водная феерия «Дева озера» и его изумленному взору предстал Арион, выплывавший на спине дельфина.

В том году его отец еще прикупал в Стратфорде недвижимость, но вскоре fortuna отвернулась от него. Если он был католиком, что вполне возможно, то его могли разорить штрафы, поскольку дискриминационные меры ужесточались, либо он впутался в дела своего брата Генри (известно, что впоследствии он в них запутался) — как бы то ни было, но к 1579 году обстоятельства вынудили его заложить земли жены в Уилмкоте и продать ее долю в сниттерфилдской недвижимости. В том же 1579 году умерла восьмилетняя Энн, но здравствовал рожденный в 1574-м третий сын, Ричард, и новые заботы сулил ожидавшийся еще один ребенок. Впрочем, Уильяму в апреле будет шестнадцать, он оставит школу и будет отцу помощником. Так обстояли дела в доме на Хенли-стрит весной 1580 года, когда Дрейк приближался к Плимуту, завершив свое плавание вокруг света. Джон Шекспир переживал трудные времена, к тому же в доме было пятеро детей: новорожденный Эдмунд, Ричард шести лет, одиннадцатилетняя Джоан, четырнадцатилетний Гилберт и справивший шестнадцатилетие Уильям. Правда, Уильям был теперь скорее актив, чем пассив, но резонно предположить, что отцовское дело интересовало его в меньшей степени, нежели три захватывающие книги, только что опубликованные: роман Лили «Эвфуэс», перевод Плутарха, сделанный Томасом Нортон, и «Пастуший календарь» Эдмунда Спенсера, посвященный Филипу Сидни. Литература возрождалась к жизни *.

В зрелые годы Шекспир выкажет отменные деловые качества, но запрячь-

ся в дела мальчиком — это, конечно, смертная скука, когда так хочется спокойно почитать, а главное — написать что-нибудь. Думается, он выкраивал время для пробы пера и пописывал песни, баллады и белые стихи в подражание Уайету и Серри (их поэмы были напечатаны незадолго до его рождения), а также пасторали в духе новоявленного Спенсера. Пройдет два года, и кареглазый шатен (если доверять раскраске его бюста) превратится в «красивого, хорошо сложенного» мужчину * — словом, в молодца, способного завоевать женское сердце.

ЖЕНИТЬБА

За полями к западу от Стратфорда лежала деревенька Шотери, где на ферме жил со второю женой и целым выводком детей Ричард Хетеуэй. В 1581 году Ричард умер, и в следующий раз об этом семействе мы услышим в связи с предполагаемым замужеством старшей дочери, Энн: женихом будет назван «Уильям Шекспир» (Shagspere). Может статься, пылкий и недовольный жизнью восемнадцатилетний юноша безумно увлекся женщиной, старше его на восемь лет, однако Энн ничего не сделала, чтобы его образумить, поскольку ее шансы на замужество стремительно падали. Она ждала ребенка, и к ноябрю 1582 года это обстоятельство уже было трудно скрывать, поэтому Шекспир обратился к Вутерскому епископу с просьбой о специальном разрешении на брак после однократного оглашения в церкви. Писарь, регистрируя разрешение, напутал и выписал его «Уильяму Шекспиру (Shaxpere) и Энн Уэтли из Графтона». Вполне простительная описка: в тот же самый день через его руки проходил иск, касавшийся некоего Уильяма Уэтли. Что это простая описка, явствует еще из того, что на следующий день, 28 ноября, двое фермеров из Шотери оформили расписку, освобождавшую епископа от ответственности за какое бы то ни было неблагоприятное, «буде оно впоследствии в результате поспешного брака». Ничего необычного в этом заявлении не скрывается: Шекспир был несовершеннолетним и ему требовались поручители. Видимо, через несколько дней бракосочетание состоялось — возможно, в деревушке Графтон, как написано в разрешении, подальше от Шотери и любопытных глаз.

Как водится в таких случаях, Энн переехала в дом Джона и Мэри Шекспир на Хенли-стрит, где в мае 1583 года родила первенца — дочь Сусанну. Похоже, ее супруг был обречен до конца дней прозябать мелким торговцем в Стратфорде. Конечно, брат Гилберт был достаточно взрослым, чтобы заменить его в деле, но Уильям сам угодил в ловушку (либо его к ней подтолкнули), и когда в феврале 1585 года были крещены «Гамнет и Джудит, сын и дочь Уильяма Шекспира»*, то надежд на избавление вроде бы никаких не осталось. И однако он вырвался.

Позднее предание гласит, что он «покинул родину», спасаясь от сэра Томаса Люси из Чарлкота, поскольку-де постреливал оленей в его парке, — легенда колоритная, но маловероятная, основанная, скорее всего, на факте какого-нибудь мелкого браконьерства. Согласно другому преданию, некоторое время он «учительствовал в провинции» — одни называют Дерсли к югу от котсуолдских холмов, другие — Рафффорд в Ланкашире. Существует также мнение, что с началом открытой войны с Испанией в 1585 году он отплыл в Нидерланды с экспедиционными войсками под командованием Лестера, однако на это возражают: вероятнее всего, что он побывал в Италии. А могло быть и так, что в Лондон он сбежал от непереносимо нудной жизни, на которую был осужден. Каждый год в Стратфорд приезжали две-три актерские труппы, в их числе актеры графа Вустера с недавним пополнением — Эдвардом Алленом (он даже моложе Шекспира — на два года). В 1587 году город принимал целых пять актерских групп *, и в Лондон Шекспира должно было потянуть с неудержимой силой. В тот самый год его стратфордский сверстник Ричард Филд, давно подвизавшийся в лондонской печатне, женился на вдове хозяина и взял дело в свои руки. Не исключено, что Ричард Филд подыскал Шекспиру какую-нибудь вакансию. Как бы то ни было, в Лондон Шекспир отправился, видимо, в 1587 году, поручив родителям заботу о жене и троих детях. В ту пору дела отца были в отчаянном положении: его исключили из членов городского совета, на заседания которого он не являлся уже много лет, и привлекли к суду за долги его брата Генри (Джон был поручителем). Но Гилберту был уже двадцать один год, и хорошей помощницей в доме могла быть Джоан — ей восемнадцать. Уильяму было двадцать три года.

ЛОНДОН

В Лондон вели две дороги. Переехав клоптонский мост, можно было свернуть направо, в сторону Оксфорда, а можно было ехать все время прямо — через Банбери и Грендон (здесь, говорят, он нашел прототип своего судебного пристава Кизила *). Обе дороги сольются неподалеку от Вестминстера — квартала правительственных учреждений и городских домов знати. Если наш приезжий направит свой путь в Сити, то он пройдет между старым Вестминстерским дворцом и Аббатством, минует द्वое ворот, соединявших Уайтхоллский дворец, главную королевскую резиденцию, с пристройкой на другой стороне улицы. Черинг-Кросс — здесь, держась направления на восток, путник свернет на Стрэнд и слева, на почти голой пустоши, оставит Ковент-Гарден, а справа ряд внушительных особняков, протянувшихся вдоль берега реки: Йорк-хаус, Дарем-хаус, Сомерсет-хаус, Лестер-хаус, — и он наверняка вспомнит Кенилворт. Вот Судебные Инны *, где правоведы совершенствова-

лись в своей профессии, а джентри учились управлять своими имениями; вот и Ладгейт — здесь путник входит в Сити.

Вестминстерский округ поражал великолепием и обширностью, однако нечто в этом роде путешественник уже видел — в Оксфорде. Что касается Сити, то ничего подобного он не видел: это был город с населением 150 000 человек, в основном обитавшим в городских стенах, хотя к северу стремительно разрастались пригороды. Кирпичные и деревянные островерхие дома купцов и лавочников путнику не в диковину, но поражают масштабы Сити: здесь поместится добрая сотня Стратфордов — во всяком случае, столько народу здесь обитает. Главная улица вела на Ладгейт-Хилл, где высился разваливающийся от старости средневековый собор святого Павла; несколько лет назад упал его шпиль; недавно здесь похоронили сэра Филипа Сидни. Пройдя Чипсайд и Корнхилл, попадаешь на улицу Милосердия, она пересекает Сити с юга на север; здесь большие постоянные дворы, вроде «Бычьей головы», в них время от времени еще играют пьесы. Если путник свернет на север, то скоро дойдет до Бишопсгейт, откуда рукой подать до «Куртины» и «Театра» в пригороде; а если свернет к югу, то упрется в реку и Лондонский мост. Это был единственный мост через Темзу; он многоарочный, на нем, как вдоль улицы, выстроены дома. Ниже по течению — Тауэр и лондонский порт (под мостом проходили только небольшие суда). На южном конце моста укреплены шесты с головами казненных изменников: совсем недавно был раскрыт католический заговор.

Лондон переживал один из самых драматических моментов своей истории. Заговорщики ставили целью убить Елизавету, освободить шотландскую королеву Марию и с помощью Испании посадить ее на английский трон. Елизавета без особой охоты признала, что живая кузина представляет опасность, и в феврале Марию казнили. Война могла разразиться в любую минуту, поскольку дерзкий набег Дрейка на Кадис не обескуражил Филипа II Испанского: король снаряжал Армаду для высадки в Англии в будущем году (а то еще и в этом). Лондон деятельно готовился отразить вторжение *.

Как выяснится, 1587 год станет заметнейшей вехой и в истории театра. Если Шекспир продолжит путь и по мосту перейдет в Саутуорк, то за церковью Марии Заречной он попадет в Бэнксайд — квартал притонов и тюрем, а там глаза (и нюх) подведут его к загону для травли медведей, в двух шагах от которого завершалось строительство такого же круглого здания — театра «Роза». Затеял это дело предприимчивый и не очень разборчивый в средствах ростовщик Филип Хенсло, учувший прибыльную будущность театра. Основания для этого были. Уже имелось достаточное число хороших актерских трупп, стремительно росло их мастерство, и недавно сама королева взяла под свое покровительство труппу из двенадцати наиболее знаменитых актеров. Но важнее всего то, что на арену выступили университетские моло-

дые люди, которые писали пьесы — настоящие пьесы, а не какие-то грубые фарсы. Изрядное число веселых изящных комедий написал для детской труппы в Блэкфраейрс Джон Лили из Оксфорда. Частный театрик этой труппы недавно, к большой радости «Розы», закрыли, но Лили был в милости у королевы и продолжал писать для юных хористов св. Павла, игравших и в своей певчей школе вблизи собора, и при дворе. Еще один оксфорддец, рангом пониже, — Джордж Пиль; блестящий и недаленовидный Роберт Грин — этот из Кембриджа. Не исключено, что Хенсло свел знакомство с оксфордским однокашником Пиля Томасом Лоджем и с младшим другом Грина Кристофером Марло, как раз привезшим из Кембриджа рукопись пьесы. Через несколько месяцев «Роза» откроется, и тогда-то, возможно, Шекспир увидит в роли Тамерлана ведущего актера труппы лорда-адмирала Эдварда Аллена *. Если это так, то он переживет откровение и сделает окончательный выбор в своей жизни. Ибо тот день, когда Аллен декламировал строки Марло, был поистине поворотным: родилась новая английская драма.

Какие бы причины ни привели Шекспира в Лондон, в столице он осознал, что истинное его призвание — писать для театра и поэзия, к которой его влекло, может стать его профессией. Но пьесы еще предстояло написать, а пока встал вопрос о куске хлеба. Самое правильное было вступить в актерскую труппу, где можно изнутри освоить ремесло драматурга и наладить потом сбыт своей продукции.

В труппе обычно было человек восемь, каждый вносил свою долю в общее имущество (стоимость пьес и костюмов), доходы делились соответственно сумме взноса, отчего актеры назывались «пайщиками» и даже более цветисто — «предпринимателями» *. Имелось два-три подростка, которых готовили на женские роли (актрисы выйдут на театральные подмостки только в будущем столетии), имелось также несколько нанятых новичков либо безденежных бывалых актеров *. Актером на жалованье и начал Шекспир — по-видимому, в труппе королевы, для которой уже писал Роберт Грин.

Как и следует ожидать, в течение нескольких лет мы ничего не услышим о малоизвестном актере и набирающем силы драматурге; надо думать, он перекраивал и переписывал заново старые пьесы для своей труппы и пробовал себя в оригинальных замыслах, когда был свободен от игры, репетиций и выучивания множества ролей, поскольку каждый день шли разные пьесы и каждые две недели в репертуар включалась новая. Весной играли в каком-нибудь публичном театре (как правило, в «Театре»), летом гастролировали в провинции (в 1589 году, например, добрались до Карлайла), на осенний сезон возвращались в Лондон и зимовали на каком-нибудь постоялом дворе на улице Милосердия, репетируя пьесы для дворцовых представлений.

Работа в такой труппе (а королевские актеры были в ту пору всеобщими любимцами) могла очень многому научить. Постоянные разъезды, встречи

с поэтами, поставлявшими пьесы, общение с вельможами и кавалерами из Судебных Иннов — всегдашними театра, порой приглашавшими их дать представление в своих трапезных. На рождество они играли перед самой королевой. При Елизавете королевские увеселения открывались 26 декабря и достигали своего апогея в двенадцатую ночь, то есть 6 января; за двенадцать рождественских дней игралось 4—5 пьес, и перед великим постом давались еще 2—3 новые. В 1587—1592 годах королевская труппа играла при дворе четырнадцать раз — другим актерским товариществам такое и не снилось. Даже если в Лондон Шекспир приехал полным простаком, ему потребуется немного времени, чтобы освоиться с духовной жизнью столицы и придворными нравами, и выводить позднее это общество в пьесах ему не составит труда.

Между тем наступила новая эпоха. Непобедимая Армада была разгромлена, владычество Испании в Новом Свете поколебалось. Лестер умер, и его место подле стареющей королевы занял его пасынок, молодой красавец граф Эссекс, затмивший прежнего фаворита, сэра Уолтера Рэли. Словно радуясь наступившим переменам, литература переживает невиданный расцвет. Выходят в свет «Аркадия» и сонеты Сидни и первые три песни «Королевы фей» Спенсера, в театре насаждают новую драматургию Марло и другие «университетские умы» (в их числе теперь и Том Нэш). С «Тамерланом», «Фаустом» и «Мальтийским евреем» будет успешно соперничать в популярности «Испанская трагедия» Томаса Кида, кишащая призраками драма кровавой мести *.

РАННИЕ ПЬЕСЫ И ПОЭМЫ

Но уже завершился блистательный путь Грина. Погубленный беспорядочной жизнью, он умирал в сентябре 1592 года в лачуге какого-то бедняка сапожника и на смертном одре написал «На грош мудрости, добытой миллионом раскаяния» — исповедь, обращенную к друзьям-драматургам: Марло, Нэш и Пилю, которых он заклинал внять его печальной судьбе и не переводить свой ум на сочинение пьес, отчего в выигрыше только лицедеи — куклы, скоморохи и обезьяны. Это еще не все: завелся некий молодой актер, неуч и престолюдин, возомнивший себя «потрясателем сцены» ("Shake-scene"), дерзнувший ступить на поприще драматурга и сочинять пьесы, которые публика предпочла его, гриновским. Тут, несомненно, имеется в виду Шекспир, поскольку слова Грина «сердце тигра в актерской оболочке» пародируют строку из третьей части «Генриха VI». Захватившей его в плен королеве Маргарите герцог Йорк кричит:

О сердце тигра в женской оболочке!
Смочила ты платок в крови ребенка
И слезы утереть даешь отцу, —
И все же образ женщины ты носишь?

Но женщины добры, нежны, покорны, —
Ты ж зла, груба, сурова, непреклонна,
Взбесить меня ты хочешь? Я взбешен.
Ты хочешь, чтоб я плакал? Я рыдаю.
Вихрь бешеный к нам пригоняет ливни;
Утихнет ярость — и прольется дождь¹.

Взвинченная и сентенциозная риторика этих стихов показательна для ранней манеры Шекспира, ставившего себе в образец, конечно же, Марло.

Итак, к концу 1592 года Шекспир написал три части «Генриха VI» и стал известным драматургом. О его популярности свидетельствует запись в счетной книге Хенсло относительно мартовской постановки в «Розе» «Гарри VI» (первая часть «Генриха VI»), сыгранного актерами лорда Стренджа. Сбор был самый большой за весь сезон — 3 фунта 16 шиллингов 8 пенсов (100 фунтов в современном исчислении); успех пьесы косвенно подтверждает и Нэш в «Пирсе Безгрошовом» *, высказываясь о сильном впечатлении от сцен с лордом Толботом. Очевидно, актеры Стренджа выкупили некоторые пьесы у королевских актеров, поскольку в их репертуаре были еще три пьесы Грина, принесшие им одни убытки.

Совершенно естественно, что Шекспир оскорбился нападками Грина и выразил свое возмущение издателю «На грош мудрости» Генри Четлу; тот почел своим долгом встретиться с ним и позже, в предисловии к «Сну добросердечного», искренне раскаялся, что сохранил пресловутый отзыв. Четл первым представил нам Шекспира с человеческой стороны (ему в ту пору 28 лет), и трудно пожелать более привлекательного портрета: с хорошими манерами, добропорядочный, в чести у достойных людей, отличный актер и изящный драматург.

Злейшими врагами актеров были пуритане и чума. Обосновавшиеся в муниципальном совете Сити пуритане спали и видели театры разрушенными, а преуспевающих развязных актеров выпоротыми кнутом и приставленными к полезному делу; но, поскольку королева стала открыто покровительствовать актерам, пуритане затаились. Самое большее, на что могли пойти королева и Тайный совет, — это закрыть театры во время эпидемии чумы, а она последние десять лет обходила Лондон стороной. Настоящей эпидемии фактически не было с 1563 года. Но летом 1593 года она разразилась, в ее разгар за одну неделю погибли тысячи людей. Театры закрылись, актеры кое-как сводили концы с концами в провинции, играя «на бочках, прикрытых досками, под звуки старой, треснувшей трубы». Зима не принесла избавления, и чума лютовала еще пуще, вновь открылись театры только летом 1594 года *.

Что делал эти два года Шекспир? К этому времени он, надо полагать, был

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч. М., 1957—1960, т. 1, с. 335—336. *Перев. Е. Бируковой.*

уже не актером на жалованье в театре, а «пайщиком», но нет никаких свидетельств тому, что он разъезжал с актерами по городам и весям. У простого актера не было иного выхода, как кочевать с места на место, не помышляя о собственной выгоде, а Шекспир теперь стал в первую очередь писателем, и ему выгоднее было совершенствоваться на этом поприще. В последние пять лет он редко виделся с женой и тремя ребятишками, и поэтому можно смело предположить, что в Стратфорде он и переждал чуму. Труппа королевы приехала в город вскоре после начала эпидемии, возможно, он был с актерами и остался дома, договорившись вернуться, когда откроются театры.

На отца по-прежнему сыпались неприятности: совсем недавно его внесли в список «уклоняющихся» — он «уже месяц не посещает церковь, как говорят, из боязни преследования за долги». В дальнейшем, однако, мы не услышим о невзгодах Джона Шекспира: возможно, удачливый сын помог отцу навести порядок в делах. Молодой драматург славно поработал в те годы. Уже был написан венчавший трилогию о Генрихе VI «Ричард III» (и заодно открыта галерея великих образов), автор упивается новообретенным счастьем и закономерно обращается к комедии и лирической поэзии. К этому идиллическому периоду принадлежат «Комедия ошибок», «Укрощение строптивой» и «Два веронца», а также ранние сонеты и поэмы «Венера и Адонис» и «Обесчещенная Лукреция». Как и Марло, его в первую очередь волнуют поэзия и события, ему важно поведать трагическую, страшную, потешную или любовную историю. На своих героев он взирает как бы безучастно, есть что-то даже равнодушное в том, как он управляет со своими марионетками, как побуждает их высказываться и страдать. Коротко говоря, перед нами здоровый, счастливый и удачливый тридцатилетний поэт. Влияние Марло, впрочем, шло на убыль, и по-боевому громыхающая строка учителя укладывалась в упругий, танцующий размер — как, например, уже в «Ричарде III»:

Уж он не скачет на конях в броне,
Гоня перед собой врагов трусливых,
А ловко прыгает в гостях у дамы
Под звуки нежно-сладостной лютни ¹.

Поэма «Венера и Адонис» — первое сочинение Шекспира, появившееся в печати, — была любовно издана его другом Ричардом Филдом и снискала такую популярность, что потребовала девяти переизданий в ближайшие девять лет. Авторы искали себе покровителей, и Шекспир сделал ставку на богатого и влиятельного Генри Ризли графа Саутгемптона, которому и посвятил поэму; буде эта любовная история встретит одобрение у его милости, автор обещал

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 1, с. 433. *Перев. А. Радловой.*

создать в его честь «более серьезное творение». Поэму одобрили, и в следующем году Филд напечатал «Обесчещенную Лукрецию», также посвященную Саутгемптону.

Опубликование сонетов Сидни * побудило Шекспира испытать силы в новом жанре, и, так же как у Сидни, в глубине цикла смутно проступает сюжет. Большая часть сонетов обращена к прекрасному юноше, который сманил у поэта его возлюбленную, смуглую замужнюю даму, и в довершение отдал свою благосклонность другому поэту. Возможно, вся эта история такой же миф, как случившееся с Венерой и Адонисом, не более чем выдумка, способная приютить мысли поэта о любви и дружбе. Но когда пятнадцать лет спустя сонеты были опубликованы, издатель предпослал им загадочное посвящение «Мистеру W. H.», и кто такой этот «W. H.», равно как и смуглая леди и поэт-соперник, взбудоражило и продолжает занимать многие умы. Что касается леди и поэта-соперника, то у нас нет сколько-нибудь верной нити (догадка, похожей на правду, остается Чапмен) *, зато весьма соблазнительно думать, что "W. H." — это переставленные инициалы Генри Ризли (Henry Wriothesley) и что он-то, шекспировский покровитель, и был «подателем жизни», а проще — вдохновителем этих сонетов. Прочат на эту роль и совсем юного пэра (в 1592 году ему 12 лет, графу Саутгемптону — 23) — Уильяма Герберта (William Herbert), в будущем графа Пемброка. Возможное допущение, поскольку Шекспир, видимо, был знаком с матерью Пемброка (сестрой Сидни) и посещал их уилтонский дом, двери которого были открыты для поэтов. Существует и еще одно предположение. В 1594 году оксфордский студент Генри Уиллоуби (Henry Willoughby) выпустил в свет поэму «Уиллоуби, его Ави́за, или Правдивый портрет скромной девы и целомудренной и верной жены»; здесь оплакивается безответная любовь поэта к безупречной Ави́зе. В прозаическом вступлении к одной из песен Генри Уиллоуби рассказывает, что он поведал свою печаль «близкому другу W. S.», «старому актеру» в любовных игрищах, недавно исцелившемуся от подобного недуга. Возможно, Генри Уиллоуби (H. W.) и есть «мистер W. H.», а упоминание «Обесчещенной Лукреции» в хвалебных стихах, которые предваряют поэму, дает некоторое основание думать, что "W. S." — это Шекспир, перестрадавший любовь к своей смуглой даме *. Фраза в любом случае знаменательная, ибо впервые в литературном произведении Шекспир назван по имени. В целом же гипотеза не представляется убедительной, и если искомый "W. H." действительно был другом Шекспира, то это мог быть любой из сотни молодых людей, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Все может быть совсем просто: существовал некий "W. H.", раздобывший рукопись сонетов, и издатель Томас Торп напечатал их, даже не спросив у Шекспира *.

В эпоху Шекспира, когда авторского права в нашем понимании не существовало, подобное литературное пиратство * было в порядке вещей. Всякую книгу,

пьесу, всякий памфлет полагалось регистрировать в «Гильдии печатников и книгоиздателей», которая за скромную плату (6 пенсов) защищала издателя от посягательств на его права, но абсолютно беззащитны перед недобросовестным издателем, тем или иным способом раздобывшим экземпляр пьесы, были злосчастный автор либо актерская труппа, которой он продал пьесу (обычно за 5 или 6 фунтов). Поэтому актерские товарищества берегли рукописи пьес как зеницу ока и редко делали копию, но случалось, что какой-нибудь актер с превеликим тщанием запоминал текст, потом записывал его и продавал издателю, и тот печатал искаженный вариант как оригинальный. Это, например, случилось со второй частью «Генриха VI», напечатанного в 1594 году под названием «Первая часть Распри между династиями Йорков и Ланкастеров». Обычно пьесы печатались форматом «кварто», то есть в одну четвертую долю печатного листа, и поэтому испорченным текстам дали название «плохих» кварто, из них печально известен «Гамлет».

Когда наступали трудные времена, труппы начинали распродавать имущество — так оказался на книжном рынке «Тит Андроник»; похоже, он был напечатан раньше второй части «Генриха VI», и, стало быть, это первая пьеса Шекспира, попавшая в печать. А времена в 1594 году настали такие, что хуже не придумать. Чума поставила актерские товарищества на грань разорения. Актеры графа Пемброка заложили весь свой гардероб; труппа королевы пришла в упадок и вела жалкое существование провинциальных актеров; выдержали напасть только актеры лорда-адмирала Хоуарда (он командовал английским флотом, разгромившим Армаду) и актеры графа Дерби, ранее известные как актеры лорда Стренджа *. Весной Дерби умер, но труппа заручилась покровительством лорда Хансдона, в качестве лорда-камергера направлявшего деятельность театров и отвечавшего за исполнение пьес при дворе. Лучшего патрона трудно было пожелать: в добавление к сказанному лорд Хансдон был любимым кузеном королевы.

«СЛУГИ ЛОРДА-КАМЕРГЕРА»

Когда театры снова открылись, выбирать Шекспиру было не из чего: только две труппы, в сущности, и остались. Его самого и его новые пьесы с распростертыми объятиями ждали и «слуги лорда-адмирала», и «слуги лорда-камергера», и он связал судьбу со второй труппой, оставшись в ней до самого конца своей артистической карьеры. Вот кто еще входил в это бессмертное содружество: Джон Хеминг, товарищ Шекспира со времен королевской труппы, музыкант Огастин Филипс, знаменитый танцор и комик Уил Кемп, Генри Кондел и Ричард Бербедрж, младший сын владельца «Театра» Джеймса Бербедржа *. Дождливым летом 1594 года в «Театре» и обосновались «слуги лорда-

камергера»; соперники же, «слуги лорда-адмирала», руководимые Хенсло и его новоиспеченным зятем Эдвардом Алленом *, вернулись к себе в «Розу», на другой берег реки. Жил Шекспир неподалеку от «Театра», в районе городских ворот Бишопсгейт.

Разительные перемены застал он в театральном мире: за годы, что свирепствовала чума, актерские труппы преобразились до неузнаваемости и вдобавок буквально вывелись реформаторы драматического искусства. В 1592 году умер Грин, годом позже погиб в драке Марло, в 1594-м умер Кид. На смертном одре лежал Пиль, Лодж увлекся мореплаванием и перестал писать для театра. Лили хранил молчание с тех пор, как три года назад перестали играть мальчики из собора св. Павла; Нэш был больше памфлетист, нежели драматург. Тридцатилетний Шекспир остался без серьезных соперников — не считать же таковыми Четла * и Энтони Манди, главного устроителя «педжентов»!

В трудном положении оказался Хенсло *, фактический хозяин адмиральской труппы и всего ее имущества. Марло был его драматургом, и полдюжины его пьес можно было по-прежнему ставить, но для успешного соперничества с Шекспиром и «слугами лорда-камергера» нужны были новые драматурги — и новые пьесы. И он принял решение, с коммерческой точки зрения превосходное. Не качество пьес интересовало его в первую очередь, а их количество и быстрая окупаемость, и посему он основал что-то вроде драматической мастерской, соблазнив нуждавшихся поэтов постоянной работой и твердым (хотя, признаться, не очень солидным) заработком. Так он заполучил Манди и Четла, сверстников Шекспира Чапмена и Дрейтона (истинные поэты, они были лишены драматургической жилки) и еще целый отряд молодежи чуть старше двадцати, пришедших на смену «университетским умам», в том числе Томаса Хейвуда, Томаса Деккера, Бена Джонсона и Джона Марстона. Собрав такую команду, он наладил поточное производство пьес, причем каждый участник делал то, что ему больше удавалось, — трагическое, комическое, патетическое и так далее. Возглавлял предприятие, видимо, Манди — мастер запутанной интриги *.

Среди прочего Манди и его бригада (бесспорно участие Четла и Хейвуда) сочинили пьесу «Сэр Томас Мор», однако распорядитель увеселений не дал разрешения ее ставить и вернул на переделку. Манди привлек к работе еще двух умельцев — Деккера и неизвестного автора, добавившего к пьесе три новые страницы (Мор усмиряет бунт). Эти три страницы могут быть истине бесценны, ибо в неизвестном авторе некоторые исследователи видят Шекспира и признают его почерк. Если это так, то мы имеем редчайший случай исправить ошибки в печатных текстах его пьес, поскольку можно установить закономерности неверного прочтения: например, в такой рукописи печатник легко напутает с буквами "e", "o", "d". Требуется серьезнейшее подтверждение тому, что это рука Шекспира, и ясно, что подтвердить это может только

сличение с достоверными образцами его письма, а таковых только шесть, и все они — подписи, поставленные лет двадцать спустя. И потом, в высшей степени сомнительно, чтобы Шекспир взялся переделывать пьесу для «слуг лорда-адмирала»: ведь ее постановка была в ущерб ему самому — драматургу «слуг лорда-камергера»*.

Что он действительно работал со «слугами лорда-камергера», свидетельствует запись о расчете с труппой за два придворных представления в Гринвичском дворце на рождество 1594 года: деньги были вручены Кемпу, Бербеджу и Шекспиру. За каждое представление было заплачено по 6 фунтов 13 шиллингов и 4 пенса и сверх того 3 фунта 6 шиллингов 8 пенсов «благодарственных от ее величества»: эта аппетитная подачка была в обычае, если королева присутствовала на представлении; на круг получается 20 фунтов (сегодня это почти 600 фунтов) — завидный куш на восьмерых пайщиков даже за вычетом расходов на гардероб и жалованья нанятым актерам и подросткам, игравшим женские роли. Особых трат у труппы не было, поскольку канцелярия распорядителя увеселений предоставляла весь необходимый инвентарь, включая деревянные рейки и холщовые «дома», как в средневековых пьесах служившие «сценами». Одной из сыгранных тогда комедий, или интерлюдий, наверняка была «Комедия ошибок», которую следующим вечером актеры показали в Грейз-Инн. На эту «великую ночь» студенты-юристы пригласили коллег из Внутреннего Темпла, и празднество вылилось в такой ералаш, что наутро было устроено шутовское разбирательство, постановившее: во всем виноват колдун — он-де подослал «подлый и грубый люд, дабы тот своей пьесой об ошибках и путанице учинил у нас беспорядок».

В то рождество «слуги лорда-адмирала» дали при дворе столько же представлений, сколько «слуги лорда-камергера», но в следующем году они уже отставали, а к 1596 году их звезда закатилась и «слуги лорда-камергера» отыграли на рождество все шесть спектаклей. Лирический потенциал Шекспира казался неистощимым, упоительный сонетный лиризм пронизывает комедии, трагедии, хроники, появляющиеся из-под его пера. Что могли «слуги лорда-адмирала» противопоставить «Бесплодным усилиям любви», «Сну в летнюю ночь», «Ромео и Джульетте» и «Ричарду III»? Какое может быть соперничество с такими, например, стихами:

Орфей, создав магическую лютню,
Поэтов жилы взял для вещей струн,
И золотыми звуками она
Смягчила сталь и вековые скалы,
И приручала львов, и заставляла
Левиафана, чудище морское,
Покинув глубь, плясать на берегу¹.

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 2, с. 359 («Два веронца»). Перев. В. Левика и М. Морозова.

Или с такими:

Смерть выпила мед твоего дыханья,
Но красотой твоей не овладела.
Ты не побеждена. Еще румянец
Красой уста и щеки озаряет,
И смерти знамя бледное не веет ¹.

Борьбу со «слугами лорда-камергера» за первенство при дворе Хенсло проиграл, зато, на благо труппе и зрителям, театр у него был получше, чем у соперников, и он еще выложил 100 фунтов на малярные работы и «другие переделки» в «Розе». Эти доделки и ремонт были тем более своевременны, что в Бэнксайде объявился конкурент. В 1595 году — всего за год — Фрэнсис Лэнгли выстроил «красивейший и просторнейший» театр «Лебедь» в «Парижском саду», в четверти мили западнее «Розы».

Голландец де Витт смотрел в только что открывшемся «Лебеде» пьесу и оставил рисунок театра. К сожалению, сам рисунок утрачен, но приятель де Витта сделал с него копию, и, поскольку это единственное современное изображение внутреннего вида елизаветинского театра, это документ первостепенной важности *. Относиться к нему надо с осторожностью: во-первых, это копия, во-вторых, и самый оригинал был сделан по памяти — ведь не мог же де Витт, сидя на спектакле, зарисовать театр с высоты птичьего полета. Но общее представление рисунок дает. Галереи огибают партер, в него выдвинута сцена, заднюю часть которой прикрывает навес («сень»), покоящийся на двух колоннах. В глубине сцены *timogum aedes*, или артистическая, две двери ведут из нее на сцену. Над ними галерея, в которой расположились, видимо, зрители, а венчает все строение подобие домика (в средневековом театре — «небеса»), где производились гром и другие небесные (и земные) звучания. Возможно, навес скрывает еще одну галерею (к примеру, для музыкантов). Озадачивает отсутствие верхней площадки (если на галерее зрители, а не актеры) и отгороженного занавесом сценического пространства под нею. В описываемое время в пьесах уже не было акробатических номеров, и поэтому «партер», теснившийся в нижней галерее, можно было пустить во «двор», разместить людей перед сценой — так и актерам легче играть; и, наконец, к этому времени относится сообщение, что светская публика откупала кресла на самой сцене.

Не меньше Хенсло интересовались делами Лэнгли «слуги лорда-камергера», хотя и по другой причине. Истекал срок аренды земли, на которой стоял «Театр», и если Бербеджу не удастся возобновить ее на терпимых условиях (а такие опасения имелись), то «Лебедь» представлялся желанным прибежищем.

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 3, с. 121—122 («Ромео и Джульетта»). Перев. Т. Щепкиной-Куперник.

СТРАТФОРДСКИЕ ДЕЛА

В разгар всех этих событий, летом 1596 года, Шекспиру сообщили из дома, что тяжело заболел его сын Гамнет. Возможно, мальчик умер, не дождавшись приезда отца в Стратфорд, и нельзя не услышать отчаяния отца, взявшего на руки тело ребенка, в словах Фоконбриджа (Шекспир тогда писал «Короля Джона»), велящего Хьюберту унести тело принца Артура: «Как легко ты поднял всю Англию!»¹ Гамнет был его единственным сыном, в нем для неутешного отца была вся Англия. Мальчику было всего одиннадцать лет.

Но жизнь продолжалась. Правда, жене Анне было сорок и восемь лет разницы сказывались, да и едва ли она могла стать задушевным другом поэту, вкусившему столичной и придворной жизни. Но были Джудит, сестра-близнец Гамнета, и Сусанна, старше ее двумя годами. Здравствовали отец и мать, с ними жили его сестра и трое неженатых братьев, из которых младший, Эдмунд, был немногим старше Гамнета. Дом на Хенли-стрит уже с трудом вмещал такую семью, тем более что два года подряд бушевали пожары и, опасаясь, что огонь может добраться и до них, пристройки с одной стороны дома разобрали. Стратфорд пережил подлинную трагедию: огонь уничтожил более двухсот домов, в основном в верхней части города, многие друзья Шекспиров остались без крыши над головой — Куини, Стерли. Но город уже отстраивался, на Хай-стрит вырос красавец дом, принадлежавший бейлифу, состоятельному Томасу Роджерсу.

Когда около тридцати лет назад Джон Шекспир сам был бейлифом и дела его процветали, он пожелал перейти в благородное сословие и ходатайствовал о пожаловании фамильного герба, но настали трудные времена, и у него не хватило духу довести дело до конца. Теперь же благодаря умнице сыну дела поправились, и он возобновил свои домогательства. Гамнет умер, но у старика четверо сыновей, и, стало быть, еще могут быть внуки, которые унаследуют дворянство. Несколько месяцев назад Уильям от всего сердца разделил бы чаяния отца, а теперь все это должно было представляться ему пустой затеей. Однако приходилось думать о Сусанне и Джудит, о братьях, о себе, наконец, поскольку честолюбием он не был обделен. Ходатайство было возобновлено, и в октябре Джону Шекспиру, джентльмену, был присвоен дворянский герб: «Золотой гербовый щит, на темном поясе посеребренное стальное копьё. В навершии, вместо шлема или эмблемы, распростерший крылья серебряный сокол на плетении фамильных колеров, держащий в лапке позолоченное стальное копьё» *.

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 3, с. 388. (Даю прозаический перевод. — Прим. перев.)

Шекспир не спешил уезжать из Стратфорда: «слуги лорда-камергера» гастролировали в провинции и до репетиций перед придворными увеселениями ему нечего было делать в Лондоне. Во время затянувшегося досуга он, возможно, и начал работу над последней пьесой «лирического» периода — «Венецианским купцом», где совершенные образцы его ранней поэзии погружены в атмосферу почти смрадную и губительно-бездушную. Когда он наконец вернулся в Лондон, оказалось, что с трупной не все благополучно. Умер лорд Хансдон, и хотя его сын согласился быть их патроном, он не наследовал от отца должность «лорда-камергера». Новым «лордом-камергером» стал лорд Кобэм, любви к актерам не питавший, и муниципальный совет Сити обеими руками вцепился в этот подарок судьбы. При Хансдоне им не удалось помешать строительству «Лебеда», еще одного места сборища «воров, конокрадов, распутников, мошенников, сеятелей смуты и прочей сволочи», зато теперь они без труда уговорили Кобэма и Тайный совет закрыть в Сити театры при гостиницах. Это был сокрушительный удар: зимой, когда лондонцам далековато было в слякоть выбираться в «Театр» или «Куртину», «слуги лорда-камергера» обычно играли на постоялом дворе «Скрещенные ключи». Теперь пришлось договариваться с Лэнгли и на зимний сезон арендовать «Лебеда» *. Из района Бишопгейт Шекспир переселился в Бэнксайд. Общение с Лэнгли скоро вовлекло его в склоку.

Лэнгли был в скверных отношениях с одним из судей графства Серри, Уильямом Гардинером, которого он публично — и вполне заслуженно — выбрал «подлецом и завравшимся клятвопреступником», чем, конечно, подлил масла в огонь. Взбешенный Гардинер призвал на помощь пасынка, Уильяма Уайта, человека совсем дрянного, и оба они до такой степени застрашали Лэнгли, что тот «из страха быть убитым и тому подобное» стал искать защиты у закона. Время было буйное, вспыльчивая светская публика обнажала шпаги по малейшему поводу, полиция была пуглива, как Кизил, и отмахиваться от подобных угроз не приходилось. За убийство привлекали к суду Марло, потом его самого убили в драке; Джонсон чудом избежал петли за то, что проткнул шпагой коллегу-актера *. Гардинер был из тех, кто не остановится ни перед чем, и как судья он безусловно сделал бы все, чтобы закрыть «Лебеда» и разорить Лэнгли. Потому-то, очевидно, Шекспир и поспешил Лэнгли на выручку. Настала очередь Уайта требовать мирных заверений от угрожавших ему «Уильяма Шекспира, Фрэнсиса Лэнгли» и двух неизвестных дам — Дороти Сойер и Энн Ли. Иметь Шекспира врагом было крайне нежелательно, но если Гардинер и впрямь прототип судьи Шеллоу, то драматург обошелся с ним еще великодушно: этот отъявленный мерзавец в судейской мантии заслуживал более хлесткой сатиры. Возможно и то, что судья Шеллоу, бестолочь и пустое место, был карикатурой на

стратфордского соседа и легендарного гонителя Шекспира — сэра Томаса Люси.

У Шекспира чесались руки попомнить лорду Кобэму отлучение труппы от «Скрещенных ключей», и в своей новой пьесе, «Генрихе IV», он дал толстому трусоватому рыцарю имя предка Кобэма: сэр Джон Олдкасл. Кобэм заявил протест, и, к великой радости его бесчисленных врагов, Шекспир дал рыцарю другое имя — Фальстаф, это тоже исторический персонаж, не блиставший храбростью. Имя прижилось, а Кобэму дали кличку Фальстаф. Шекспир поквитался с ним *. Весной 1597 года лорд-камергер Кобэм умер, не оплаканный театральным миром, и, к вящей радости Шекспира и его коллег, вакантное место занял их патрон, младший лорд Хансдон. Они снова стали «слугами лорда-камергера».

Некоторое время спустя Шекспир снова в Стратфорде. У него был капитал, и по примеру отца он благоразумно вложил его в недвижимость. Ему приглянулся «славный кирпично-деревянный дом» напротив часовни и его прежней школы — «Новое место». Дом принадлежал «скупому хитрецу» Уильяму Андерхиллу, запросившему большие деньги, и в мае Шекспир уплатил ему 60 фунтов за дом с двумя амбарами, огородами и фруктовыми садами. Через несколько дней Андерхилла отравил полоумный сын.

Предстоял ремонт — дом был в неважном состоянии, и, поглощенный строительными заботами, драматург обильно уснастил соответствующими образами первую и вторую части «Генриха IV»: «земля до основания содрогнулась»¹; «мы должны / Исследовать и почву и чертеж, / Избрать фундамент прочный, расспросить / Строителей» и т. д.² — и подобных примеров множество. Благоустриваясь, он продал городскому совету тонну битого камня для ремонта клоптонского моста — возможно, он разобрал отслуживший свое амбар. Это был его первый дом, и простые радости домашнего обихода отразились на его пьесах этого периода, как, впрочем, и на всем позднем творчестве: «Мы в берега покорности вернемся, / Рукою мира мощь свою сковав»³, «Мы, как пчела, из каждого цветка / Собрав сладчайший сок... / Летим обратно в улей»⁴ — ясно, они там были, пчелы, в запущенном саду, который он теперь обживал:

В стране не выполоть всех сорных трав,
Как подозрительность его хотела б;
Его друзья с врагами так сплелись,
Что, если вырвет с корнем он врага,
Тем самым нанесет ущерб и другу⁵.

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 4, с. 62. Перев. Е. Бируковой.

² Там же, с. 140.

³ Там же, с. 198.

⁴ Там же, с. 218.

⁵ Там же, с. 200.

Наступал полдень, он выходил в сад и смотрел, как на перекрестке, куда выходил его дом, разбегались «на юг, на север, запад и восток» школьники, и, когда он будет писать о рассеявшемся войске, сами скажутся слова:

Как школьники, которых отпустили, —
Стремятся кто домой, кто на забавы¹.

В школу-то они ползут как улитки * — это он тоже видел. Сердце его кровоточило. Не было с ними Гамнета.

КОМЕДИИ СРЕДНЕГО ПЕРИОДА

Смерть Гамнета глубоко отозвалась и в жизни, и в творчестве Шекспира. Человек более простого склада засел бы писать трагедии, у него же, напротив, пьесы ближайших лет едва ли не самые безоблачные. Но в них больше отзывчивости и сострадания, и, какого бы сословия или возраста ни были его герои, поэт ко всем проникается сочувствием и пониманием. Он уже не занятый одним собою любовник и поэт, лишь в любовниках и поэтах из собственных пьес видящий себе ровню, — он драматург, болеющий решительно за всех, и этот перелом отразился в его стиле. Лирический восторг поугас, и с «Генриха IV» по «Двенадцатую ночь» исторические и романтические комедии написаны живым разговорным языком, какого у него не было прежде. Сравним конец «Венецианского купца» с первой сценой «Генриха IV» — и мы воочию убедимся, как на смену превосходной лирике, лишенной драматизма, приходит неподдельно искренний драматический стих. Слово венецианцу Лоренцо:

Как ярк лунный свет... В такую ночь,
Когда лобзал деревья нежный ветер,
Не шелестя листвою, — в такую ночь
Троил всходил на стены Трои, верно,
Летя душой в стан греков, где Крессида
Покоилась в ту ночь².

А вот речь англичанина Гарри:

Пусть мы в тревоге, от забот больны,
Но все ж дадим затравленному миру

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 4, с. 205.

² Там же, т. 3, с. 297. Перев. Т. Щепкиной-Куперник.

Передохнуть, чтоб снова кличем бранным
На берегах далеких разразиться¹.

Ранние пьесы написаны в основном стихами, иногда рифмованными, проза отдана комическим персонажам, и характерно, что их помнят лучше героев мерных строк: лирическая поэзия не тот материал, из которого скроены мужчины и женщины. Пьесы же, о которых идет речь, по большей части написаны прозой, причем, наравне с шутами, ею изъясняются и короли, и многие создания Шекспира — Фальстаф, Бенедикт, Розалинда, Беатриче. Коротко говоря, лирическая поэзия уступила место драматической прозе, а эта в свою очередь готовила приход драматической поэзии.

Представляется вероятным, что, купив «Новое место», Шекспир перестал выезжать с труппой на гастроли и летние месяцы, если выкраивалось время, проводил в Стратфорде с семьей. «Слугам лорда-камергера» был прямой расчет давать своему драматургу творческий отпуск, и Шекспир едва ли возражал против такого распределения обязанностей. Таким образом, летом 1597 года он, скорее всего, с женой и двумя дочурками обживает новый дом, пишет «Генриха IV» и, может статься, присутствует на бракосочетании своей сестры Джоан, имевшем место где-нибудь неподалеку от Стратфорда. Его зятем стал шляпник Уильям Харт *. Поскольку семья перебралась в «Новое место», молодожены стали жить в родительском доме на Хенли-стрит.

За время его отсутствия в Лондоне произошли тревожные события. Старик Джеймс Бербедж умер, и сыновьям Катберту и Ричарду не удалось продлить аренду земельного участка, где стоял «Театр». В довершение бед у Лэнгли в июле начались неприятности после представления в «Лебедь» актерами графа Пемброка сатирической комедии «Собачий остров». Обнаружив в пьесе «подстрекательство и клевету», Тайный совет потребовал закрыть все театры и взять под стражу виновных актеров и авторов — одним был Нэш (он скрылся), другим — Бен Джонсон. В октябре последовало решение: «Лебедь» прекращал существовать как театр, Лэнгли вменялось в обязанность переоборудовать здание в цирковую арену. Для Гардинера настал час его торжества. «Слуги лорда-камергера» остались без «Театра» и «Лебеда», и в постоянные дворы Сити вход им был заказан, а в «Розе» играли «слуги лорда-адмирала». Оставалась только «Куртина», куда зимой было совсем непросто выбираться, но в ожидании лучших времен «слугам лорда-камергера» пришлось обосноваться в этом строении, годящемся только на снос.

И, видимо, чтобы как-то продержаться, в 1597—1598 годах труппа продала издателям четыре пьесы Шекспира: «Ричард II», «Ричард III», «Генрих IV» и «Бесплодные усилия любви» — это первая пьеса, опубликованная

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 4, с. 7.

под его именем. Следует заметить, что сам Шекспир не вступал в контакты с издателями, надзора за изданием этих пьес фактически не осуществлял и поэтому качество этих публикаций целиком на совести издателей. Например, Уильям Уайт скверно издал quarto «Бесплодные усилия любви», а Вэлентайн Симмз, напротив, напечатал сравнительно неплохой текст «Ричарда II», хотя и он допустил 69 опечаток. Во втором издании хроники 14 опечаток он исправил, зато добавил 123 новые. Пьесы не считались серьезной литературой, и первоклассные издатели их не брали. Конечно, Шекспир мог настоять на том, чтобы ему показали гранки, но его без остатка забирала текущая работа, да и характер у него был достаточно беспечный, чтобы возвращаться к сделанному.

Впрочем, не все разделяли пренебрежительное отношение издателей к пьесам. В сентябре 1598 года некий школьный учитель Фрэнсис Мерез выпустил книгу «Palladis Tamia, или Сокровищница ума». Один из разделов этой книги развивает дерзновеннейшую мысль: поставить в один ряд классических авторов и современных английских поэтов. С точки зрения критической это сочинение ничтожно, но ему нет цены по части сведений о Шекспире. Для «магистра искусств обоих университетов» маловато сообщить, что в комедии и трагедии Шекспир почитался лучшим драматургом своего времени, зато осведомить читателя, что в ту пору сонеты Шекспира ходили по рукам, и назвать двенадцать написанных им пьес, — для этого нужен внимательный современник со связями в литературном и театральном мире. В своем изложении Мерез педантически соблюдал принцип равновесия: вот шесть комедий, а вот шесть трагедий, и потому, надо думать, в список не попали три части «Генриха VI», но затесалась комедия с очень неплохим названием — «Вознагражденные усилия любви» (это, видимо, «Укрощение строптивой»)*.

Публикация "Palladis Tamia" почти подгадала к открытию осеннего сезона в «Куртине»: «слуги лорда-камергера» играли первую значительную комедию Джонсона «Каждый в своем нраве». Существует традиционное мнение, что на выборе этой пьесы настоял Шекспир. Он безусловно играл в ней*: в позднейшем собрании своих «Сочинений» Джонсон предпослал пьесе список «основных комедиантов» — это первое документальное свидетельство о Шекспире-актере, и, кстати сказать, здесь же впервые поименован весь состав труппы. Кондел и Слай стали «предпринимателями», Бистон и Дьюк были на жалованье, пайщиками они так и не станут. Это была пьеса-«предостережение», реалистическая комедия «с тенденцией»: Джонсон замахнулся на романтические пьесы Шекспира, высмеянные им в Прологе. В ответ Шекспир написал «Как вам это понравится», где в «своенравном» Жаке, намеревающемся «прочистить желудок грязный мира», дал дружеский шарж на Джонсона. Если не считать гениальной одаренности, соперники имели мало общего между собой: один — самонадеянный, напористый и нетерпимый; другой полон сочувствия

к ближним, он никогда не принесет свое искусство в жертву интересам дня.

К этому времени относится эпизод, в котором раскрылась великодушная натура Шекспира. Его друзья Адриан Куини и сын Адриана Ричард потерпели большой урон от пожаров в Стратфорде, и, оказавшись в Лондоне где-то вскоре после постановки «Каждого в своем нраве», Ричард письмом попросил у Шекспира займа 30 фунтов — на поправку дел. Шекспир не замедлил с ответом — скорее всего, он сразу отправился к Ричарду, квартировавшему в приходе святого Павла, поскольку в тот же день Ричард написал домой, что их «земляк» обещает выручить деньгами. Из шекспировской переписки это единственный уцелевший клочок.

ТЕАТР «ГЛОБУС»

В ту зиму Шекспиру пришлось основательно раскошелиться. «Слуги лорда-камергера» не имели намерения похоронить себя в «Куртине» и, хорошенько все обмозговав, выбрали место для нового театра в Бэнксайде, к неопи-суемому ужасу Хенсло — почти напротив его «Розы». Вечером 26 декабря они играли перед королевой в Уайтхолле, а два дня спустя совершили давно продуманный дерзкий набег. «Театр» стоял теперь на чужой земле, но, согласно условиям аренды, принадлежал он по-прежнему братьям Бербедрж, и вот, вооружившись топорами, актеры ступили во вражеские пределы и, следуя дельным указаниям плотника Питера Стрита, принялись разбирать строение, после чего, по отзыву недружелюбных очевидцев, «противозаконно и возмутительно вынесли с места всю древесину». Древесины в «Театре» было достаточно, и незабываемая, думается, была картина, когда Шекспир с товарищами катили на тачках бревна и брусья мимо ворот Бишопсгейт, через Лондонский мост — в Бэнксайд. Там, на болотистом участке, против «Розы» Стрит построил им новый театр. Они дали ему название «Глобус»: на эмблеме театра был изображен Геркулес, державший на плечах земной шар *. Что же, и работа у них, считали они, геркулесовая.

Стрит рачительно распорядился отвоеванной древесиной, забрав только самую труху, но новый «Глобус» — это все же не новоселье старого «Театра». Пьесы 1599 года разительно отличались от пьес 1576-го, когда Джеймс Бербедрж внес свою лепту в революционное преобразование театрального дела, и из своего богатого опыта Шекспир и его коллеги отлично усвоили, что им нужно. Публику, разумеется, надо разместить поудобнее, но первейшая забота — сцена. Имелись люки, сообщавшиеся с «адам» под просцениумом, имелись замысловатые приспособления на «небесах» — для гостей из другого мира. Главным достижением была хорошо оборудованная задняя часть сцены, воз-

вышавшаяся над просцениумом до уровня средней галереи; внизу был прикрытый занавесом альков, где игрались интерьерные сцены. Сценических площадок, таким образом, — три, причем на двух уровнях, а если к игровому пространству подключить еще и «двор», то можно было представлять даже самые капризные в постановочном отношении пьесы Шекспира: ни на минуту не прерываясь, действие заполняло собой весь театр. Для этого «круга из дерева» Шекспир писал «Генриха V» — этой хронике будет где развернуться *.

«Глобус» стал теперь собственностью труппы. Образовалось десять паев: пять отошли братьям Бербедж, владельцам разобранного «Театра», остальные пять разделили между актерами, оплатившими строительство. Одним из них был Шекспир, и в непродолжительном времени о «Глобусе» скажут: «Театр во владении Шекспира и других». Таким образом, к заработкам драматурга и актера теперь прибавилась десятая доля доходов от эксплуатации здания. За пьесу он получал около 10 фунтов; как актер — $\frac{1}{8}$ партерного сбора и от половины сбора за места на галереях; как совладелец театра («домовладелец») — $\frac{1}{10}$ от второй половины галерейного сбора. Солидное вознаграждение приносили спектакли при дворе. К началу нового века его доходы составляли примерно 5000 современных фунтов, причем свободных от обложения налогом. Неудивительно, что на это вольное и процветающее товарищество с завистью взирали соседи — актеры «Розы», ходившие в неоплатных должниках у Хенсло, отменного мастера держать людей в кабале. Да и сам Хенсло стал поглядывать по сторонам, выискивая для своего театра другое место — как можно дальше от «Глобуса».

Шекспир с товарищами разбирал «Театр», а в это время в Лондон приехал бежавший из Ирландии Спенсер *. Мятежники разграбили и сожгли его дом. Месяц спустя он умер, очевидно, в бедности и был погребен в Вестминстерском аббатстве. Ирландия была охвачена мятежом, и честолюбивый и недалевидный Эссекс убедил королеву отправить его на усмирение. В марте он выступил во главе войска, взяв с собой начальником кавалерии графа Саутгемптона. Завершая «Генриха V», Шекспир писал:

Когда бы полководец королевы
Вернулся из похода в добрый час —
И чем скорее, тем нам всем отрадней! —
Мятеж ирландский поразив мечом,
Какие толпы, город покидая,
Его встречали бы!¹

Возвращение Эссекса было иным. Потратив лето на безрезультатные переходы, он пал духом, заключил перемирие с вождем мятежников Тайроном,

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 4, с. 475.

бросил войско и с повинной головой явился к Елизавете. Королева его арестовала, и, хотя скоро графа освободили, песенка его была спета: он лишился высочайшего покровительства и был отлучен от двора. Но время было такое, что и опальный человек стал опасен: родственник старой королевы, популярен в народе, а вопрос о престолонаследии так и повис в воздухе.

Вскоре после падения Эссекса, осенью 1599 года, «Глобус» открылся — вероятнее всего, играли «Генриха V». Можно предполагать, что Шекспир исполнял роль Хора, и, когда он в Прологе просит прощения за то, что в столь несовершенном театре будет представлен «такой предмет высокий», мы не можем не почувствовать, что на самом деле он гордится «оградой этих стен». Потом в «Глобусе» пошла путаная и скучная пьеса Джонсона «Каждый вне себя», Шекспир в ней не играл. Кстати сказать, в этой пьесе Джонсон прошелся по поводу новоиспеченного дворянства Шекспира и его девиза «Не без прав»; Джонсон предложил свой вариант — «Не без горчицы» *.

Затраты на строительство «Глобуса» надо было окупать, и в 1600 году «слуги лорда-камергера» предложили книгоиздателям четыре пьесы Шекспира: «Венецианский купец», «Сон в летнюю ночь», «Много шума из ничего» и «Генрих IV», часть вторая. Как полагается, все они были зарегистрированы в «Гильдии печатников и книгоиздателей», причем две последние в один день, и эта запись чрезвычайно важна, поскольку здесь впервые в реестрах «Гильдии» фигурирует имя Шекспира. А несколькими днями раньше в труппе стало известно, что некий актер на жалованье подготовил вариант «Генриха V» и намерен нагреть руки, продав его издателю. Было сделано все, чтобы помешать этой публикации, однако она состоялась, и испорченный текст «Генриха V» попал в книжные лавки около собора св. Павла, где уже сбывались «плохие» кварто «Генриха VI» (части вторая и третья) и «Ромео и Джульетты». Скоро «плохих» кварто станет пять: к названным присоединятся «Виндзорские насмешницы», написанные примерно в это же время.

Хотя Шекспира все меньше занимали как актера, работы ему отнюдь не убавлялось. Приходилось помногу сидеть за столом, сочиняя для «Глобуса» новые пьесы, ибо в них залог успеха — и возврата ссуд, взятых под высокие проценты. В сезон 1599—1600 годов он умудрился поставить «Юлия Цезаря» и «Как вам это понравится» на сюжет романа Томаса Лоджа «Розалинда» (музыку написал Томас Морли); для королевских увеселений на рождество 1600 года он подготовил и третью пьесу, «Двенадцатая ночь», сыгранную в двенадцатую ночь 1601 года в нарядном зале Уайтхолла в честь почетного гостя королевы итальянского герцога Вирджинио Орсино. Впрочем, в честь королевы тоже, поскольку та не преминет узнать себя в образе Оливии: при дворе поддерживалась блажь, что она все еще Королева фей, чьи молодость и красота не подвластны времени. На самом деле это была старуха 68 лет, сморщенная, с гнилыми зубами и в рыжем парике *. Сам Шекспир, конечно,

не обольщался насчет милосердного времени: «прожорливое время», «время на тебя идет войною» — такие сентенции часты уже в раннем его творчестве. До этого времени он судил о пожилом возрасте как человек молодой, а в «Двенадцатой ночи» совершилась перестройка, примирение с временем, признание того простого факта, что сам он уже не молод, и потому юность он теперь мерит сострадательным взглядом пожилого человека. «Двенадцатая ночь» — последняя и лучшая из комедий среднего периода.

Прошел ровно месяц, и 6 февраля, в пятницу, в «Глобус» явилось несколько джентльменов, попросивших «слуг лорда-камергера» вне репертуара представить на следующий день шекспировского «Ричарда II». Актеры возражали: пьеса старая, публики не соберет. Но им приплатили 40 шиллингов, и они согласились. В субботу озадаченная публика смотрела трагедию, где смещают с трона и убивают короля. Наутро из дома Эссекса на Стрэнде вышло три сотни вооруженных людей. Возглавляемые графом, они шумной толпой прошли Лидгейт и Чипсайд, призывая горожан «освободить» королеву от дрянных советников. Ни один человек не присоединился к ним. Отчаявшийся Эссекс сдался, были арестованы и другие зачинщики, в их числе Саутгемптон. Через десять дней их судили, признали виновными в измене и приговорили к смерти; Саутгемптонскую казнь заменили пожизненным заключением *. 25 февраля молодой фаворит старой королевы был обезглавлен в Таузере. Невольно в мятеж оказались замешанными «слуги лорда-камергера». Поскольку представление «Ричарда II» было частью заговора, имея целью напомнить согражданам, что монархов, случалось, свергали с трона. Актеров допросили и признали невиновными. Накануне казни Эссекса они играли спектакль в Уайтхолле.

В то рождество «актеры лорда-адмирала» дали при дворе три представления. В «Розе» они уже не играли. Они уступили Бэнксайд «слугам лорда-камергера», а сами перебрались через реку в Финсбери, севернее Криплгейт, где Хенсло и Аллен выстроили для них отличный новый театр — «Фортуна» *. За образец они взяли «Глобус», только в плане «Фортуна» не овал, а прямоугольник. Событием более решающего значения было появление при дворе (если быть точным — повторное появление) еще двух театральных коллективов: «хористов собора св. Павла» и «хористов королевской капеллы». До этого времени Шекспиру не приходилось мериться силами с детскими труппами: последний раз они играли десять лет назад. Теперешняя ситуация в значительной мере сложилась благодаря самим «слугам лорда-камергера». Незадолго до смерти Джеймс Бербедж превратил одно из зданий монастыря Блэкфрайерс в еще один «частный» театр; в зале площадью около семидесяти футов на пятьдесят соорудили сцену, галерею, ложи. Из-за протестов обитателей района театр не был открыт, но в 1600 году сыновья Бербеджа сдали его в аренду регенту королевской капеллы — и начались спектакли. Пресыщенная публика клюнула на новинку и валом валила в Блэкфрайерс и певческую школу при соборе св. Павла. Заполу-

чить Шекспира регенты детских хоров не смогли — он писал только для своего театра, зато из числа других драматургов они привлекли лучших. Так началась благотворная Война театров — собственно говоря, благотворной она была для детских трупп, а отнюдь не для взрослых.

Задиристые молодые люди Бен Джонсон и Джон Марстон держались разных взглядов на драму. В «Каждом вне себя» Джонсон пародировал напыщенный стиль Марстона, тогда Марстон в одной из первых своих пьес, сыгранной «хористами собора св. Павла», высмеял Джонсона. Для «хористов королевской капеллы» Джонсон незамедлительно написал «Увеселения Цинтии», где выставил на посмешище и Марстона, и его друга Деккера *. Марстон ответил новой пьесой для «хористов собора св. Павла». Лондон был взбудоражен и требовал продолжения. Оно последовало. Осенью 1601 года «хористы королевской капеллы» сыграли «Рифмоплета» Джонсона: Деккер выведен здесь под именем «штопальщика пьес» Деметрия, а «рифмоплет» Криспин — это Марстон. Обоих приводят на суд к Цезарю, и благородный Гораций (это Джонсон) дает Криспину рвотное, дабы тот излечился от пустословия. Прошло несколько недель, и у «хористов собора св. Павла» прошла ответная пьеса Деккера и Марстона «Бичевание сатирика». Здесь наглый Гораций держит ответ перед самим Вильгельмом Рыжим *, а обвинителями выступают Деметрий и Криспин. Они не решаются дать Горацию пилюлю, опасаясь, что их самих вывернет от зловония его наглости, но зато увенчивают его крапивным венком и заставляют поклясться, что впредь он не будет заноситься и чваниться. Джонсон не задержал бы с ответом, но власти смекнули, что его сатира разит далеко не одних соперников-драматургов, и Джонсона призвали к молчанию. На этом завершилась Война театров.

На рождество студенты Кембриджского университета сыграли анонимную комедию «Возвращение с Парнаса», где Кемп и Бербедрж восхваляют своего коллегу Шекспира за то, что тот сбил спесь с самоуверенного Джонсона. Участие Шекспира в Войне театров и, в частности, какое «слабительное» он дал Джонсону — все это покрыто тайной, но в «Гамлете», над которым он тогда работал, он вскользь упомянул и о склоках в театральном мире, и о «выводке детей» *, соперничавших со взрослыми актерами.

Апогей этой словесной баталии он, скорее всего, пропустил: в сентябре умер его отец, и, надо полагать, он был в Стратфорде на похоронах либо приехал чуть позже. Не исключено, что во время последней болезни «старика с веселыми щеками» * пользовал молодой врач из Бедфордшира Джон Холл, недавно открывший практику в городе. Были в доме на Хенли-стрит и другие перемены. Сестра Джоан родила сына (это его первый племянник), младший брат Эдмунд уехал из Стратфорда и, подобно ему, стал актером. Двое других братьев оставались дома, и Гилберту Шекспир доверил переговоры с Уильямом Кумом и его племянником Джоном о покупке 127 акров земельных угодий в Ста-

ром Стратфорде, к северу от города. Таким образом, весной 1602 года Шекспир был джентльменом-землевладельцем и обладателем роскошнейшего дома в Стратфорде. Больше того, он был в расцвете сил и накануне своих величайших свершений.

Дни Елизаветы были сочтены. После рождественских королевских увеселений двор отправился по реке в Ричмонд, где 2 февраля 1603 года «слуги лорда-камергера» сыграли пьесу — может быть, недавно завершеного «Гамлета», и если это так, то Шекспир успел попрощаться с королевой, которой больше не увидит:

Спи, милый принц!
Спи, убаюкан пеньем херувимов! ¹

Ранним утром 24 марта она умерла.

«СЛУГИ КОРОЛЯ»

Началась другая эпоха, уже не столь эпическая. На троне был новый монарх — шотландский король Яков, почти сверстник Шекспира, человек доброжелательный, но упрямый и мелочный; королевой стала взбалмошная датская принцесса, родившая Якову троих детей: Генри, Елизавету и Чарлза. Не теряя времени, Яков произвел при дворе перестановки *, выдвигая сторонников и устраняя противников. Роберт Сесил, сын лорда Берли, стал главным министром и графом Солсбери; Фрэнсис Бэкон был возведен в рыцарское достоинство; покровителя Шекспира, графа Саутгемптона, выпустили из тюрьмы; Рэли отправили в Тауэр. Перемены в придворной жизни скоро отозвались и на театральных делах: спустя два месяца после своего воцарения Яков взял Шекспира и его товарищей под свое личное покровительство. Смена патрона сама по себе не отразилась на их благосостоянии: пусть они теперь назывались королевскими камердинерами и имели алые ливреи, но жалованье им не платили, это была почетная должность, и только. Зато весьма отразилась на их благосостоянии смена монархов. При Елизавете ежегодно давалось 6—7 придворных спектаклей, а при Якове редкий год меньше 20, причем большую часть представлений давали «слуги короля», и потому их доходы значительно возросли *. Августейшим покровительством были осчастливлены все лондонские труппы. «Слугами лорда-адмирала» завладел принц Генри, игравшую в «Куртине» новую труппу прибрала к рукам королева Анна, «хористы королевской капеллы» из Блэкфрайерс стали «хористами для королевских увеселений».

Шекспиру исполнилось 39 лет, когда одна эпоха сменила другую. Ровно

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 6, с. 155. Перев. М. Лозинского.

десять лет назад был напечатан его литературный первенец; ровно десять лет назад умер Марло, и за это ошеломляющее десятилетие «ворона-выскачка» * написал двадцать пьес, среди которых «Бесплодные усилия любви» и «Ромео и Джульетта», «Двенадцатая ночь», «Троил и Крессида» и «Гамлет»; преобразование драмы, начатое «университетскими умами», он завел так далеко, как не мерещилось завистнику Грину. Больше того, вдохновляющее торжество его усилий вызвало к жизни целое направление в драматургии, не знавшее себе равных ни прежде, ни потом — ни в Англии, ни в какой другой стране. Успех, однако, не испортил его, он оставался тем же скромным и воспитанным человеком, каким десять лет назад узнал его Четл, и все так же благоволили к нему «многие достойные люди» в Судебных Иннах, где игрались его пьесы, а самого автора любовно величали Вильгельмом Завоевателем.

Вопреки ожиданиям эпоха короля Якова началась скверно: в город пришла чума, театры закрылись до следующей весны, в Лондоне за это время вымерло 30 000 человек. Столь лютую божью кару Шекспир видел впервые на своем веку. «Слуги короля» отправились на гастроли, в Оксфорде и Кембридже играли «Гамлета», и тогда-то некий наемный актер (возможно, исполнитель роли Марцела) запомнил текст и подготовил вариант для издателя. Так в разгар чумы в Лондоне вышло шестое, самое известное «плохое» quarto.

Шекспир, скорее всего, уехал к себе и в «Новом месте» с грехом пополам заканчивал «Конец — делу венец» и писал «Меру за меру» — мрачноватую и несколько необычную комедию, название которой обещает более серьезное содержание, нежели беспечные «Много шума из ничего», «Как вам это понравится», «Двенадцатая ночь». К ноябрю он вернулся в труппу и репетировал в Мортлейке (пригород Лондона вверх по течению Темзы), когда пришло распоряжение ехать в Уилтон, поместье графа Пемброка близ Солсбери. Там находился двор, и 2 декабря Шекспир и его товарищи впервые играли в присутствии короля. По всей видимости, они давали «Как вам это понравится». Вскоре после этого Яков уехал в Хэмптон-Корт, где и состоялись первые в его царствование королевские увеселения. «Слуги короля» представили семь пьес, в том числе «Сон в летнюю ночь» и малоудачную трагедию Джонсона «Сеян», в которой играл Шекспир. В последний раз он фигурирует в документах как актер и, видимо, впредь все свое время будет отдавать драматургии и режиссуре. В качестве наставника своих коллег мы мельком видим его в «Гамлете»: «Произносите монолог, прошу вас, как я вам его прочел, легким языком (...) сообразуйте действие с речью, речь с действием; причем особенно наблюдайте, чтобы не переступать простоты природы»^{1*}. В традициях средневекового театра было «завывать» и «рвать страсть в клочья», и традиции эти еще удерживались, но не в шекспировской труппе. Его отход от исполни-

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 6, с. 75.

тельства открыл вакансии, и в товариществе было уже не девять пайщиков, а двенадцать.

К концу февраля чума отступила, и Шекспир переехал в квартал Криплгейт в дом на углу Монкуэлл-стрит и Силвер-стрит. Здесь жил Кристофер Маунтджой *, изготовлявший для модниц шиньоны — роскошество головоломной сложности. Скоро хозяева втянули нового жильца в свои семейные проблемы. У Маунтджоя была дочь Мэри, которую он хотел выдать замуж за своего подмастерья Стивена Белота, и по доброте душевной Шекспир согласился помочь сватовству. Он выставил против Белота весь свой могучий арсенал увещеваний, поманил завидным приданым, посулил добавку, когда умрет тесть. И Стивен решился. Шекспир соединил их руки, в ноябре они поженились. В свой час это событие еще напомнит ему о себе.

ВЕЛИКИЕ ТРАГЕДИИ

У Маунтджоя он, похоже, и начал работу над «Отелло». В драматической прозе его исторических хроник и комедий вызрела драматическая поэзия, искусство воссоздавать характер средствами стиха, столь совершенно явившее себя в «Гамлете» и «Мере за меру». Переживая небывалый творческий подъем, он испытал теперь этот благородный инструмент в благороднейшем из драматических жанров — в трагедии. Не следует думать, что в ту пору и в ближайшие несколько лет его мироощущение было трагическим; чтобы обращаться к трагической теме, не обязательно быть несчастным — эпитафией на смерть Гамнета был Фальстаф, но когда великий поэт и драматург вознамеривается создать шедевр, он пишет трагедию, и «Отелло» открывает череду ошеломляющих трагедий, спустя четыре года блистательно завершившуюся «Антонием и Клеопатрой». Если исполнение трагического репертуара должно было выматывать Бербеджа до крайней степени, то что говорить о Шекспире, который месяцами жил страстями своих героев (в этом полном растворении — тайна и магия его искусства): он ревновал за Отелло, с Тимоном и Лиром впадал в безумие, с Макбетом терзался муками совести, делил непомерную гордыню с Кориоланом, отчаивался с Антонием.

В марте стал возможным долго откладывавшийся торжественный въезд короля в Сити. По этому случаю камердинер Шекспир оделся в красную ливрею. Скоро она вновь потребовалась. В августе Сесил договорился о мире с Испанией, и «слуги короля» явились в Сомерсет-хаус представиться испанскому послу. Этот почетный мир стал счастливейшим политическим событием за все годы правления Якова. Двадцатилетней войне был положен конец. Впрочем, это беспокойное двадцатилетие было временем великого литературного возрождения, временем «елизаветинцев».

Не приходится удивляться, что рождественские королевские увеселения были в тот год особенно радостными и продолжительными — с начала ноября до конца февраля. К счастью, сохранились реестры распорядителя королевских увеселений в сезон 1604/05 года. «Слуги короля» сыграли 11 пьес, из них по меньшей мере 7 — шекспировские: «Отелло», «Виндзорские насмешницы», «Мера за меру», «Комедия ошибок», «Бесплодные усилия любви», «Генрих V» и «Венецианский купец» — его играли дважды. Были сыграны также две комедии Джонсона.

По отцу Джонсон был шотландец, и он не преминул воспользоваться столь благоприятным происхождением, а также любовью королевы к экстравагантным зрелищам. При Елизавете «маска» представляла собой нехитрую шараду с переодеваниями и танцами, но с легкой руки Джонсона она развилась в сложное зрелищное мероприятие, с применением выразительных сценических эффектов. В представлении принимали участие сама королева и двор, и если оценить все драгоценности, какие были на дамах, то перед этой цифрой побледнеют королевские доходы. Готовить эскизы костюмов и декорации Джонсон подрядил многообещающего молодого архитектора Иниго Джонса, и в двенадцатую ночь 1605 года было положено начало долговому сотрудничеству этих великих людей: была поставлена «Маска чернокожих»*, где королева и придворные дамы изображали арапов. В несколько лет Джонсон упрочил свое положение при дворе, сочиняя и ставя эти милые пустяки, а в это же время Шекспир создавал великие трагедии. Видимо, в 1605 году были написаны «Тимон Афинский» и почти весь «Король Лир».

Если в апреле Шекспир был в Стратфорде, то он наверняка почтил своим присутствием бракосочетание Роберта Харварда из Саутуорка и Катарини Роджерс, дочери его соседа Томаса Роджерса; если же ему не довелось тогда побывать на родине, то молодоженов он скоро навестит в их доме в Бэнксайде, где спустя два года родится их знаменитый сын, Джон Харвард*. В мае Шекспир потерял старого друга: умер Огастин Филипс, «слуга лорда-камергера» первого набора. Преданнейшая душа, он не забыл в завещании почти никого из своих товарищей. Шекспиру он оставил «тридцать шиллингов золотом». Похоже на то, что в июле Шекспир был в Стратфорде, поскольку в это время он вложил 440 фунтов — огромные деньги! — в откуп десятичных земель, примыкавших к его недвижимости в северном пригороде. Там его новым соседом в доме Клоптонов оказался молодой богатый католик Эмброуз Руквуд. Возможно, в начале ноября он еще оставался у себя в «Новом месте», потому что в Лондон нагрянула чума и театры закрылись, и если 6 ноября он был в Стратфорде, то ему довелось увидеть нечто достойное внимания. В Лондоне сорвался «Пороховой заговор»*. Гай Фокс был арестован, остальные заговорщики укрылись в центральных графствах, и одним таким логовом был дом Клоптонов. Явились констебли, но Руквуда и след простыл. Схватили его

на третий день и в положенный срок казнили вместе с Фоксом перед зданием парламента, который они собирались взорвать.

В то рождество «слуги короля» сыграли десять спектаклей, и нетрудно вообразить, как после какой-нибудь шекспировской хроники король высказывает догадку, что, посвятив столько пьес английской истории, его собеседник, наверное, не прочь взяться за Шотландию. У короля есть интересные предки... И кстати: летом ожидается приезд зятя, Кристиана IV Датского. В праздничных мероприятиях спектакли королевских актеров будут на первом плане, и Кристиан, разумеется, захочет увидеть «Гамлета, принца Датского». Действительно, «Гамлет» подходил для такого случая, к тому же это была самая известная пьеса, в Лондоне редко кто не цитировал ее, она добралась до самой Германии, ее ставили даже в открытом море *. Шекспир внял намеку и, закончив «Короля Лира» (в декабре его показали при дворе), полистал шотландские страницы в «Хрониках» Холиншеда, нашел историю Макбета * и сел за работу. К несчастью, Кристиана опередила чума, и празднество пришлось устраивать вне столицы. В Гринвичском дворце «слуги короля» сыграли для венценосцев две пьесы, одной из которых всенепременно был «Гамлет». А несколько дней спустя в Хэмптон-корте торжествующий Яков поквитался с Кристианом за «Гамлета»: был сыгран «Макбет».

Сами по себе пресные «Хроники» Холиншеда выручили Шекспира, но потом он вознаградил себя прекрасной прозой сэра Томаса Норта, переводчика Плутарховых «Жизнеописаний выдающихся греков и римлян», когда приступил к работе над последними трагедиями *. Возможно, «Кориолан» был уже завершен, а «Антоний и Клеопатра» начаты, когда в июле 1607 года его старшая дочь Сусанна (ей тогда было 24 года) вышла замуж за доктора Джона Холла. Молодой врач приобретал все большую известность не только в Стратфорде, но и во всем графстве и даже за его пределами. Через несколько лет он сможет сесть за работу над врачебным справочником «Наблюдения», который по достоинству оценят: двадцать лет спустя после смерти автора с латинской рукописи был сделан английский перевод, напечатанный в Лондоне *. К 1607 году Холл был уже состоятельным человеком, он купил дом неподалеку от церкви, сделал пристройки, обеспечив себя солидным кабинетом и амбулаторией.

Теперь большую часть года в «Новом месте» будут только двое обитателей — Энн и младшая дочь Джудит. Шекспир стал присматривать им компаньона. Городской клерк Томас Грин доводился ему дальним родственником, он был женат, имел двух ребятишек — с такой семьей не заскучаешь, и перед отъездом в Лондон Шекспир договорился, что Грины переберутся в «Новое место», а съедут, когда он отойдет от дел и вернется сюда навсегда.

Он не спешил ехать в Лондон: там опять чума, театры закрылись, труппа в отъезде. Но в ноябре он уже был в столице, а 28 декабря в Уайтхолле

игрался спектакль. Наверное, в этот же день умер его младший брат Эдмунд: утром 31 декабря его похоронили в церкви св. Спасителя, это в двух шагах от «Глобуса». Мы не знаем, в какой труппе он играл; возможно, он был актером на жалованье у «слуг короля» и ждал, когда откроется вакансия пайщика. Можно не сомневаться, что пышные похороны — с боем большого колокола — устроил и оплатил старший брат.

Спустя несколько месяцев Шекспир потерял мать. После смерти мужа она могла переехать к сыну в «Новое место», но, вероятнее всего, осталась на Хенли-стрит с Джоан и двумя внуками. Дом теперь принадлежал Шекспиру, и он сдал его сестре и зятю за символическую плату. Его неженатые братья, вероятно, перебрались в восточное крыло, где и продолжали отцовское дело. А еще раньше, в феврале 1608 года, произошло поистине знаменательное событие: Сусанна родила дочь, у Шекспира появилась внучка.

Рождение Елизаветы Холл совпало с важными переменами в делах «слуг короля». «Хористы для королевских увеселений» переживали трудную полосу, и в августе их распорядитель вернул театр Блэкфрайерс владельцам — братьям Бербедрж, а те составили компанию на семи паях, куда вошли Шекспир, Хеминг и Кондел. Теперь на другом берегу реки у труппы был еще один театр — на зимний сезон. Значение этой акции трудно переоценить. «Слуги короля» стали первой актерской труппой, могущей регулярно давать представления в небольшом закрытом театре, что не только повлияло на исполнительский стиль, но и потребовало пьес иного характера. «Глобус» был открытый театр, зимой его насквозь продувал студеный ветер, и вмещал он от двух до трех тысяч зрителей, причем половина теснилась на «дворе». А «Блэкфрайерс» был уютный, укромный театрик на двести-триста сидячих мест. Публика в «Глобусе» была самая разношерстная — от придворного до ломового извозчика, а на места в «Блэкфрайерс» могли раскошелиться только люди состоятельные и подлинные ценители *. Титанические трагедии Шекспира требовалось заменить чем-то более камерным, и «слуги короля» подрядили двух молодых драматургов, уже писавших для детской труппы «Блэкфрайерс». Так началось славное содружество Бомонта и Флетчера *, в результате которого появилось изрядное число прелестных, изящных сентиментальных вещей, с подлинной жизнью мало схожих, а то и вовсе несхожих. Началось вырождение елизаветинской драмы, возмужавшей в открытых театрах.

Шекспир тоже стал писать для «Блэкфрайерс». Достигнув в «Антонии и Клеопатре» высот трагического искусства, он переключается теперь на романтическую драму, которая, впрочем, мрачнее и лиричнее комедий среднего периода: к ноябрю он закончил «Перикла» — историю рожденной в море Марины. Почти не приходится сомневаться, что вдохновляло его рождение внучки, причем этого вдохновения достало и на три последние его пьесы, в центре которых судьбы юных героинь Имогены, Утраты и Миранды. После четырех

лет душевного напряжения, которого потребовали трагедии, разрядка была поистине сладостной.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Публикации в 1608 году «Короля Лира» и в 1609-м «Перикла» и «Троила и Крессиды», возможно, были связаны с расходами по театру «Блэкфрайерс», хотя скверные тексты двух первых пьес рожают серьезное подозрение, что это пиратские издания. Также и «Сонеты», наконец увидевшие свет в 1609 году, едва ли были опубликованы с ведома Шекспира. Все это его последние прижизненные публикации, хотя продолжали выходить новыми изданиями старые кварто и — еще одно свидетельство его популярности — предприимчивые, но недобросовестные издатели печатали под его именем чужие пьесы. Так, в 1608 году появилась «Йоркширская трагедия», якобы «написанная У. Шекспиром» (правда здесь то, что «слуги короля» играли эту пьесу *).

Большую часть 1609 года Шекспир, видимо, провел в «Новом месте»: по причине чумы лондонские театры снова закрылись. Эти из года в год повторявшиеся эпидемии наверняка заставляли подумывать о том, чтобы навсегда осесть в Стратфорде, но он решил год подождать, и в сентябре Томас Грин записал, что остается с семейством в «Новом месте» «еще на один год». Следующий, 1610 год, был немногим лучше: к концу июня чума косила направо и налево, театры опять закрылись, актеры снялись с места и сорокашестилетний Шекспир расстался с лондонской квартирой и уехал в Стратфорд. Там он окончил «Зимнюю сказку».

И словно в насмешку, с его отъездом чума отступила и при его жизни уже не возвращалась в Лондон. Поэтому следующий год-другой он, видимо, бывал с трупой не меньше, чем прежде. Наверное, он был с ними, когда в апреле 1611 года они из «Блэкфрайерса» переехали в «Глобус», где показали «Макбета», «Зимнюю сказку» и «Цимбелина». Все три постановки видел врач и астролог Саймон Форман, сделавший соответствующие записи в своей «Книге пьес» *. К сожалению, он просто пересказывает содержание, и любимый его герой, похоже, врач в «Макбете». Опиши он сами постановки и Бербеджа в роли Макбета или Леонта — и слава, которой он так домогался, была бы ему обеспечена. Вместо этого пришлось суетливо кончать жизнь самоубийством, когда настал предсказанный им самим день его смерти.

Предыдущей осенью Шекспир читал отчеты о кораблекрушении, которое потерпел у Бермудских островов * сэр Джордж Сомерс, может, даже беседовал с уцелевшими членами экипажа. Событие взволновало его, тем более что в ту пору штормы и злоключения на море не шли у него из головы, и в 1611 году он создал свою последнюю и самую прекрасную пьесу — «Буря». Не приходит-

ся сомневаться, что 1 ноября, с началом королевских увеселений, он был на ее представлении в Уайтхолле. За «Бурей» последовала «Зимняя сказка», а всего в тот сезон, длившийся до конца апреля, «слуги короля» показали 22 пьесы.

В Лондоне ему пришлось задержаться. Он был вызван свидетелем по иску Стивена Белота к тестю, не давшему за дочь оговоренного приданого, и 11 мая 1612 года «Уильям Шекспир из Стратфорда, джентльмен, 48 лет или около того» давал показания в суде. Удивительное чувство: мы слышим далекий голос Шекспира. Да, он знает семейство Маунтджоя уже лет десять и действительно помог уговорить Стивена, «очень хорошего и работающего малого», жениться на Мэри. Маунтджой действительно обещал за дочь приданое, но в каких размерах — он решительно запомнил, как не помнит и обещаний относительно наследства по смерти тестя. Показания Шекспира не очень прояснили дело, но и то сказать: прошло восемь лет — почему он должен помнить такие мелочи? Он подписал протокол * и уехал в Стратфорд. Его ждала работа.

Отход Шекспира от дел (пусть даже неокончательный) был бы катастрофой для «слуг короля», не обеспечивав их Бомонт и Флетчер новыми пьесами, которые в популярности скоро почти не уступали шекспировским. Но вот Бомонт женился на богатой наследнице и порвал с театром. «Слуги короля» оказались в отчаянном положении. Флетчеру требовался подстегивающий его воображение соавтор, и, пока он не нашел такого среди начинающих драматургов, актеры уговорили Шекспира поработать с ним. Не бог весть как трудно наметить основные темы и набросать характеры, а уж остальное Флетчер сделает сам. Шекспир согласился и сделал набросок «Карденио» *. На королевских увеселениях 1612/13 года пьеса была сыграна; ныне она утрачена. Тот сезон был самым блистательным в царствование Якова: праздновалось бракосочетание его дочери Елизаветы и пфальцграфа Фредерика V. Шекспир, должно быть, присутствовал на торжествах, готовя постановки «Бури», «Юлия Цезаря», «Много шума из ничего», «Отелло», «Зимней сказки» и двух частей «Генриха VI». Почти наверняка «Бурю» сыграли накануне обручения, и почему бы не представить себе Шекспира в его последней роли, Просперо, благоговящим молодых (в сущности, они были совсем дети) и желающим счастья, так скоро, увы, отвернувшегося от них? *

Празднества были омрачены неожиданной смертью принца Уэльского Генри, с которым связывались самые радужные надежды. Потом торжества возобновились, и перед их окончанием Шекспир приобрел надвратный дом монастыря Блэкфрайерс, неподалеку от театра; часть денег на покупку он выручил под закладную, в этой сделке ему помогли друзья — Джон Хеминг и Уильям Джонсон, хозяин таверны «Русалка». В этой таверне, располагавшейся неподалеку от собора св. Павла, в первую пятницу каждого месяца сходи-

лись оскоромиться душой и телом Шекспир, Джонсон, Флетчер, Донн и другие выдающиеся люди. В те же дни у него оказались общие дела еще с одним старинным другом — Диком Бербедржем. Им предстояло изготовить для графа Ретленда impresa, то есть картонный щит с эмблемами и девизами, который на рыцарском турнире будет нести оруженосец. Как мы знаем, Бербедрж был немного художником *, и похоже, что Шекспир тоже не был чужд искусству живописца.

В середине апреля пфальцграф отбыл в Германию, и двор покинул Лондон. Шекспир, думается, еще задержался в столице: Флетчер завершил наполовину написанного им «Генриха VIII» и скоро предстояла его постановка в «Глобусе». Но может быть и то, что он вернулся в Стратфорд раньше рокового четверга 29 июня, когда во время спектакля «Глобус» сгорел дотла. На выход короля Генриха салютовала пушка, и от вылетевшего пыжа загорелась соломенная крыша. За какой-то час во «двор» рухнули галереи, и в общем костре обратились в пепел и «небеса», и «ад». Публика спаслась чудом, «только на одном человеке загорелись штаны, и он бы, наверное, зажарился живьем, но благодаря смекалистой голове он загасил огонь пивом из бутылки». «Погибли, — сообщает далее очевидец, — только дерево, солома и кое-что из старого платья». Если «слуги короля» хранили тексты пьес в «Глобусе», то, значит, они успели их вынести, они спасли и бесценные рукописи Шекспира. Компаньонам предстояли немалые расходы на восстановление театра *, и не исключено, что Шекспир уступил свой пай кому-нибудь поэнергичнее.

С этого времени он живет в основном в Стратфорде. Годом раньше здесь умерли оба его брата — Гилберт и Ричард. Отцовскую мастерскую сдали в аренду, новый хозяин превратил ее в постоянный двор «Лебедь и дева»; в доме на Хенли-стрит жила теперь только Джоан с семейством (там подрастало трое мальчиков). Беда, что у Холлов не рождались сыновья. Внуков не было. Елизавета оставалась единственным ребенком у Сусанны, которая в это самое время стала жертвой оскорбительного навета, так что Шекспир вернулся очень кстати. Некоторых друзей, например Ричарда Куини, он уже не застал в живых, другие здравствовали: Генри Уокер, отец его крестника, соседи Гамнет и Джудит Сэдлер, крестившие его детей, Джулиан Шоу, живший через дом от «Нового места». В Старом Стратфорде жили братья Джон и Энтони Нэш, в заречном Клиффорд-Чемберсе обитал сэр Генри Рейнсфорд, у него иногда гостил Майкл Дрейтон. Чуть дальше, в Олдминстере, жил Томас Рассел. Упомянем еще богатого ростовщика и холостяка Джона Кума. Он умер в июле 1614 года, на следующий день после третьего в истории Стратфорда опустошительного пожара, и был похоронен в церкви св. Троицы близ алтаря. В своем завещании он оставил Шекспиру 5 фунтов. Возможно, Шекспир нашел

и скульптора, сделавшего надгробие и фигуру, — каменщика из Бэнксайда Джерарда Джонсона*.

В это же время Шекспир оказался причастным к огораживанию лугов, примыкавших к его земле. Он не был в числе инициаторов этого проекта, хотя он был ему, пожалуй, выгоден — как владельцу десятинных земель. Однако его позиция в этом деле неясна. Подлинно заинтересованной стороной был городской клерк Томас Грин, по поручению городского совета тормозивший огораживание. Весной Шекспир, скорее всего, уехал в Лондон на открытие нового «Глобуса», «более прекрасного, чем прежний», с черепичной, а не соломенной крышей над галереями: ему, конечно, хотелось увидеть, как Флетчер распорядился его лептой в «Двух благородных родственниках». Выяснилось, что можно было распорядиться лучше. В ноябре он точно в Лондоне, причем с Джоном Холлом: хлопотавший там по тяжбе об огораживании Грин зашел его проведать и расспросить о делах в Стратфорде. «Кузен Шекспир» сообщил ему, что «хотя они намерены в апреле обмерить землю (...) вообще ничего не будет сделано». Шекспир не ошибся, хотя тяжба тянулась, и почти год спустя, в сентябре 1615 года, Грин записал у себя в дневнике: «У. Шекспир говорит Дж. Грину (это брат Томаса), что не согласится на огораживание Уилмкота». Это последнее письменное свидетельство о Шекспире, остается его собственное завещание, которое он составит через несколько месяцев.

Будучи в конце 1614 года в Лондоне, он, наверное, встречался с Беном Джонсоном, мог узнать, что тот готовит публикацию своих «Сочинений»*, и не мог не задуматься о том же. Флетчер нашел себе новых соавторов, и «слуги короля» уже могли обойтись без его помощи, а коли так, то куда как хорошо заполнить долгожданный досуг подготовкой к изданию своих собственных сочинений! Тем более что он всегда был непростительно безразличен к публикации своих пьес. Половина их вообще не была напечатана, и некоторые в таком состоянии, что их не возьмет никакой наборщик. Что касается пьес напечатанных, то в большинстве своем это очень неточные тексты, нет авторских вариантов против четверки испорченных пиратских кварио. Так что на год-два работы более чем достаточно, и в 1615 году он видится нам в своем кабинете над рукописями: что-то исправляет, что-то переписывает заново. Вот хотя бы «Конец — делу венец»* — никак она ему не дается.

К началу 1616 года вовсю шли свадебные приготовления: Джудит выходила за Томаса Куини, сына его старого друга Ричарда, и в январе, «будучи в полном здравии», он пригласил уорикского стряпчего Фрэнсиса Коллинза, чтобы составить в пользу дочерей завещание. Свадьба состоялась 10 февраля, а через несколько недель Шекспир серьезно занемог. Старое предание гласит: «Шекспир, Дрейтон и Джонсон бурно отпраздновали

встречу, видимо перепили, и Шекспир умер от лихорадки, приключившейся после этого». Возможная вещь. Может, в начале года Дрейтон гостил в Клиффорд-Чемберсе, но Джонсон? — ему вроде бы хватало забот с масками и увеселениями в Уайтхолле. Могло быть другое: «бурная встреча» (если она не выдумка) имела место в Лондоне по случаю выхода в свет «Сочинений» Джонсона. И если Шекспир приехал в столицу уже недомога, то в Стратфорд он вернется серьезно больным: девяносто миль в седле, холодный март. Как бы то ни было, снова вызывается Коллинз, в завещание вносятся поправки, и 25 марта оно подписывается. Энн обеспечивалась вдовой частью, и упомянул он жену только в связи с пресловутой «второй по качеству кроватью» *. На этой кровати он умирал. Он выделил Джудит порядочную брачную долю; Джоан оставил 20 фунтов, все свое «носильное платье» (оно пригодится ее сыновьям) и дом на Хенли-стрит в пожизненное пользование. За некоторыми исключениями, всю недвижимость он завещал Сусанне и ее наследникам мужского пола, буде они появятся. Смерть Гамнета порушила его мечту о продолжении рода, ну что ж, сыновья Сусанны — тоже прямые потомки. Он напрасно надеялся. Кроме Елизаветы, у Сусанны не будет больше детей, и сама Елизавета останется бездетной в обоих браках. Трое сыновей Джудит умерли мальчиками, и не пресекалась только побочная линия Хартов. Среди тех, кого упомянул в своем завещании Шекспир, — его «товарищи Джон Хеминг, Ричард Бербедж и Генри Кондел»: он оставил каждому по 26 шиллингов 8 пенсов «на покупку колец». Из «слуг лорда-камергера» за двадцать лет в живых остались только эти трое.

В доме на Хенли-стрит умирал его зять; 17 апреля Уил Харт, шляпник, был похоронен. Доктор Холл, видимо, лечил их обоих. Он вылечит от лихорадки Майкла Дрейтона, «превосходного поэта», а вот куда более превосходного поэта он не сумел спасти. Шекспир пережил зятя на неделю и умер, похоже, в свой день рождения, 25-го апреля его вынесли из «Нового места» и мимо часовни и грамматической школы понесли в церковь — той же дорогой, что ровно 52 года назад несли его крестить, — и в церкви похоронили под алтарем. Джерарду Джонсону заказали мемориальный бюст, который потом поместят на стене вблизи его могилы.

СВЕРШЕНИЯ ШЕКСПИРА

Итак: что осталось? Почему нам не дает покоя провинциальный парень, прославившийся на театральном поприще? Через семь лет после смерти Шекспира на этот вопрос ответят Хеминг и Кондел: они завершат работу, которую он им доверил, — отредактируют и напечатают однотомник его

сочинений. Не будь они верными друзьями, добрая половина пьес, среди которых «Двенадцатая ночь» и «Макбет», «Антоний и Клеопатра» и «Буря», осталась бы ненапечатанной и пропала, а «Генрих V» и еще три пьесы дошли бы до нас в искаженных вариантах («плохие» кварто). Из рукописных запасов «слуг короля» друзья извлекли драгоценные шекспировские оригиналы и точные копии и с них сделали первые публикации и переиздания пьес, «искалеченных и обезображенных плутами и ворами, обманно издавшими их». По рукописям же были сверены и переизданы некоторые кварто. Итак, вот что осталось: 36 пьес в Первом фолио — возможно, величайшее в истории человечества творческое достижение. Из всех мировых поэтов разве один-двое встанут с ним вровень. Вам угодно чистой лирики? У Шекспира есть песни, причем какие разные: «Кто есть Сильвия?» в «Двух веронцах» и «Отец твой спит на дне морском» в «Буре». Или вы предпочитаете сонеты? У Шекспира их 150, причем любой придется вам по вкусу. Вот этот —

Сравню ли с летним днем твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломает буря майские цветы,
И так недолговечно лето наше! ¹

Или этот —

Когда листва несется вдоль дорог,
В полдневный зной хранившая стада,
И нам кивает с погребальных дрог
Седых снопов седая борода, —
Я думаю о красоте твоей,
О том, что ей придется отцвести... ²

Такой же высокой пробы поэзия его ранних пьес.

То жаворонок был, предвестник утра, —
Не соловей. Смотри, любовь моя, —
Завистливым лучом уж на востоке
Заря завесу облак прорезает.
Ночь тушит свечи: радостное утро
На цыпочки встает на горных кручах ³.

И то же золото, хотя более сложного состава, — его лирика в поздних сочинениях.

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 8, с. 436. Перев. С. Маршака.

² Там же, с. 433.

³ Там же, т. 3, с. 87 («Ромео и Джульетта»).

Где нарциссы,
Предшественники ласточек, любимцы
Холодных ветров марта? Где фиалки,
Подобные мгновенной красотой
Глазам Юноны, темным и глубоким,
А запахом — дыханию Венеры?¹

Больше того, Шекспир вдвойне творец, поскольку оставил нам не только поэзию, но еще целый мир людей, и тут ни один поэт с ним не сравнится. Нет другого писателя, который вывел бы такое разнообразие лиц обоего пола — ничтожных и державных, сумрачных и веселых, комических и трагических, благородных и низких. Ланс, Основа, Кизил, Пистоль, Автолик, кормилица Джульетты, миссис Куикли; Фальстаф, Оселок, Жак, Фесте, Мальволио, Пароль, Бенедикт; Джулия, Беатриче, Розалинда, Виола, Елена, Марина, Имогена, Утрата, Миранда; Ричард II, Ричард III, Король Джон, Генрих V, Хотспер, Брут, Гамлет, Отелло, Яго, Лир, Макбет; Джульетта, Дездемона, Корделия, Волумния, леди Макбет, Клеопатра — всех и не перечислить. Удивительно, что все они — просто слова, и еще удивительнее — сами эти слова, поэзия, что делает героев живыми. Живой поэзией. Вот Джульетта — и никто другая:

Ночь кроткая, о ласковая ночь,
Ночь темноокая, дай мне Ромео!
Когда же он умрет, возьми его
И раздоби на маленькие звезды:
Тогда он лик небес так озарит,
Что мир влюбиться должен будет в ночь
И перестанет поклоняться солнцу².

Вот Гамлет:

О, друг, какое раненое имя,
Скрой тайна все, осталось бы по мне!
Когда меня в своем хранил ты сердце,
То отстранись на время от блаженства,
Дыши в суровом мире, чтоб мою
Поведать повесть³.

Вот Клеопатра:

О девушки, взгляните!
Венец вселенной превратился в п р а х . —

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 8, с. 72 («Зимняя сказка»). Перев. В. Левика.

² Там же, т. 3, с. 75 («Ромео и Джульетта»).

³ Там же, т. 6, с. 155.

Любимый! — О!.. Увял победный лавр.
Повержен наземь воинский штандарт.
До уровня подростков несмышленных
Род снизился людской. Ушло геройство,
И не на что глядеть теперь луне,
Взирающей с небес ¹.

А вот, скорее всего, сам Шекспир — тот редкий случай, когда мы различаем его голос в пьесе:

Окончен праздник. В этом представленьи
Актерами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли о н и . —
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растут, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь — о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь ².

Подобно Протею, Шекспир растворяется в своих героях и почти не показывается нам, но пьесы оживлены его духом, и мы читаем их не только ради их поэзии и знакомства с их героями, но и для того, чтобы побыть в обществе Шекспира-человека. И чтение его пьес, помимо всего прочего, приносит нам умиротворение. Мы приобщаемся его доброй мудрости, ощущаем жизнь как солнечный праздник, разделяем его веселый нрав и остроумие, ибо он идеал нормального человека, его могучие способности укрощены и приведены к гармоническому согласию. Мы читаем Шекспира потому, что такого человека каждый хотел бы назвать своим другом.

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 7, с. 232. *Перев. Мих. Донского.*

² Там же, т. 8, с. 192 («Бурия»). *Перев. Мих. Донского.*

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 21

...нас ожидают новые открытия... — В ноябре 1985 г. оптимизм Холлидея, похоже, оправдался: американский шекспировед Г. Тэйлор обнаружил в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета 90-строчную поэму, по ряду признаков могущую принадлежать Шекспиру.

К стр. 22

Shakstaff. — Э. К. Чемберс приводит 83 формы написания этой фамилии; около 20 различных написаний зафиксировано в документах, где фигурирует отец драматурга, Джон Шекспир (Chambers E. K. William Shakespeare. A study of facts and problems. Oxford, 1930, v. II, p. 371). Традиционная русская транскрипция фамилии закрепилась тоже далеко не сразу (имя и сейчас пишут то Вильям, то Уильям). Это объясняется отчасти тем обстоятельством, что ранние переводы Шекспира делались с французских или немецких версий и фамилия автора «прочитывалась» согласно фонетическим нормам этих языков (см. Алексеев М. П. К истории написания имени Шекспира в России, в сб.: Проблемы современной филологии, М., 1965, с. 304). Непосредственно с английского языка первым был переведен «Гамлет» в 1828 г.

Марциал — фамилия римского эпиграммиста (ок. 40—104); буквально значит: Марсов, посвященный Марсу.

К стр. 23

...был крещен в приходской церкви св. Троицы. — Днем рождения Шекспира с конца XVII в. считают 23 апреля на том основании, что крещение обыкновенно совершалось на третий день после рождения, хотя такой обычай ни в каких документах не вменяется на правило. Возможно, на этой дате остановились потому, что 23 апреля — день

св. Георгия, покровителя Англии, и привлекательна мысль, что в день национального праздника родился национальный поэт.

К стр. 24

...конец ее правления. — Уильям Сесил барон Берли умер в 1598 г., за три года до смерти королевы. Согласно традиции, историческая эпоха, совпавшая с годами правления (с 1558) Елизаветы I Тюдор (1533—1603), называется «елизаветинской» (соответствующее прилагательное ввели в английский язык С. Колридж и Т. Карлейль в первой половине XIX в.), а виднейшие ее представители — «елизаветинцами». Впрочем, вершинные свои трагедии — «Отелло», «Король Лир», «Макбет» — елизаветинец Шекспир создал уже при Якове I.

...оставалась в безбрачии. — Злополучная судьба первой жены Лестера, Эми Робсарт, станет сюжетом романа В. Скотта «Кенилворт» (1821). Подозрительными были и обстоятельства его второго брака — на вдове лорда Шеффилда: поговаривали, что по его приказу лорд был отравлен. Вторично овдовев, Лестер женился на вдове графа Эссекса; таким образом, Роберт Девере граф Эссекс (1566—1601), будущий фаворит королевы — его пасынок. Другие претенденты на руку Елизаветы: Филипп II (он был мужем предшественницы Елизаветы, Марии Тюдор) и монсеньор Франциск Валуа, брат французского короля.

К стр. 25

Городское самоуправление. — Наряду с бейлифом («городским головой»), в городское самоуправление входило 14 олдерменов (старейшин) и 14 «главных горожан». Бейлиф и один из олдерменов (выборный) отправляли обязанности мировых судей.

...погребен в церкви. — Видимо, опечатка либо описка автора, поскольку в другой своей работе, «Шекспировский справочник. 1564—1964» (1964), Холлидей приводит другую дату смерти Клоптона: 1496 г. Озадачивает еще одно: уроженец Стратфорда, лорд-мэр Лондона в 1491 г., сэр Хью погребен в Лондоне, а в стратфордской церкви стоит только его памятник.

...на западном берегу реки. — Редкий биограф не упомянет Стратфордский мост с «четырнацатью арочными каменными пролетами» — значительное для того времени инженерное сооружение. Топоним «Стратфорд» означает «переправа на римской дороге».

Бейлиф. — Избирался сроком на один год. Джон Шекспир был в этой должности в 1568—1569 гг.

К стр. 26

...трагедиями Сенеки. — У Ханта Шекспир обучался с 7 до 11 лет, у Дженкинса — с 11 до 15-ти (он был уроженцем Лондона, что, впрочем, не исключает уэльских корней). В эпизоде экзамена, который пастор Эванс устраивает Уильяму («Виндзорские насмешницы», акт IV, сц. I), традиция давно видит автобиографический момент. Еще Р. Фармер (1735—1797) писал в «Опыте об образовании Шекспира» (1767):

«Из своих школьных лет он (т. е. Шекспир) вполне мог сохранить в памяти «Hig, hag, hog» и вложить их в уста сэра Хью Эванса...» Упомянутая ниже «Латинская грамматика» У. Лили оставалась школьным учебником еще не менее полутора десятилетий: по ней учился в Итоне Г. Филдинг.

В Англии *Мария Стюарт* была помещена в родовой замок Толботов под надзор графа и графини Шрусбери. Яков Стюарт родился в 1566 г.; в 1567 г. был провозглашен королем.

Контрреформация — церковно-политическое движение в Европе середины XVI—XVII вв., во главе с папством, направленное против Реформации.

Основные вехи *Нидерландской буржуазной революции* (1566—1609): народное Иконоборческое восстание 1566 г., всеобщее восстание 1572 г. в северных провинциях, восстание 1576 г. в южных провинциях, создание Утрехтской унии (1579).

Кругосветное плавание Ф. Дрейка (1540—1597) в 1577—1580 гг. на паруснике «Золотая лань» — второе после Магеллана.

К стр. 27

...с участием бога. — Педжент — повозка, служившая сценой в театральных представлениях XIV—XV вв. Нижняя ее часть была закрыта занавеской (это «артистическая»), на верхнем помосте давалось представление. Позднее педжентом стали называть пышное, красочное зрелище. Во время наездов королевы в имения вельмож устраивались такие педженты, как водная феерия в Кенилворте в 1575 г., о чем Холлидей скажет ниже. Цеховые гильдии, приветствуя королеву, проезжавшую через города, давали свои традиционные представления — это тоже педженты. Представления на арене назывались «в кругу»: действие перемещалось из «дома» в «дом» — и от «дома» к «дому», по кругу шли зрители (см. ил. 25).

...в Лондоне или в провинции. — В штате королевы числилось 8 королевских исполнителей интерлюдий (или «королевских лицедеев»). После 1559 г. их участие в придворных увеселениях не засвидетельствовано, прослеживаются только выступления в провинции (последнее в 1573 г.). «Королевская труппа» ("Queen Elizabeth's men") основана в 1583 г.

...первая пьеса, написанная белым стихом. — Николас Юдалл (1505—1556) в указанное время уже не был директором Итонской школы, он был отстранен от должности за неблаговидные поступки (впрочем, в 1554 г. он станет директором Вестминстерской школы). Комедия «Ралф Ройстер Дойстер» написана около 1553 г., опубликована, видимо, в 1556-м (единственный сохранившийся экземпляр не имеет титульного листа). «Горбодук» (полное название: «Трагедия о Феррексе и Поррексе, или Горбодук») был показан при дворе в 1561 г., опубликован в 1565-м. Первые три действия написаны Т. Нортонем (1542—1584), два последние — Т. Сэвиллом бароном Бакхерстом (1536—1608).

К стр. 28

В 1570-е годы в Стратфорд... наезжали актеры... — В 1569—1587 гг. в Стратфорде прошло 25 гастролей. К концу жизни Шекспира в городском самоуправлении возобно-

дают пуритане и положение изменится: в 1602 г. будет принято решение запретить представления в городе «каких-либо пьес или интерлюдий». Нарушившим это постановление должностным лицам грозил штраф — 10 шиллингов. Он возрастет до 10 фунтов в 1612 г., за год до того, как драматург окончательно вернется в родной город. Когда в 1622 г. шекспировская труппа («слуги короля») будет гастролировать в Центральных графствах, Стратфорд выплатит ей некоторую сумму с тем, чтобы актеры не играли в городе.

...прогулял школу в тот день. — В романе «Кенилворт» В. Скотт, сознательно допуская исторические анахронизмы, показывает Шекспира уже широко известным драматургом и поэтом, о его творчестве со знанием дела судят королева, граф Лестер. Вообще же биографы сомневаются, что Шекспир «прогулял» в тот день школу: 15 миль дороги, да еще летом, — это серьезное путешествие в ту пору.

Литература возрождалась к жизни. — Роман Д. Лили (1554?—1606) «Эвфуэс. Анатомия ума» (1578) и его вторая часть «Эвфуэс и его Англия» (1580) оказал сильнейшее стилистическое воздействие на развитие английской литературы (особенно прозы и драмы): «эвфуизм», т. е. изысканно-вычурный, богатый аллюзиями и метафорами язык, в той или иной степени свойствен всем писавшим тогда — в том числе молодому Шекспиру. Столь же значительная веха в поэзии — «Пастуший календарь» (1579) Э. Спенсера (1552?—1599), продолжателя поэтической реформы Ф. Сидни (1554—1586). О Т. Норте см. прим. к стр. 55. Ниже упомянуты Т. Уайет (1503—1543) и Г. Серри (1517—1547) — основоположники английского сонета, авторы любовных стихов.

К стр. 29

«красивого, хорошо сложенного» мужчину... — Этот «портрет» Шекспира — из «Краткой биографии Шекспира» Д. Обри (см. стр. 16).

«...сын и дочь Уильяма Шекспира»... — Имя сына Шекспира, названного в честь своего крестного отца, стратфордского пекаря Гамнета Сэдлера, — производное от нормандского Гамон (Hamon). Гамлет — первоначальная, скандинавская форма этого личного имени, восходящего к Амлету (Amleth) из «Истории датчан» Саксона Грамматика (1150—1220). Пример родового наименования (фамилия): в 1579 г. в Эйвоне утонула некая Кэтрин Гамлет (Hamlett).

К стр. 30

...пятнадцать актерских групп... — Одним из этих коллективов была королевская труппа; с ней-то, считает Мэлон, и мог уйти в Лондон молодой Шекспир. Об Э. Аллене см. прим. к стр. 32.

Кизил — так в переводе Т. Щепкиной-Куперник. Имя этого персонажа переводили также — Клюква.

Судебные Инны — всего Судебных Иннов, или Судебных Корпораций, в Лондоне четыре: Внутренний Темпл, Средний Темпл, Грейз-Инн и Линколнз-Инн. Это «Судебное подворье» составляло как бы третий (после Оксфорда и Кембриджа) университет.

К стр. 31

...готовился отразить вторжение. — Драматическая обреченность мирных устремлений (Елизавета) перед лицом фанатического экспансионизма (Филип) с особой остротой осознавалась в 1930-е гг., отмеченные наступлением фашизма. Среди наиболее интересных в те годы обращений к шекспировской эпохе — пьеса Ф. Брукнера «Елизавета Английская» (1930).

К стр. 32

Эдвард Аллен (1566—1626). — Помимо Тамерлана, играл главные роли в трагедиях К. Марло (1564—1593) «История доктора Фауста» (1588), «Мальтийский еврей» (1589). Некоторые ученые (Дж. Довер Уилсон, Дж. Б. Харрисон) полагают, что в наставлениях Гамлета актерам Шекспир высмеял манеру игры Аллена. М. М. Морозов, напротив, считает, что выпад принца направлен против Ричарда Бербеджа: «Мы исходим из предположения, что Шекспир в «Гамлете» описал ту актерскую труппу, к которой сам принадлежал» (Морозов М. М. Избранное, 1979, с. 46).

...актеры назывались... «предпринимателями». — В этом названии — дань времени с его рискованными предприятиями. Именно в конце века лондонская «Компания купцов-предпринимателей», первоначально занимавшаяся вывозом сукон в Северную Европу, стремительно расширяет номенклатуру и географию своих операций.

...имелось несколько... актеров. — Роли старух и пожилых женщин играли актеры-комики. Впервые профессиональная актриса вышла на английскую сцену в 1660 г.: Маргарет Хьюз (ум. 1719) исполнила роль Дездемоны.

К стр. 33

...драма кровавой мести. — «Испанская трагедия» (ок. 1589) Т. Кида (1558—1594) послужила образцом «драмы мести» для многих елизаветинских драматургов (Д. Марстон, Дж. Чапмен, Д. Уэбстер, Ф. Мессинджер), в том числе и для Шекспира («Тит Андроник», «Ричард III», «Юлий Цезарь», «Гамлет»). Кида считают автором несохранившегося дошекспировского «Гамлета» (так называемый «Прагамлет»).

К стр. 34

...в «Пирсе Безгрошовом»... — Отзыв *Т. Нэша* (1567 — ок. 1601) — в памфлете «Пирс Безгрошовый и его моление дьяволу» (1592) — первое современное упоминание о Шекспире-драматурге (точнее, о его драме).

...открылись театры только летом 1594 года... — С непреложностью закона вывел связь театра с эпидемиями чумы пуританин Т. Уайт (1577): «До чумы доводит грех... до греха доводят пьесы». По грустной иронии судьбы само слово «пуританин» впервые датируется 1564 г. — т. е. годом рождения Шекспира. Характерное суждение о положении драматурга и актера в XVI в. находим у А. Мортон: «Театр и в смысле социальном и географическом располагался между феодальным Вестминстером и торговым Лондоном, сосуществуя с публичными домами и зверинцами, где показывали медведей,

он был составной частью скандально прославившейся богемы» (Мортон А. Л. От Мэлори до Элиота. М., 1970, с. 60). Ту же мысль высказывает В. Фрине: «Богема <...> впервые <...> появляется, видимо, в Англии в конце XVI и начале XVII вв., когда страна уже поворачивает на путь капитализма. Значительная часть драматургов «шекспировской» эпохи были типичными богемцами (Марло, Грин, Лодж, Пиль)» (Литературная энциклопедия. М., 1929, т. 1, с. 531—533). Эти соображения в той или иной степени отзываются в беллетристике — от «Жизни поэта» (1824) В. Тика до «На солнце не похож» (1964) Э. Берджеса.

К стр. 36

Опубликование сонетов Сидни... — Сонеты Сидни «Астрофель и Стелла» были опубликованы посмертно, в 1591 г. (написаны ок. 1579). Астрофель — это Сидни, Стелла — сестра графа Эссекса Пенелопа Девере. Шекспир хорошо знал этот сборник, строку из сонета Сидни цитирует у него Фальстаф.

...догадкой... остается Чапмен... — Кандидатура Дж. Чапмена (ок. 1560—1634) представляется маловероятной, поскольку в указанный период времени неизвестны его произведения, посвященные Саутгемптону, Герберту или любому другому "W. H.". Среди других претендентов называли С. Дэниэла (он был домашним учителем Уильяма Герберта; в 1592 г. опубликовал цикл сонетов «Делии»), М. Дрейтона, Б. Барнса (в его пользу особенно ратовал С. Ли), К. Марло, Дж. Маркема (он посвятил Саутгемптону свою поэму «Трагедия сэра Ричарда Гренвилла», 1595).

...к своей смуглой даме. — Только исходя из позднейшей репутации Шекспира могли исследователи идентифицировать его с "W. S.". Между тем это очень распространенные инициалы: в 1597 г. Ричард Бербедаж имел среди своих коллег Уильяма Слая, Уильяма Шекспира и Уильяма Смита.

...даже не спросая у Шекспира. — Если принять эту версию, то весьма убедительными остаются аргументы С. Ли (1898), раскрывшего эти инициалы: печатник Уильям Холл.

Литературное пиратство. — Лишь около двух третей печатаемых книг регистрировалось в «Гильдии»; остальное — пиратские издания. Авторское право в современном понимании (как право собственности автора на свое сочинение) было утверждено актом 1709 г.

К стр. 37

Лорд Стрендж. — Покровитель труппы (с нач. 1580-х гг.) Фердинандо Стэнли лорд Стрендж (сам немного поэт) наследовал титул по смерти отца, Генри Стэнли графа Дерби, в 1593 г. Генри Кэри лорд Хансдон (1524—1596) — племянник Анны Болейн и, значит, двоюродный брат Елизаветы.

...младший сын... Джеймса Бербедажа. — В этом списке «основоположников» не названы Дж. Брайан, Р. Каули, Т. Поп и У. Слай. Большинство ученых сходятся на том, что в 1594 г. они уже были пайщиками в труппе «слуги лорда-камергера».

К стр. 38

Эдвард Аллен женился на падчерице Ф. Хенсло, Джоан Вудворт.

Генри Четл (ок. 1560 — ок. 1607) — издатель памфлета Грина «На грош мудрости». Был плодовитым драматургом: между 1598 и 1603 гг. он написал один и в соавторстве 48 пьес.

Хенсло. — В отличие от актерского товарищества на паях («слуги лорда-камергера») деятельность Ф. Хенсло (и Ф. Лэнгли, о котором речь ниже) — это частная антреприза.

...мастер запутанной интриги. — Приведенная характеристика Э. Манди (ок. 1560—1633) принадлежит Ф. Мерезу (см. стр. 46). Из 130 пьес, приобретенных Хенсло в период 1597—1604 гг. для трупп лорда-адмирала и графа Вустера, большая половина была написана в соавторстве. Это была настолько распространенная практика, что Б. Джонсон, написавший «Вольпоне» за пять недель «без помощника», гордился этим обстоятельством. Среди своих современников один Шекспир обходился без соавторства почти до конца своей драматургической деятельности.

К стр. 39

...драматургу «слуг лорда-камергера». — Единственный список этой пьесы, обнаруженный собирателем Д. Мерри, сохранился в составе так называемых «харлиевских манускриптов» (от родового имени графов Оксфорд — Харли). Первыми предположение о шекспировском соавторстве высказали Р. Симпсон (1871) и Дж. Спеддинг (1879). Авторитетный палеограф Э. М. Томпсон поддержал эту точку зрения (1919). Основываясь на стилистическом анализе бесспорных шекспировских текстов и трех страниц в пьесе «Сэр Томас Мор», к положительному выводу пришла и Кэралайн Сперджен (1935). Однако уже в конце 1920-х гг. против авторства Шекспира аргументированно возражал С. А. Танненбаум. Вопрос остается открытым, и, судя по оговоркам, Холлидей, в отличие от С. Шенбаума (Шекспир. Краткая документальная биография. М., 1985, с. 278—281), не принадлежит к числу ученых, признающих причастность Шекспира к этой пьесе.

К стр. 40

...документ первостепенной важности. — Эта копия, сделанная Арендом ван Бухелем, была обнаружена и в 1888 году опубликована немецким историком литературы К. Т. Гедерцем (см. илл. 74). При реконструкции елизаветинского театра современные исследователи Д. К. Адамс (1942), У. Ходжес (1953), Л. Хотсон (1970) и др. (в том числе автор этой книги — см. илл. 92), помимо рисунка де Витта, учитывают сценические указания в дошедших текстах, а также контракты на строительство «Фортуны» (1600) и «Надежды» (1612), сохранившиеся в «Бумагах Хенсло».

К стр. 41

...«позолоченное стальное копьё». — Ходатайство о гербе проходило трудно, его правомочность окончательно подтвердил геральдмейстер У. Кэмден (1551—1623), известный историк, в одном из своих трудов пророчивший Шекспиру, наряду с другими

«плодоносными умами» (в их числе Б. Джонсон, ученик Кэмдена в Вестминстерской школе), заслуженное восхищение потомков. Шекспир был не единственным «джентльменом» в своем кругу: дворянские гербы в свой срок получили Д. Хеминг, О. Филиппс, Р. Бербедаж, Т. Поп.

К стр. 42

...арендовать «Лебеда». — Л. Хотсон считает вероятным, что на сделанном примерно в это время рисунке Иоганна де Витта, о котором шла речь, изображены «слуги лорда-камергера».

...проткнул шпагой коллегу-актера. — Этот список легко продолжить. По разным причинам в тюрьме пребывали Т. Нэш, Т. Кид, Т. Деккер, Дж. Чапмен, Д. Марстон — все люди шекспировского круга, его личные или заочные знакомые. Чаще всего драматурги и актеры (а также памфлетисты) попадали под стражу за идеологические диверсии, как в истории с постановкой в «Лебеде» комедии «Собачий остров» (об этом ниже).

К стр. 43

Шекспир поквитался с ним. — Строго говоря, кличку «Фальстаф» носил уже его сын, Генри Брук граф Кобэм, ввиду скоро последовавшей смерти отца. По настоянию Генри Брука Шекспир изменил в «Виндзорских насмешницах» имя Брук, под которым Форд входит в доверие к Фальстафу, на Брум. «Фальстаф» Генри Брук фигурировал в письмах графа Эсекса, графини Саутгемптон. По свидетельству Мэлона, первым исполнителем роли Фальстафа был Д. Хеминг.

К стр. 44

...ползут как улитки... — слова Жака из комедии «Как вам это понравится».

К стр. 45

Уильям Харт. — В приходской книге нет записи об их браке. Впервые имя Харта появляется в книге при крещении сына Уильяма (26 августа 1600 г.), в будущем актера.

К стр. 46

...«Укрощение строптивой». — Это не единственная точка зрения. Т. У. Болдуин (1957) считает, что «Вознагражденные усилия любви» — это «Конец — делу венец»; Л. Хотсон (1949) — что это «Троил и Крессида»; Ф. Фейслер (1974) — что «Много шума из ничего».

...играл в ней... — Высказывалось предположение, что на гравюре М. Дройсхута Шекспир изображен в роли Ноуэлла-отца из этой комедии Джонсона.

К стр. 47

...земной шар. — Поэтому правильнее переводить название театра «*Шар земной*».

К стр. 48

...будет где развернуться. — «Внутри обнесенного стеной пространства, напоминавшего своей овальной формой букву О, под открытым небом кричали, толкались, бранились, хохотали «дешевые зрители» (Морозов М. Цит. соч., с. 75). «Круг из дерева» ("Wooden O") — слова Хора из Пролога «Генриха V».

Спенсер. — В Ирландии Спенсер служил чиновником в канцелярии наместника.

К стр. 49

...«Не без горчицы». — В пьесе Б. Джонсона честолюбец Сольярдо приобретает герб с изображением головы вепря; ему рекомендуют подходящий девиз — «Не без горчицы».

В честь почетного гостя назван один из героев комедии Шекспира — герцог *Орсино*. На приеме присутствовал русский посол Г. Микулин, его «статейный список» позволил Л. Хотсону точно датировать постановку: после ужина 6 (а не 5) января 1601 г. (самого спектакля посол не видел). В свете этого уточнения М. П. Алексеев рекомендовал правильный перевод названия комедии: «Вечер двенадцатого дня». Лястя стареющей королеве, фавориты называли ее именами из «*Королевы Фей*» Спенсера. «Чем менее привлекательны становились ее прелести, — пишет Дж. Литтон Стрэчи, — тем более отстаивала она их наличие. Современники преданно боготворили ее, но от молодых людей, окружавших ее в преклонные годы, она требовала романтического поклонения — и получала его» (Lytton Strachey G. Elizabeth and Essex, Penguin Books, 1950, p. 24; 1 изд. — 1928). Одно из немногих упоминаний Елизаветы у Шекспира — сдержанно-комплиментарная вариация на тему «королева-девственница»: «царящая на Западе Весталка», «царственная жрица» — в «Много шума из ничего» (акт II, сц. 1).

К стр. 50

...казнь заменили пожизненным заключением. — Саутгемптона спасло заступничество министра Роберта Сесила, сына лорда Берли, также имевшего значительное влияние на королеву. В семье Берли граф воспитывался в юности. Сцена *свержения короля* исключалась во всех изданиях «Ричарда II», выходявших при Елизавете. Она восстановлена в издании 1608 г., что специально оговаривалось на титульном листе: «с новыми дополнениями сцены в парламенте и низложения короля». Какую пьесу смотрела Елизавета накануне казни Эссекса — неизвестно. В драме американского писателя М. Андерсона «Королева Елизавета» (1930) «слуги лорда-камергера» играют перед ней сцену из «Генриха IV», часть I.

«*Фортуна*». — «Вольный округ» Финсбери был традиционным местом воскресных гуляний горожан. В «Генрихе IV», часть I (акт III, сц. 1), Хотспер выговаривает своей жене, леди Перси: «К кисейным клятвам прибегаешь ты, // Как будто в Финсбери всю жизнь гуляла». «Фортуна» строил Питер Стрит — тот же плотник, что помогал «слугам лорда-камергера» разбирать «Театр», а потом построил «Глобус».

К стр. 51

Деккер Т. (ок. 1572 — ок. 1632). — Ему принадлежит определение «войны театров» — «Поэтомахия».

Вильгельм II Рыжий (ок. 1056—1100) — сын Вильгельма Завоевателя, король Англии в 1087—1100.

...«*выводок детей*»... — Имеется в виду разговор Гамлета с Розенкранцем и Гильденстерном, посвящающими принца в «последние новости» театральной жизни («Гамлет», акт. II, сц. 2): «Гамлет. И власть забрали дети? Розенкранц. Да, принц, забрали; Геркулеса вместе с его ношей». Здесь определенно имеется в виду театр «Глобус».

...«*старик с веселыми щеками*»... — Эта деталь внешности и свидетельство о веселом, легком характере Джона Шекспира сохранились в рукописи (ок. 1657) рочестерского архидиакона Т. Плума (1630—1674) со слов Джона Менниса. Однако Меннису было всего два года, когда умер отец Шекспира. Помнить его мог только его брат, Мэтью Меннис, который был старше Джона на шесть лет.

К стр. 52

...*произвел при дворе перестановки*... — Только в первый год своего правления Яков возвел в рыцарское достоинство 900 человек. Его предшественница крайне скуповато давала это звание, дорожа его престижностью. Падение Эссекса — среди прочего — было предопределено тем обстоятельством, что, пользуясь данным ему правом, он роздал 59 рыцарских званий в незадавшейся Ирландской кампании.

...*их доходы значительно возросли*. — В период 1603—1616 гг. «слуги короля» играли при дворе 175 раз, это в среднем 12 представлений ежегодно.

К стр. 53

...«*ворона-выскачка*». — Слова «ворона-выскачка в нашем оперенье» из исповеди Грина «На грош мудрости».

...«*не переступить простоты природы*». — Режиссером видит Шекспира Г. Эмфлет, разбирая эту сцену из «Гамлета» (A mphlet H. Who was Shakespeare. London, 1955, p. 43—45). Попутно замечу, что Эмфлет — убежденный антишекспирист, для него Шекспир — это граф Оксфорд.

К стр. 54

Маунтджой. — В некоторых русских биографиях Шекспира эта фамилия транскрибируется на французский лад: Монжуа. М. Риз допускает, что в семье гугенотов (французских протестантов-кальвинистов) Шекспир совершенствовал знание французского языка.

К стр. 55

...«*Маска чернокожих*»... — Архитектор и художник И. Джонс (1573—1651) ввел

рисованные декорации с перспективой, просцениум с аркой, перемену декораций. Название «маски» иногда переводят: «Черные нимфы». Ее сюжет был подсказан королевой Анной. Первое в царствование Якова, это пышное представление обошлось в 3000 фунтов. В столь же дорогостоящей маске «Видение двенадцати богинь» (ее автор С. Дэниэл) Анна изображала Палладу, надев на себя драгоценностей на 100 000 фунтов.

Джон Харвард (1607—1638), окончив Кембриджский университет и получив духовный сан, эмигрировал в Америку, где завещал свой капитал и около 300 книг основанному в 1636 г. колледжу в Кембридже (пригород Бостона). С 1639 г. колледж носит его имя; ныне — Гарвардский университет.

...«пороховой заговор»... — Некоторых участников заговора Шекспир, возможно, знал по встречам в лондонской таверне «Русалка». Комментаторы различают глухие намеки на заговор в «Короле Лире» и «Макбете». В память о раскрытии заговора, устроенного католиками с целью убийства короля Якова I, в Лондоне ежегодно 5 ноября сжигается на костре чучело главы «Порохового заговора» Гая Фокса (1570—1606).

К стр. 56

...ее ставили даже в открытом море. — С учетом возросшего при дворе датского влияния из текста «Гамлета» были изъяты сравнение Дании с тюрьмой и слова о приверженности датчан пьянству. Между 1590 и 1626 гг. в Германии гастролировали различные труппы «английских комедиантов», из них наибольшую известность снискали коллективы, возглавляемые Робертом Брауном и Джоном Грином. В их репертуаре были и шекспировские пьесы. «Гамлета» играли на корабле Ост-Индской компании «Дракон». Капитан У. Килинг (ум. 1620) сделал в дневнике (записи 5 сентября 1607 г. и 3 марта 1608 г.) характерное признание: «Я разрешил это, чтобы люди не лодырничали и не предавались азартным играм, а также не спали на ходу».

...нашел историю Макбета... — В «Хрониках Англии, Шотландии и Ирландии», написанных Р. Холиншедом (ок. 1529 — ок. 1580) и другими авторами, Шекспир черпал материал для своих хроник и, помимо «Макбета», для «Цимбелина» и, возможно, «Короля Лира». Вероятно, он пользовался дополненным изданием 1587 г.

...приступил к работе над последними трагедиями. — Английский перевод плутарховых «Жизнеописаний» (1579) Т. Норт (ок. 1535 — ок. 1601) сделал с французского перевода (1559—1565) Жака Амио (1513—1593), ставшего событием в истории европейской культуры. В своих «античных» трагедиях Шекспир широко и свободно использовал прозу Норта, порою почти ничего не меняя.

...перевод, напечатанный в Лондоне. — Книга вышла в 1657 г. в переводе уорикширского хирурга Дж. Кука. Самая ранняя датированная запись относится к 1617 г., почему, видимо, болезнь Шекспира и не попала в книгу Холла. А на иное отношение, помимо врачебного, рассчитывать трудно: убежденный пуританин, Холл вряд ли мог благоволить к поэзии и драматургии своего тестя. Ученые отмечают, что в пьесах Шекспира после 1607 г. возрастают объем и профессиональная точность медицинской «информации».

К стр. 57

...и подлинные ценители. — Известно, что по крайней мере однажды на спектакле в «Блэкфрайерс» присутствовала королева Анна.

...*Бомонт и Флетчер...* — С именами Бомонта Ф. (1584—1616) и Флетчера Д. (1579—1625) связано становление жанра трагикомедии. Их творческое содружество продолжалось пять лет, с 1608 по 1613 г.; в их сочинениях, изданных в 1679 г., — 52 пьесы, из них достоверно принадлежат им 45.

К стр. 58

...«*слуги короля*» *играли эту пьесу.* — Зарегистрированная в «Гильдии печатников и книгоиздателей» как шекспировская пьеса и под его именем напечатанная в том же 1608 г. «Йоркширская трагедия» не вошла в Первое фолио 1623 г. Это обстоятельство, как и нетипичная для Шекспира проблематика и стилистика пьесы, побудили большинство критиков не допускать ее в шекспировский Канон.

«*Книга пьес*». — Рукопись «Книги пьес» С. Формана (1552—1611) некоторое время считалась фабрикацией Д. П. Кольера (1789—1883), уличенного современниками в научной недобросовестности. Сейчас в ее подлинности шекспироведы не сомневаются.

...«*кораблекрушение... у Бермудских островов...*» — В июле 1609 г. у Бермудских островов потерпел крушение корабль «Виргинской компании» (в ее организации деятельное участие принимал граф Саутгемптон). На борту судна были наместник Виргинии Т. Гейтс и адмирал Д. Сомерс. Спасшиеся члены экипажа в следующем, 1610 г., представили в парламент отчет о происшествии, он был опубликован. Подробности о кораблекрушении Шекспир мог знать от члена совета «Виргинской компании» Д. Диггса, пасынка Т. Рассела, стратфордского друга и впоследствии исполнителя завещания Шекспира.

К стр. 59

...«*подписал протокол...*» — Этот поистине бесценный документ обнаружил и в 1910 г. обнаружил американский шекспировед Ч. У. Уоллес (1865—1932).

«*Карденио*». — Предполагают, что сюжет «Карденио» мог быть заимствован из «Дон Кихота» Сервантеса; первая часть романа была в 1612 г. напечатана в английском переводе Т. Шелтона. Д. Флетчеру, кстати, принадлежит пьеса из современной русской истории (Смутное время) — «Верноподданный» (1618).

...«*счастья... отвернувшегося от них.*» — В 1619 г. Елизавета и Фредерик были провозглашены королем и королевой Богемскими. Однако император Фердинанд II не признал протестантского короля; Фредерик потерял и собственное графство и умер в изгнании. От Елизаветы и Фредерика Богемских ведет происхождение ныне царствующая в Англии династия.

К стр. 60

...«*был немного художником...*» — Здесь речь идет о Фрэнсисе Мэннерсе графе Ретленде — брате Роджера Мэннерса, в котором некоторые видели автора шекспировских пьес. Неясно, почему Холлидей наделяет Шекспира искусством живописца: очевидно, ему принадлежал только девиз, т. е. текст. Что касается Бербеда, то он действительно был художником: есть его предполагаемый автопортрет (см. ил. 65), есть «Чэндоский» портрет Шекспира (спорный во многих отношениях), который также приписывают кисти Бербеда.

...расходы на восстановление театра... — Строительство нового «Глобуса» обошлось в 1400 фунтов. Он простоял до 1644 г.

К стр. 61

Джерард Джонсон — точнее, Герарт Янсен-младший; его отец, Герарт Янсен-старший, ок. 1567 г. приехал в Лондон из Амстердама и основал в Бэнксайде каменотесную мастерскую. Поскольку мемориальный бюст Шекспира исполнил Янсен-младший, важно, что он по крайней мере мог знать Шекспира в лицо.

«Сочинения» *Б. Джонсона* — опубликованные в 1616 г., они, несомненно, послужили образцом для редакторов Первого фолио 1623 г.: в частности, большинство шекспировских пьес имеет здесь деление на акты и сцены, как в пьесах классициста Джонсона (в прижизненных «кварто» этого деления не было).

«*Конец — делу венец*». — Датировка этой пьесы представляет большие трудности. Ученые предполагают наличие ранних вариантов, впоследствии не раз перерабатывавшихся.

К стр. 62

...«*вторая по качеству кровать*»... — Если на этом основании строить догадки о размолвке между супругами, то она, очевидно, омрачала уже первые годы их брака. Энн Хетеуэй, как считают, была пуританкой («пуританским» было имя дочери-первенца: Сусанна), и тогда, в частности, становится понятным, почему она не последовала за мужем в Лондон.

1. Уорик, вид с холмов Бадбрука.

2. Уорикшир в шекспировские времена. Картограф —
Д. Спид, гравировал Джодокус Хондиус (1610).

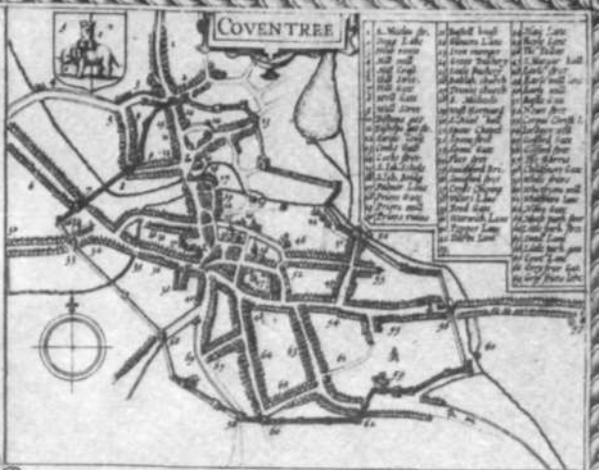
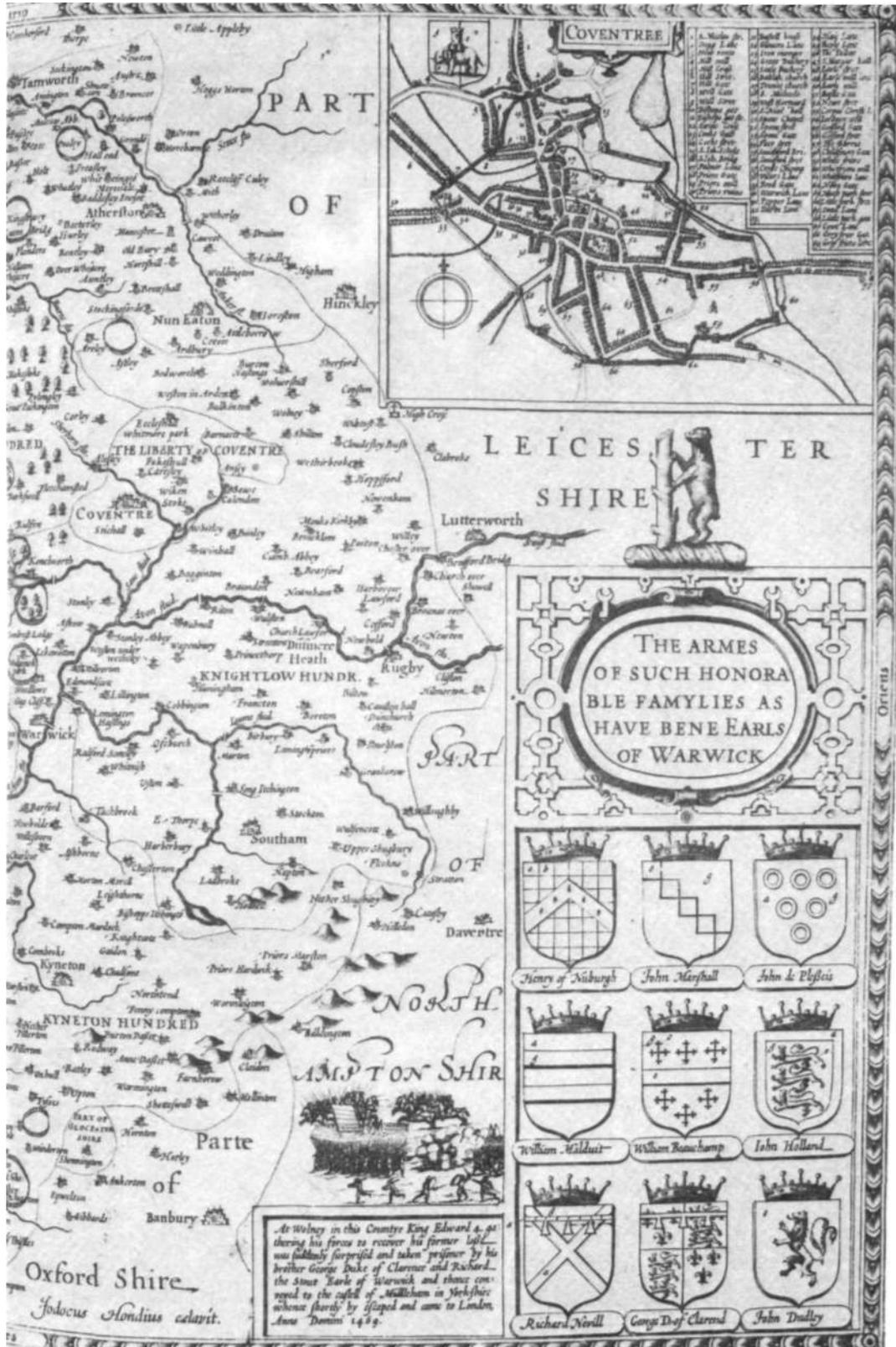
PART OF WOR
CES

THE COUNTIE OF
WARWICK
THE SHIRE TOWNE
AND CITE OF CO
VENTRE described

THE SCALE OF MILES

1 2 3 4 5 6 7

Performed by John Speede, and are
to be sold in Papers bound all together
the Exchange by John Sudbury, and
George Hume, at
Cant. Prætorio.

COVENTRY

A. M. 1000
 1. M. 1000
 2. M. 1000
 3. M. 1000
 4. M. 1000
 5. M. 1000
 6. M. 1000
 7. M. 1000
 8. M. 1000
 9. M. 1000
 10. M. 1000
 11. M. 1000
 12. M. 1000
 13. M. 1000
 14. M. 1000
 15. M. 1000
 16. M. 1000
 17. M. 1000
 18. M. 1000
 19. M. 1000
 20. M. 1000
 21. M. 1000
 22. M. 1000
 23. M. 1000
 24. M. 1000
 25. M. 1000
 26. M. 1000
 27. M. 1000
 28. M. 1000
 29. M. 1000
 30. M. 1000
 31. M. 1000
 32. M. 1000
 33. M. 1000
 34. M. 1000
 35. M. 1000
 36. M. 1000
 37. M. 1000
 38. M. 1000
 39. M. 1000
 40. M. 1000
 41. M. 1000
 42. M. 1000
 43. M. 1000
 44. M. 1000
 45. M. 1000
 46. M. 1000
 47. M. 1000
 48. M. 1000
 49. M. 1000
 50. M. 1000
 51. M. 1000
 52. M. 1000
 53. M. 1000
 54. M. 1000
 55. M. 1000
 56. M. 1000
 57. M. 1000
 58. M. 1000
 59. M. 1000
 60. M. 1000
 61. M. 1000
 62. M. 1000
 63. M. 1000
 64. M. 1000
 65. M. 1000
 66. M. 1000
 67. M. 1000
 68. M. 1000
 69. M. 1000
 70. M. 1000
 71. M. 1000
 72. M. 1000
 73. M. 1000
 74. M. 1000
 75. M. 1000
 76. M. 1000
 77. M. 1000
 78. M. 1000
 79. M. 1000
 80. M. 1000
 81. M. 1000
 82. M. 1000
 83. M. 1000
 84. M. 1000
 85. M. 1000
 86. M. 1000
 87. M. 1000
 88. M. 1000
 89. M. 1000
 90. M. 1000
 91. M. 1000
 92. M. 1000
 93. M. 1000
 94. M. 1000
 95. M. 1000
 96. M. 1000
 97. M. 1000
 98. M. 1000
 99. M. 1000
 100. M. 1000

LEICESTER SHIRE

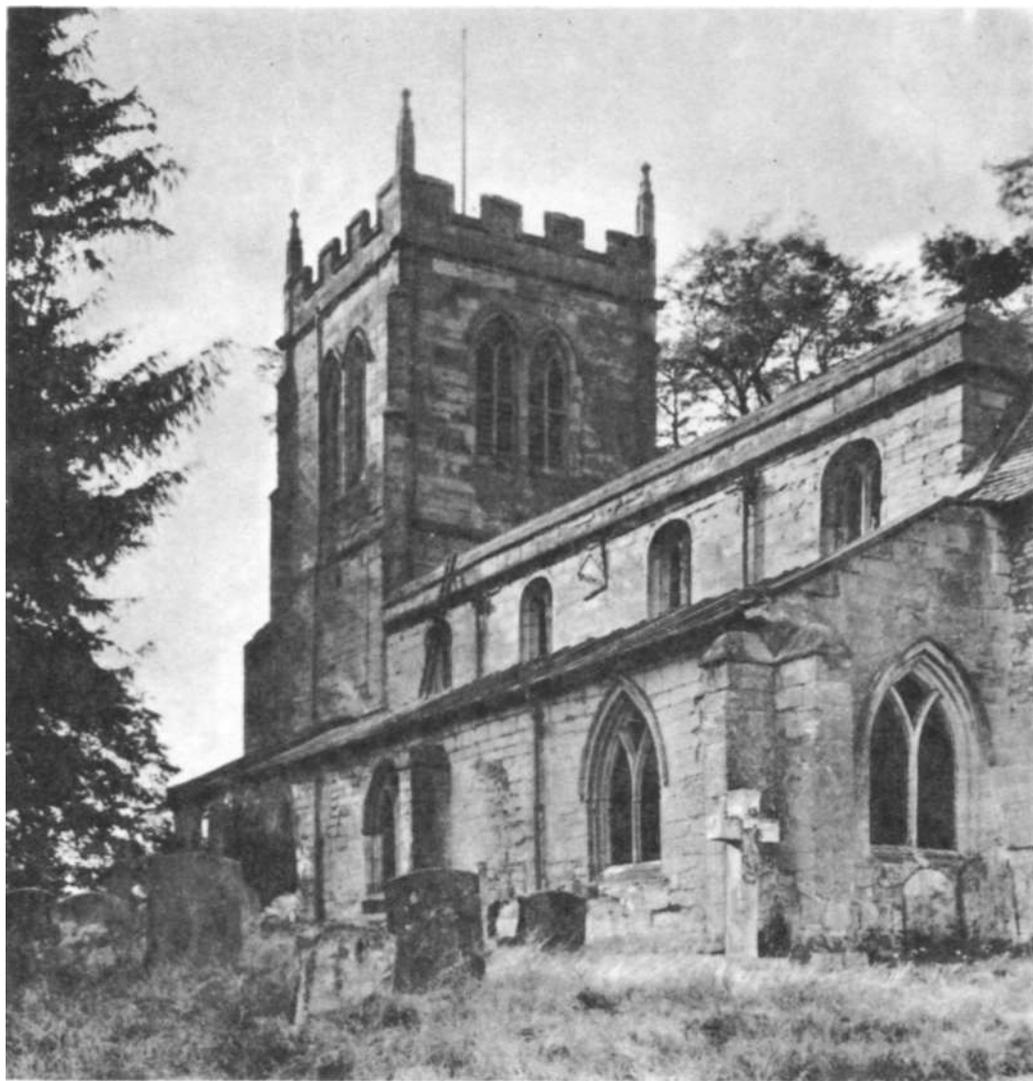
THE ARMES OF SUCH HONORABLE FAMILIES AS HAVE BENE EARLS OF WARWICK

Henry of Niburg	John Marshall	John de Pleytes
William Willuit	William Beauchamp	John Hallard
Richard Nevill	George Dof Clarend	John Dudley

At Welney in this Countie King Edward 4. as thering his forces to recover his former lode was suddenly surprisid and taken prisoner by his brother George Duke of Clarence and Richard the Stout Earle of Warwick and thence conveyed to the castel of Mallemham in Northfolke wher he shortly by escaped and came to London Anno Domini 1471.

Oxford Shire
Jocus Hominius clarit.

Oris

3. Церковь в Ститтерфилде. Здесь крестили отца Шекспира.

4. Дом Роберта Ардена в Уилмкоте. Здесь родилась мать Шекспира.

5. Дом-музей У. Шекспира.

а) Самое раннее его изображение (1769). Рисунок Ричарда Грина в «Джентльменз мэгэзин». В центре строения, покоящегося на каменном фундаменте, дымоход; дубовый каркас перехвачен стропилами; простенки мазаные.

б) Современный отпечаток с негатива 1847 года, когда дом был продан опекунскому комитету.

в) Фотография 1857 года. В разгаре реставрационные работы.

г) Современный вид. В 1891 году парламентским актом учрежден Трест по опеке над Домом-музеем У. Шекспира. В ведении Треста ныне находится весь Шекспировский мемориальный комплекс.

6. Приходская церковь в Эстон Кэнтлоу. Видимо, здесь сочетались браком родители Шекспира.

Baptismes

October 26 Annischa filia Johannis Burmann de athena castro nati
 28 Elizabeth filia T. Boyers
 November 5 Agnes filia Stoygani Burman
 11 Thomas filius Phillemi Smith
 11 Agnes filia Thomis, Girdel
 17 Johanna filia Johannis, Roberts
 27 Richardus filius Rogeri Banister
 December 1 Richardus filius Johannis Henning
 5 Gulielmus filius Gulielmi Hocking
 7 Johannes filius Johanni ffeld
 14 Rodolphus filius Richardi Castell
 18 Annus filius Gulielmi Banford
 22 Johannes filius Thomis Boyers
 24 Altria Rogeri f. arepogate
 January 5 Robertus filius Richardi Maadyn
 5 Richardus filius J. m. f. m. d. e. y.
 7 Ischastra filia Johannis Hauley
 9 Michaelis filius Richardi Baxter de Drayton
 13 Helena filia Henrici Cope
 14 Johanna filia Roberti Dargan
 25 Elizabeth filia Thomis Gunde
 28 Richardus filius Johannis J. p. e. y.
 30 Anna filia Johanni reappate
 February 2 Altria filia Gulielmi Thomis
 4 Gulielmus filius Rogeri G. m.
 21 Altria filia Rodolphi Caroway
 23 Catharina filia Henrici f. e. e. e. e.
 27 Altria filia Richardi f. e. e. e. e.
 28 Agnes filia Thomis Boyers de Wytham
 29 W. filius Richardi Gorbungh

1564

April 3 Edwardus filius Thomis Gygford
 6 Benedicta filia Thomis ffleming
 22 Johannes filius william Burcks
 26 Gulielmus filius Johannes Gygford XXX
 May 3 Johannes filius william f. m. d. e. y.
 4 Altria filia Johannis Rogeri de Wytham
 12 Johannes filius Johannis, Gifford
 21 Richardus filius Phillemi D. m. de Wytham

Ric. Bish. m. m. f. m. d. e. y.
 Johannes Gygford
 Johannes Gygford

7. Запись в приходской книге церкви св. Троицы о крещении «Уильяма, сына Джона Шекспира» (26 апреля 1564 года). Отмечена тремя крестами.

8. Елизавета I в 1569 году. Здесь ей 35 лет. Это ее первый парадный портрет работы Х. Юорта.

9. Уильям Сесил лорд Берли — первый министр королевы Елизаветы.

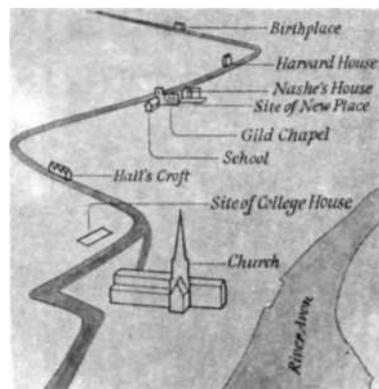
10. Роберт Дадли граф Лестер — первый фаворит королевы Елизаветы.

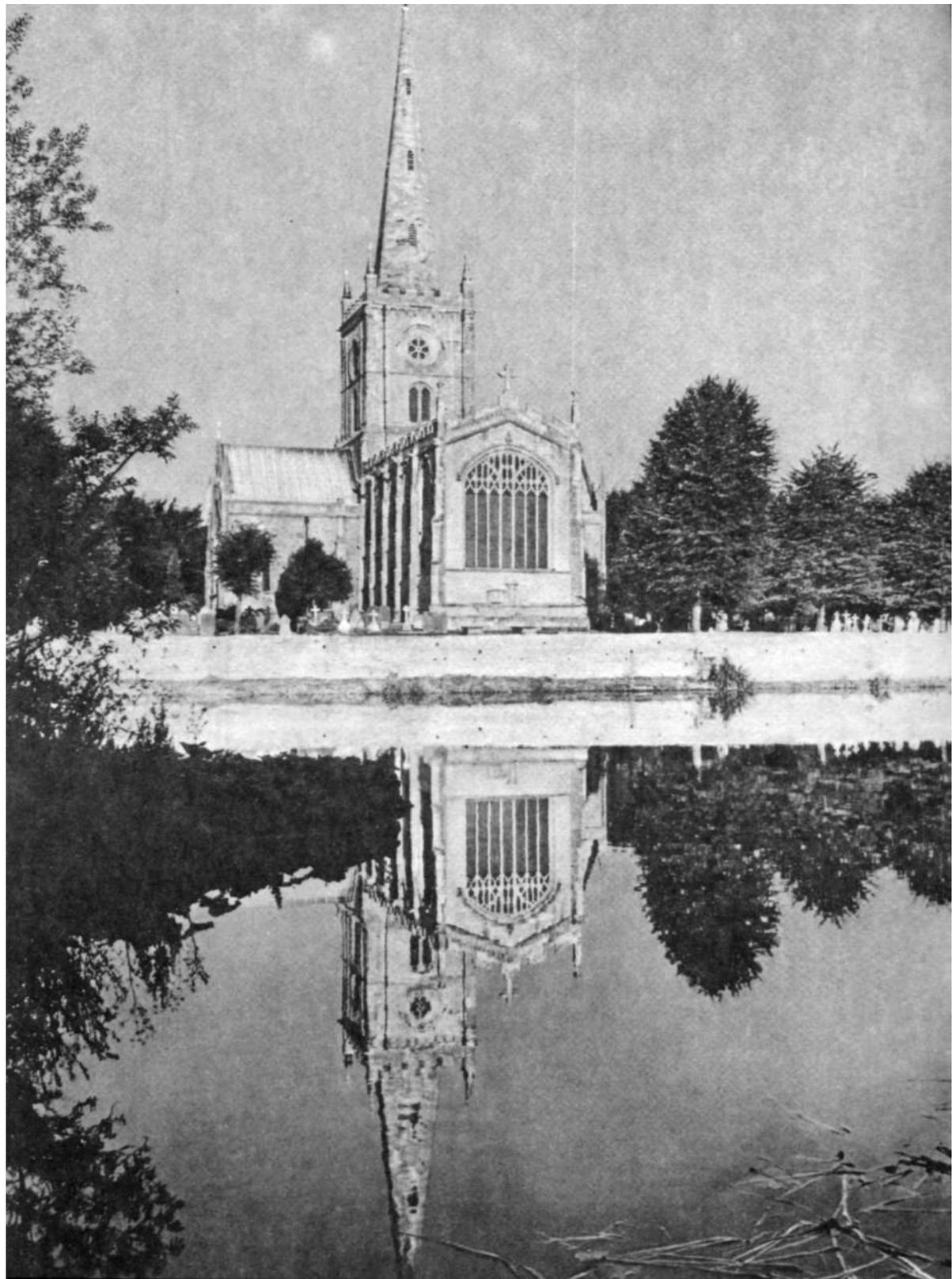
11. Чарлкот — родовое поместье сэра Томаса Люси. Здесь
гостила королева Елизавета.

12. а) Стратфорд-на-Эйвоне;
 б) маршрут — от дома-музея до церкви, — на вечные времена связанный с именем Шекспира.

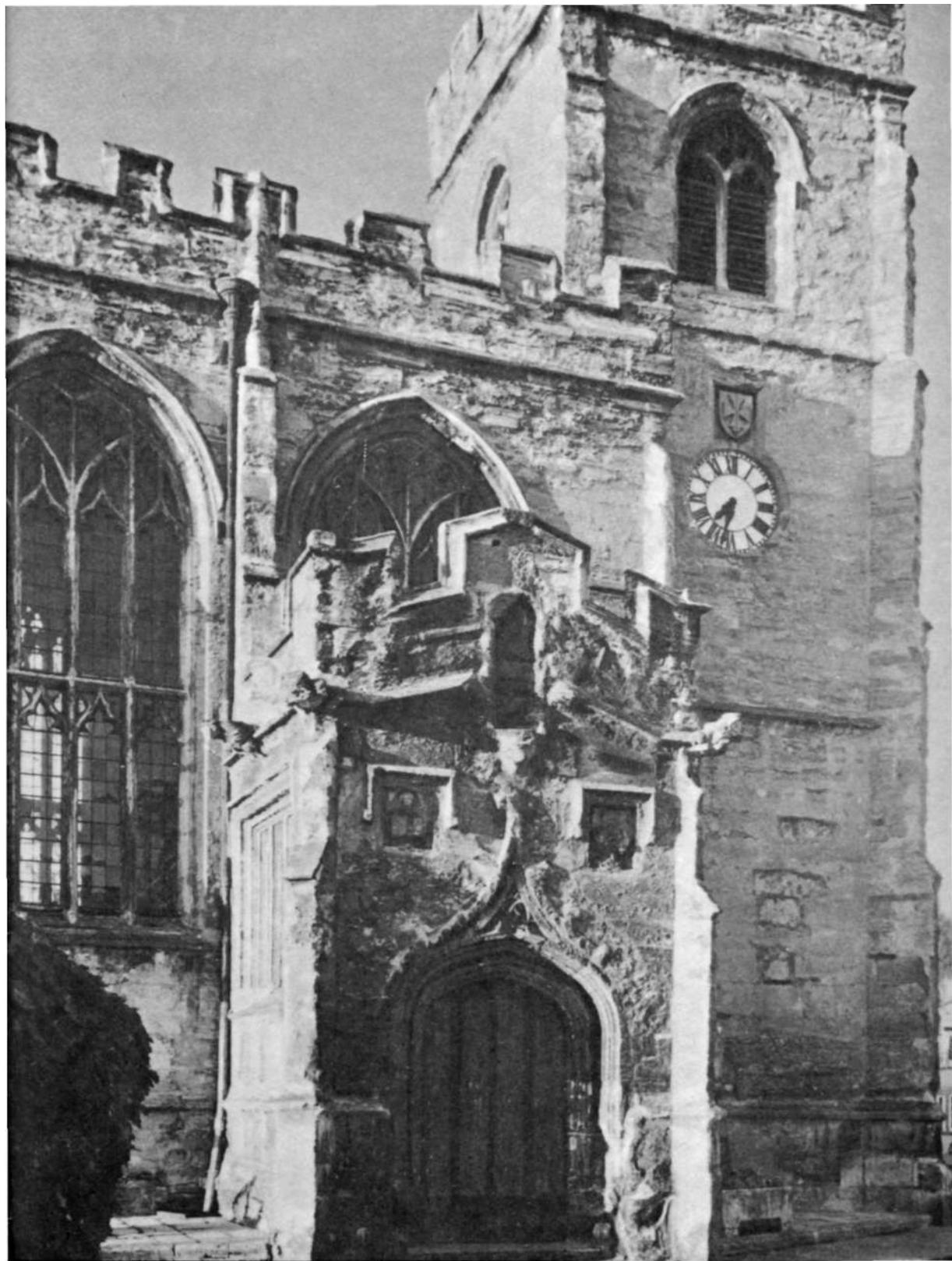
13. Церковь св. Троицы в Стратфорде. Здесь Шекспир был крещен, и здесь же он похоронен.

14. Здание Гильдии, наверху — классная комната (с 1564 года).

15. Часовня Гильдии. Шекспир видел ее из своего дома «Новое место».

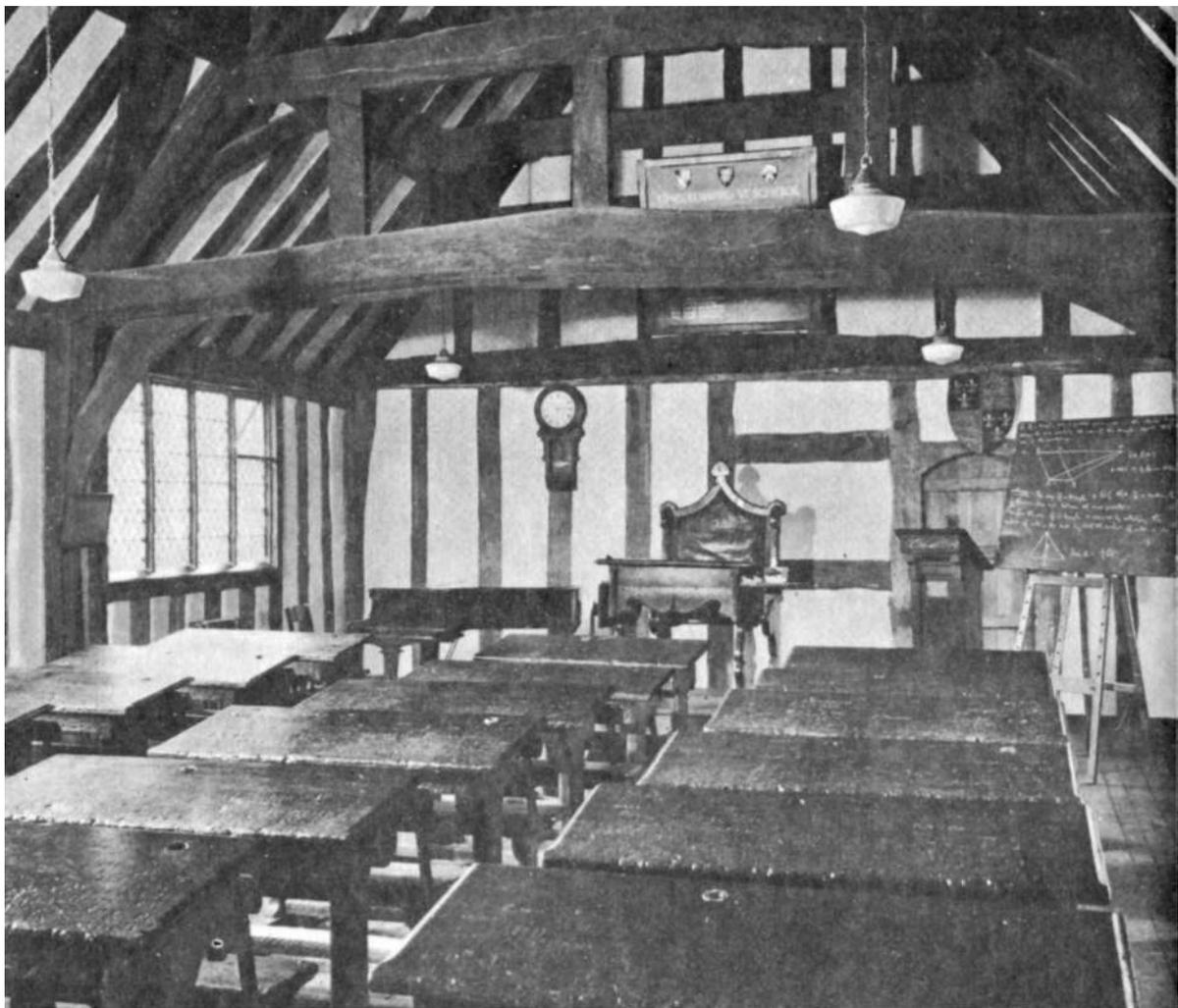

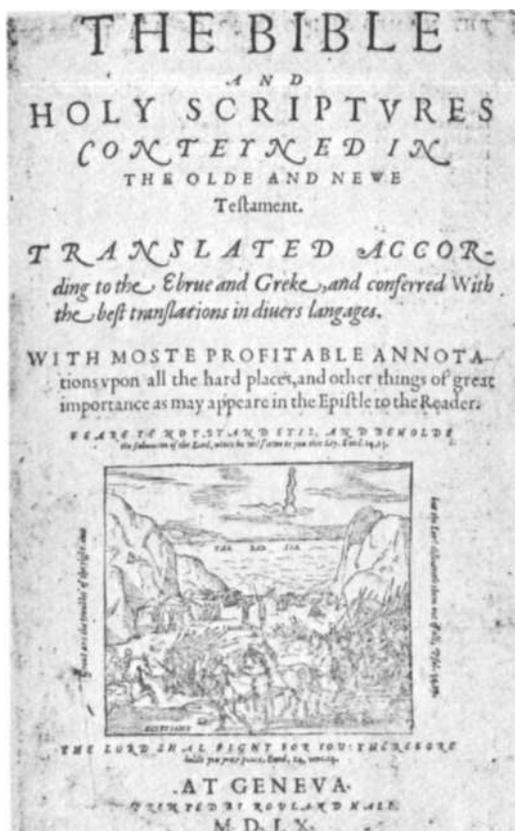
16. Клоптонский мост на реке Эйвон. По нему стратфордцы ехали в Лондон.

17. Котсуолдские холмы близ Стратфорда. Это Мион-хилл неподалеку от Уинкота, где жила «Мериан Хеккет, толстая трактирщица» («Укрощение строптивой»). В 1591 году в Куинтоне (Уинкот принадлежал к этому приходу) была крещена некая «Сара Хеккет, дочь Роберта Хеккета».

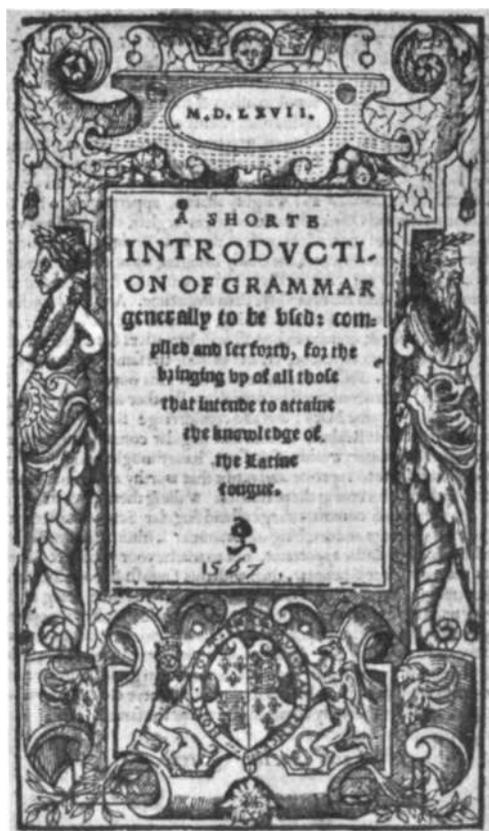

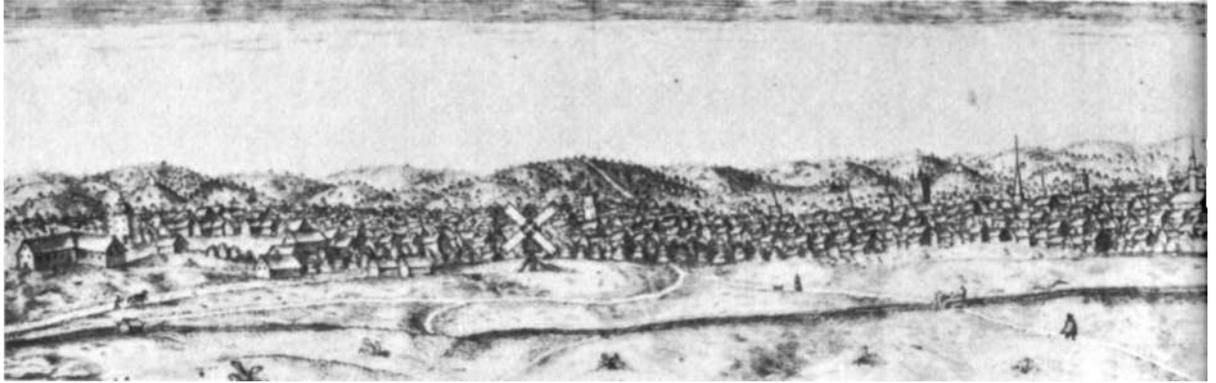
18. Классная комната, где Шекспир одолевал латынь.

19. Женевская Библия (1560), иначе называемая «Библия в брюках» (вместо «опоясаний из смоковых листьев» в ней целомудренно переведено: брюки).

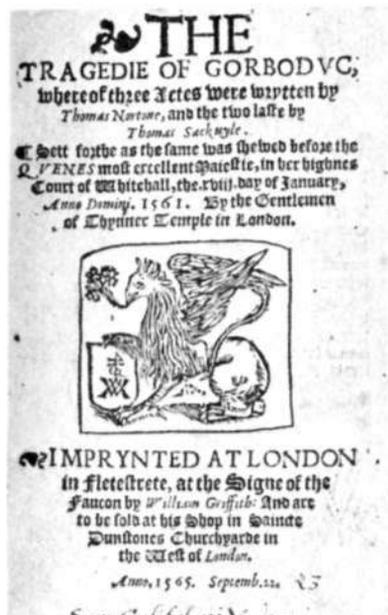
20. Латинская грамматика У. Лили (1567), деда писателя Д. Лили.

21. Лондон в 1600 году. В левом углу — театр «Куртина» (см. илл. 24).

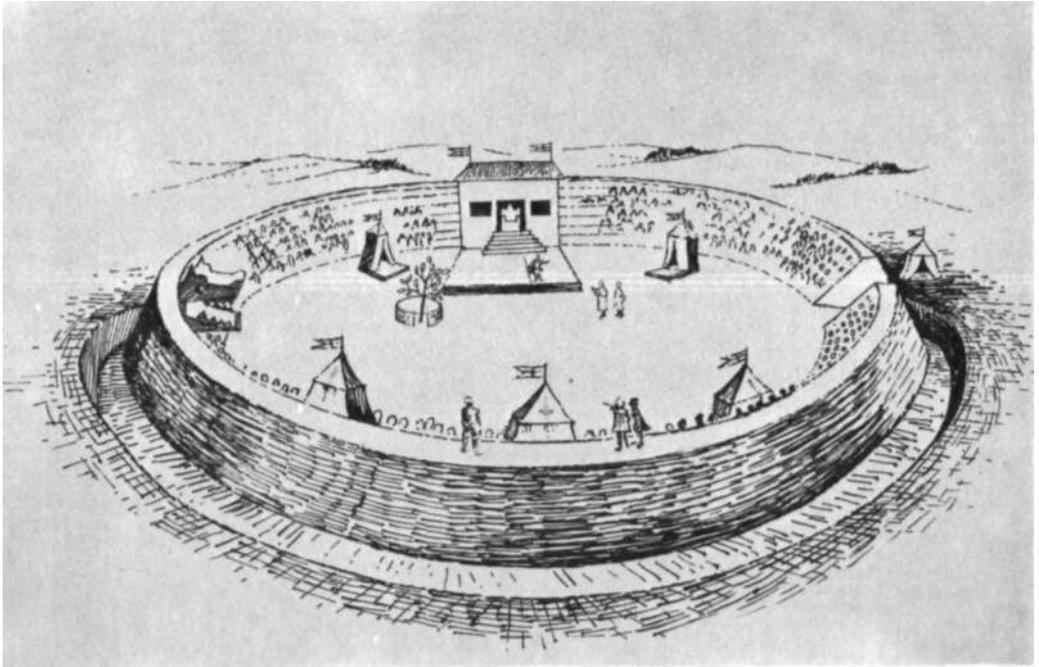
22. Сэр Фрэнсис Дрейк по завершении кругосветного путешествия (1577—1580).

23. Титульный лист трагедии «Горбодук» — первой пьесы, написанной белым стихом.

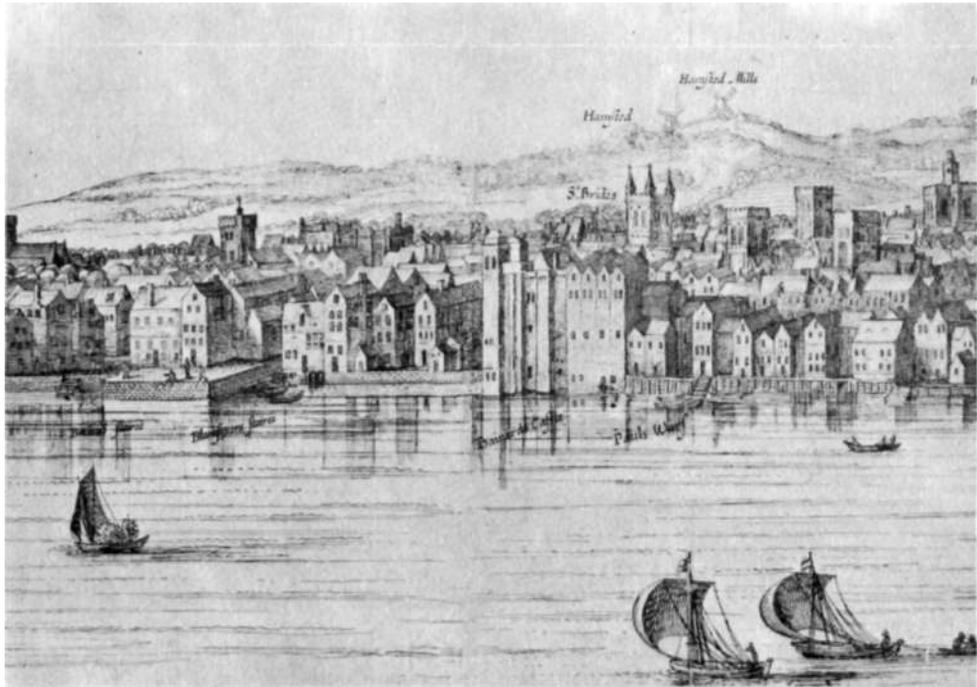

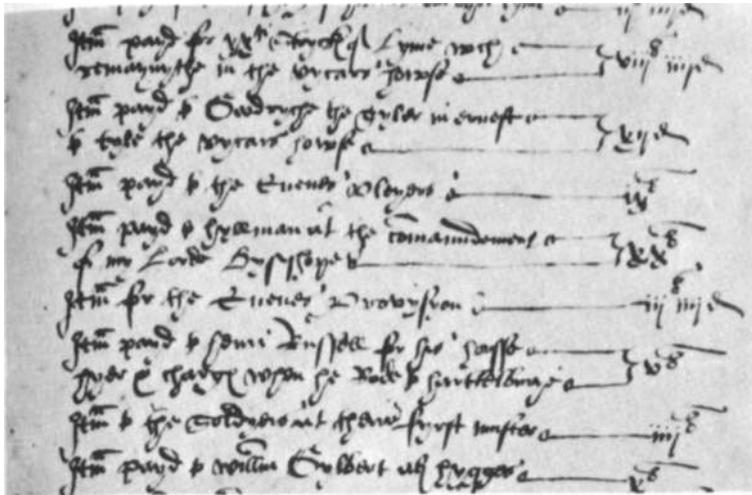
24. Театр «Куртина», построенный Д. Лейнменом в 1576—1577 годах. Здесь Шекспир и его труппа играли в 1597—1599 годах. На общем плане (илл. 21) показан стрелкой.

25. В детские годы Шекспира еще игрались средневековые миракли.
Реконструкция Ф. Холлидея.

26. «Театр мальчиков» в Блэкфрайерс. Гравюра Фишера («Вид Лондона», 1616).

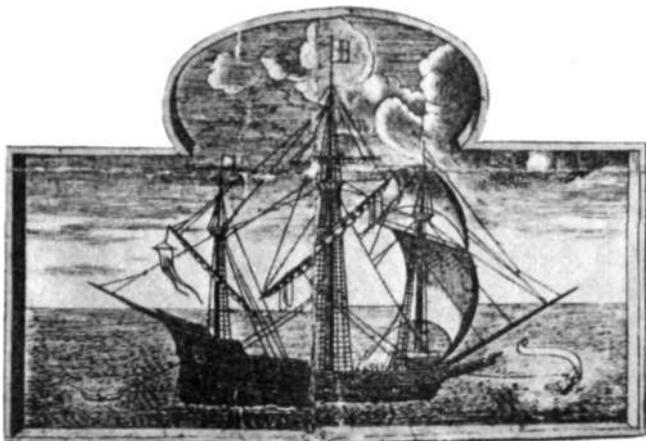

27. Выписка из книги стратфордского городского совета о выплате вознаграждения «королевским лицедеям». Это 1588—1589 годы, когда бейлифом был отец Шекспира.

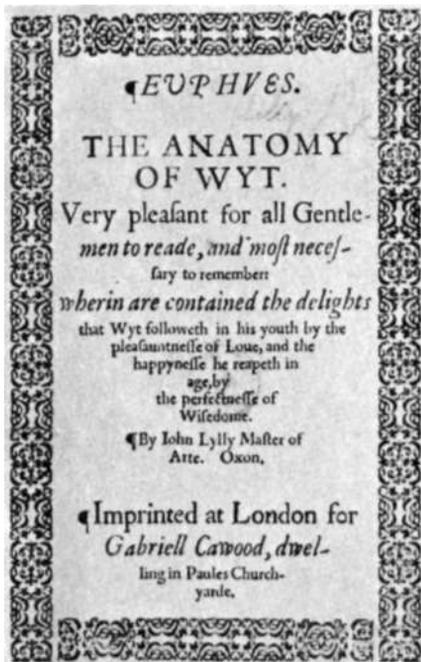
28. Развлечения в честь королевы Елизаветы в Элветеме (1591). Шекспир, возможно, упоминает их в «Сне в летнюю ночь» (акт 2, сц. 1).

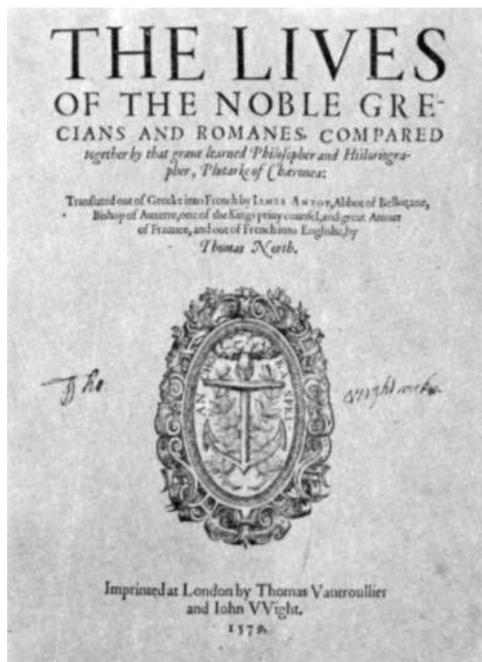

29. «Золотая лань» — корабль, на котором Дрейк обогнул земной шар. Гравюра Дж. Хондиуса.

30. Эта книга оказала влияние на Шекспира: «Эвфуэс, или Анатомия остроумия» Д. Лиля (1579, первое издание).

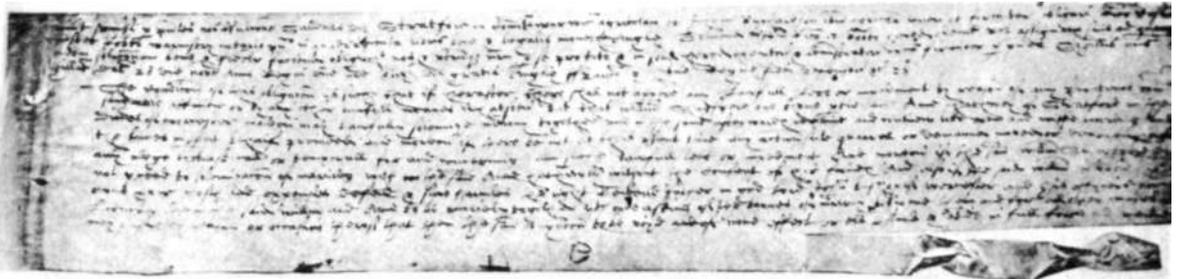

31. Этой книгой Шекспир пользовался, работая над «римскими» пьесами: Плутарховы «Жизнеописания» в переводе сэра Томаса Норта (1579, первое издание; типограф — Т. Вотролье).

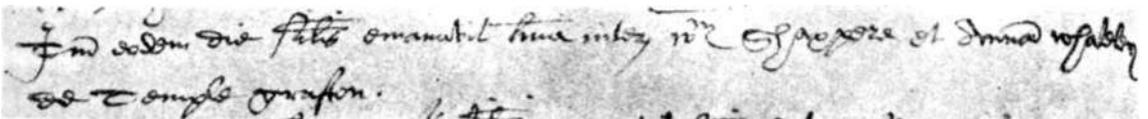

32. Церковь в деревушке Графтон, где, вероятно, сочетались браком Уильям Шекспир и Энн Хетеуэй. Рисунок Джеймса Сондерса (ок. 1800).

33. Фалк Сэнделлс и Джон Ричардсон удостоверяют правомочность брака «Уильяма Шекспира (Shagspere) и Энн Хетеуэй».

34. Запись о выдаче лицензии на брак между «Уильямом Шекспиром (Saxpere) и Энн Уэтли из Графтона».

35. Фермерский дом Хетеуэв в Шоттери.

36. Хэмптон-Люси, вид из Чарлкот-Парка. Над этим местом витает легенда о браконьерстве.

37. Записи о крещении детей Шекспира: Сусанна (26 мая 1583 года) и близнецы Гамнет и Джудит (2 февраля 1585 года).

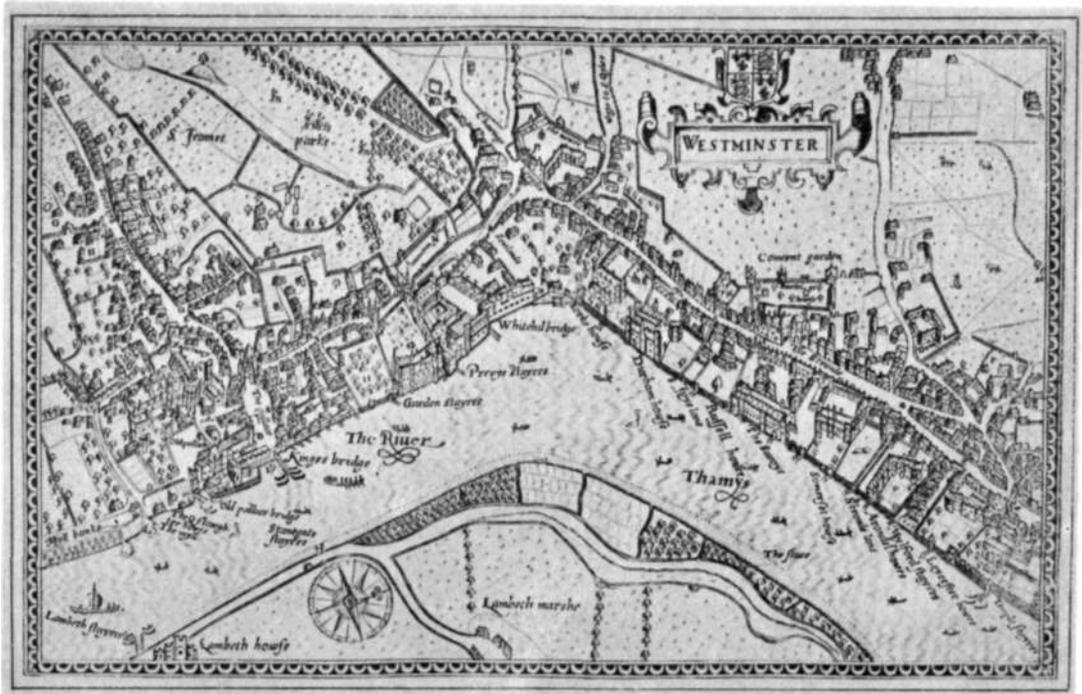
38. Вестминстерский округ в период, когда Шекспир приехал в Лондон. Из книги «Speculum Britanniae» Д. Нордена (1593).

39. Уайтхоллский дворец и особняки, протянувшиеся вдоль берега Темзы. Гравюра Фишера («Вид Лондона»).

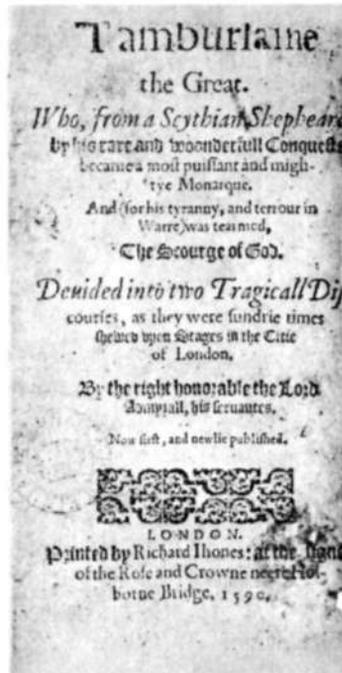
May 6 Hugh some to Humphrey Godes
8 David some to Anthony Cooke
22 Anne daughters to James Woodward
20 Susanna daughter to William Shakespeare X

31 William some to Edward Williams
February 2 Hamnet & Judith, some & daughter to, William Shakespeare X
3 Margaret daughter to Hugh Piggette

40. Королева Мария Стюарт в 1578 году (здесь ей 36 лет). Ее казнят незадолго до приезда Шекспира в Лондон. Автор портрета (предположительно) П. Уд-ри.

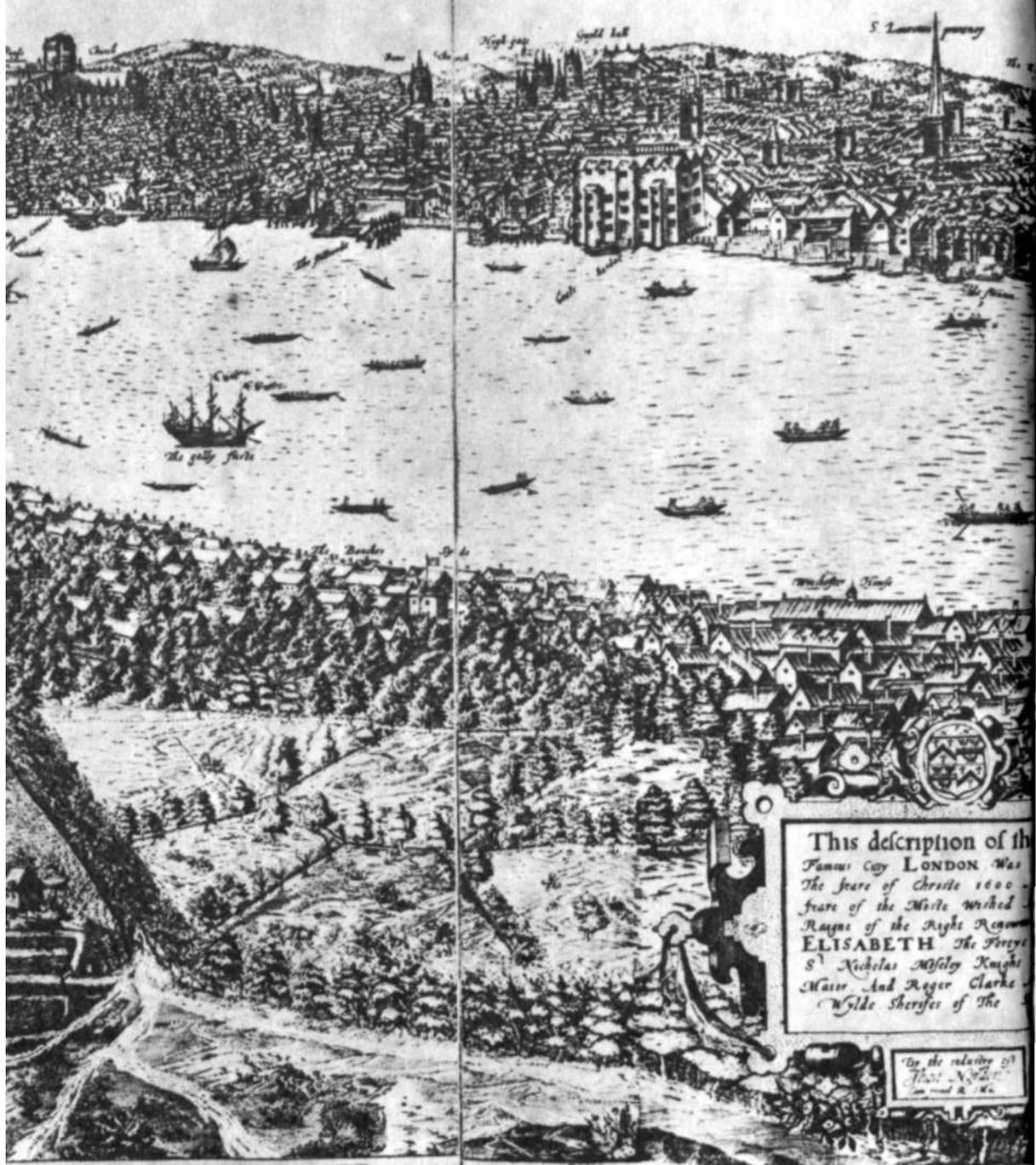

41. Первая из пьес Д. Лили, представленных при дворе, — «Кампаспа» (1584).

42. «Тамерлан» К. Марло (1590). Это была одна из первых пьес, увиденных Шекспиром в Лондоне.

43. Шекспировский Лондон. Панорамный план Д. Нордена из книги «Civitas Londini» (1600).

V I T A S

This description of the
Famous City **LONDON** Was
The Year of Christe 1600
frase of the Moste Worth
Raigne of the Right Reuerend
ELISABETH The Firrye
Sr Nichelas Myfely Knight
Maier And Roger Clarke
Wilde Sherifes of The

By the relation of
Thom. N. S.
Printed in 1600.

44. а) Граф Эссекс, новый фаворит королевы. Портрет неизвестного художника (1597); б) Сэр Уолтер Рэли, капитан гвардии, в год разгрома Армады.

45. Королева Елизавета во время визита в Дичли (Оксфордшир; на карте этого графства она стоит) в 1592 году. Здесь ей 59 лет. Картина неизвестного художника.

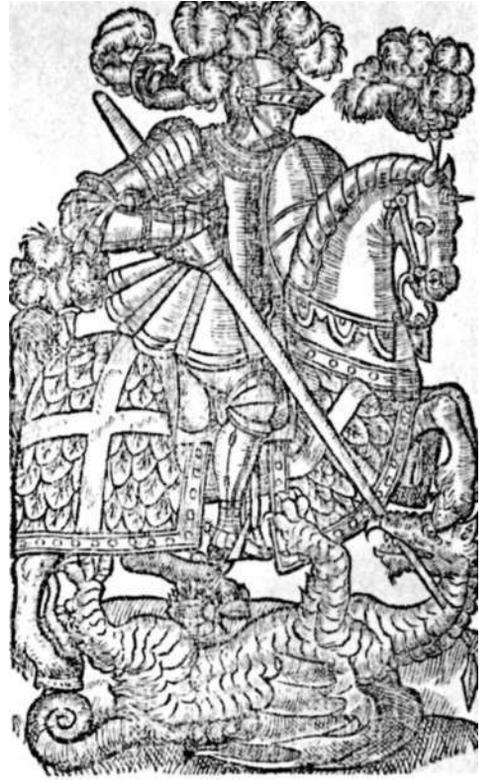
46. Сэр Филип Сидни, погибший в 1586 году. Его сонеты оказали влияние на Шекспира.

47. Рыцарь Красного Креста из «Королевы фей» (первая публикация книг I—III, 1590). Публикация поэмы совпала с работой Шекспира над ранними пьесами.

48. «Испанская трагедия» Т. Кида. Самое раннее из сохранившихся изданий (1592?).

49. Нападки Грина на «потрясателя сцены».

50. Разгром испанской Непобедимой армады в июле 1588 года. На медальонах изображены капитаны английских судов. Гобелен Х. К. Фроома.

THE

SPANISH TRAGEDIE,
 Containing the lamentable
 end of *Don Horatio*, and *Bel-imperia*;
 with the pittifull death of
olde Hieronimo.

Newly corrected and amended of such grosse faults as
 passed in the first impression.

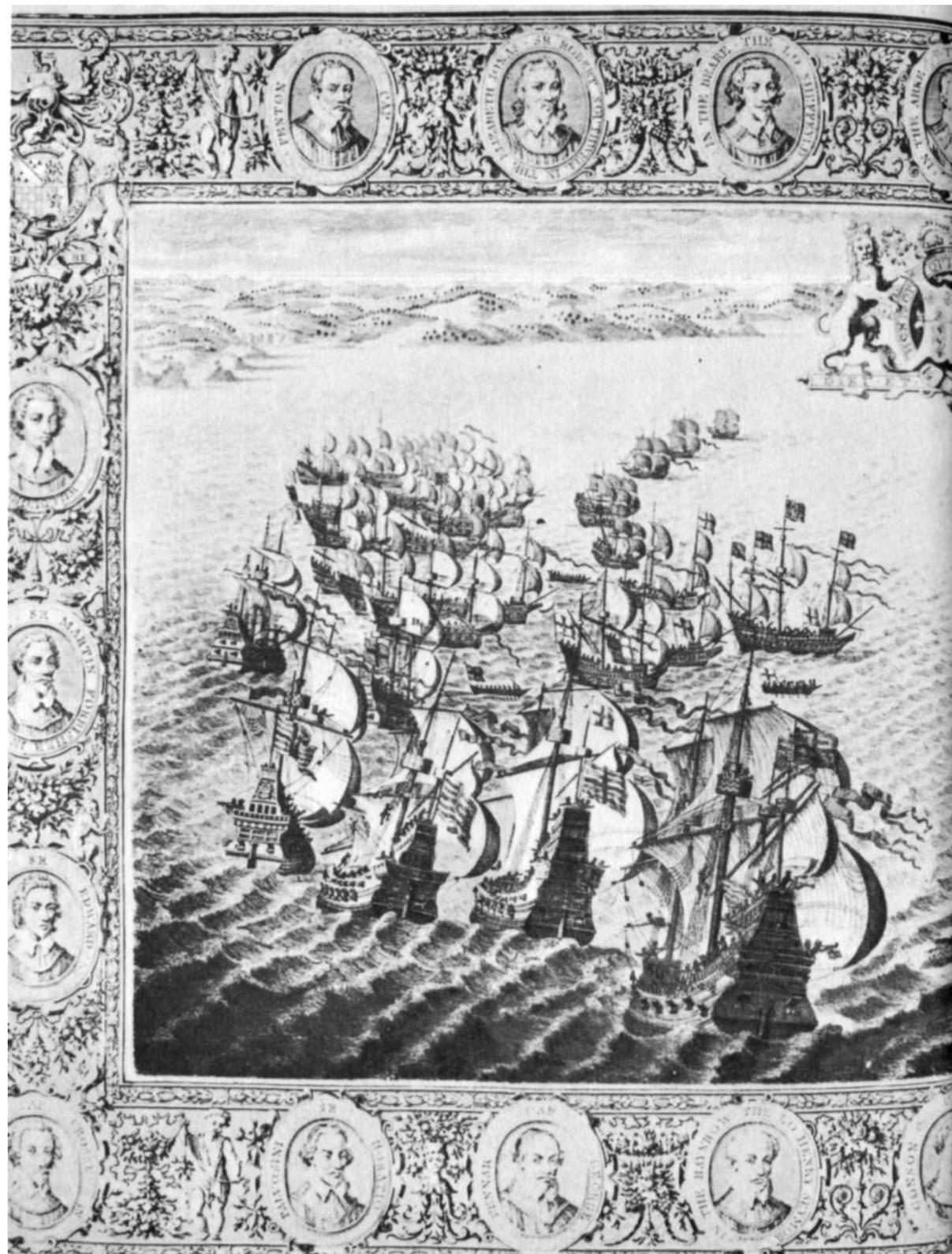
AT LONDON
 Printed by *Edward Allde*, for
 Edward White.

Greens

Sweet boy, might I advise thee, be advise, and get not
 many enemies by bitter wordes: in teigh against vaine
 men, for thou canst do it, no man better, no man so well:
 thou hast a libertie to reprove all, and name none, for
 one being spoken to, all are offended, none being blamed
 no man is injured. Stay shallow water still running, it
 will rage, or tread on a woyme and it will turne: then
 blame not chollers besed with darpe lines, if they re-
 prove thy too much libertie of reprove.

And thou no lesse deservng than the other two, in
 some things rarer, in nothing inferior: dytuen (as my
 selfe) to extreme shifts, a litle have I to say to thee: and
 were it not an idolatrous oth, I would sweare by sweet
 S. George, thou art unwortily better hap, sith thou de-
 pended on so meane a stay. Wale minded men all thre
 of you, if by my miserie you be not warnd: for unto none
 of you (like mee) sought those burres to cleme: those
 Puppets (I meane) that spake from our mouths, those
 Anticks garnish in our colours. Is it not strange, that
 I, to whom they all have beene beholding: is it not like
 that you, to whom they all have beene beholding, shall
 (were yee in that case as I am now) bee both at once of
 them forsaken? Yes trust them not: for there is an by-
 start Crow, beautified with our feathers, that with his
 Tygers hart wrapt in a Players hyde, supposes he is as
 well able to bombast out a blanke verse as the best of
 you: and being an absolute Iohannes fac totum, is in
 his owne conceit the onely Shake-scene in a countrey.

O that I might intreat your rare wits to be employed in
 more profitable courses: & let those Apes imitate your
 past excellence, and never more acquaint them with
 your admired inventions. I knowe the best husband of
 you

In the name of god a mon 1491
 beginning to 19 of february my
 lord of travanoe name a february
 1591

at first barone to 19 of february	16 shillings
at intubemore to 20 of february	16 shillings
at orlando to 21 of february	16 shillings
at first comedy Rome christ to 22 of february	16 shillings
at first mandeall to 23 of february	16 shillings
at first of orwell to 24 of february 1591	16 shillings
at first of small to 25 of february 1591	16 shillings
at first of a compe to 26 of february 1591	16 shillings
at first of mellewell to 27 of february 1591	16 shillings
at first of jone to 28 of february 1591	16 shillings
at first of mellewell to 29 of february 1591	16 shillings
at first of jone to 30 of february 1591	16 shillings
at first of mellewell to 31 of february 1591	16 shillings
at first of jone to 1 of march 1591	16 shillings
at first of mellewell to 2 of march 1591	16 shillings
at first of jone to 3 of march 1591	16 shillings
at first of mellewell to 4 of march 1591	16 shillings
at first of jone to 5 of march 1591	16 shillings
at first of mellewell to 6 of march 1591	16 shillings
at first of jone to 7 of march 1591	16 shillings
at first of mellewell to 8 of march 1591	16 shillings
at first of jone to 9 of march 1591	16 shillings
at first of mellewell to 10 of march 1591	16 shillings
at first of jone to 11 of march 1591	16 shillings
at first of mellewell to 12 of march 1591	16 shillings

To the Gentlemen Readers.
 fory, as if the originall fault had beene my fault,
 because my selfe have seene his demeanor no lesse
 ciuill than he excellent in the qualitie he professes:
 Besides, diuers of worship have reported, his pp-
 rightnes of dealing, which argues his honesty, and
 his facetious grace in witting, that aprooves his
 Art. For the first, whose learning I reuerence,
 and at the perusing of Greenes Booke, stroke out
 what then in conscience I thought he in some dis-
 nleasure writ: or had it beene true, vet to nublsh

51. Запись в дневнике (точнее — в счетной книге) Ф. Хенсло (1591—1592): «За Гарри VI 3 фунта 16 шиллингов 8 пенсов». Это первое документальное свидетельство о постановке шекспировской пьесы («Генри VI», часть 1). В тот сезон шекспировская хроника игралась 15 раз.

52. Первый «портрет» Шекспира. Покаянные слова Генри Четла в «Сне добросердечного» (1592).

presence: than which, what can be a sharper reproofe to these degenerate effeminate dayes of ours.

How would it haue ioyed braue Talbot (the terror of the French) to thinke that after he had lyne two hundred yeares in his Tombe, hee should triumphe againe on the Stage, and haue his bones newe embalmed with the teares of ten thousand Spectatores at least; (at severall times) who in the Tragedian that represents his person, imagine they behold him fresh bleeding.

It will defend it against any Colliar, or clubbed Usurer of them all, there is no immozcalitie, can be giuen a man on earth

¶ 3

like

VENVS AND ADONIS

*Vilia miretur vulgus: mihi flavus Apollo
Pocula Castalia plena ministrat aqua.*

LONDON

Imprinted by Richard Field, and are to be sold at
the signe of the white Greyhound in
Paules Church-yard.

1593.

53. «Пирс Безгрошовый». Т. Нэш упоминает здесь представление «Генриха VI», часть 1.

54. Первая публикация Шекспира: поэма «Венера и Адонис». Типограф — Ричард Филд, ученик Вотролье.

TO THE RIGHT
HONORABLE, HENRY

VViothesley, Earle of Southampton,
and Baron of Tutchfield.

TH E loue I dedicate to your
Lordship is without end: wher-
of this Pamphlet without be-
ginning is but a superfluous
Moity. The warrant I haue of
your Honourable disposition,
not the worth of my vnutord
Lines makes it assured of acceptance. VVhat I haue
done is yours, what I haue to doe is yours, being
part in all I haue, deuoted yours. VVere my worth
greater, my duety would thew greater, meane time,
as it is, it is bound to your Lordship; To whom I wish
long life still lengthned with all happineffe.

Your Lordships in all duety.

William Shakespeare.

A 1

55. Посвящение к «Обесчещенной Лукреции».

56. Генри Ризли граф Саутгемптон — один из основных претендентов на роль «мистера W. H.».

TO THE ONLIE BEGETTER OF
THESE INSVING SONNETS
M. W. H. ALL HAPPINESSE
AND THAT ETERNITIE
PROMISED.
BY
OVR EVER LIVING POET
WISMETH
THE WELL WISHING
ADVENTVRER IN
SETTING
FORTH.

T. T.

57. Посвящение «Сонетов» Шекспира «мистеру W. H.». Издатель Томас Торп. Это единственное раннее издание (1609).

58. Второй претендент на роль «мистера W. H.» — Уильям Герберт граф Пемброк. Портрет работы А. Ван Дейка.

*In praise of Willobie his Auifa, Hex-
ameton to the Author.*

IN Lauine Land though Liuie boſt,
There hath bene ſeene a Conſtant dames
Though Rome lament that ſhe haue loſt
The Gareland of her rareſt fame,
Yet now we ſee, that here is found,
As great a Faith in Engliſh ground.

Though Collatine haue decreely bought,
To high renowne, a laſting life,
And found, that moſt in vaine haue ſought,
To haue a Faire, and Conſtant wiſe,
Yet Tarquyne pluckt his gliſtering grape,
And Shakeſpeare, paints poore Lucrece rape.

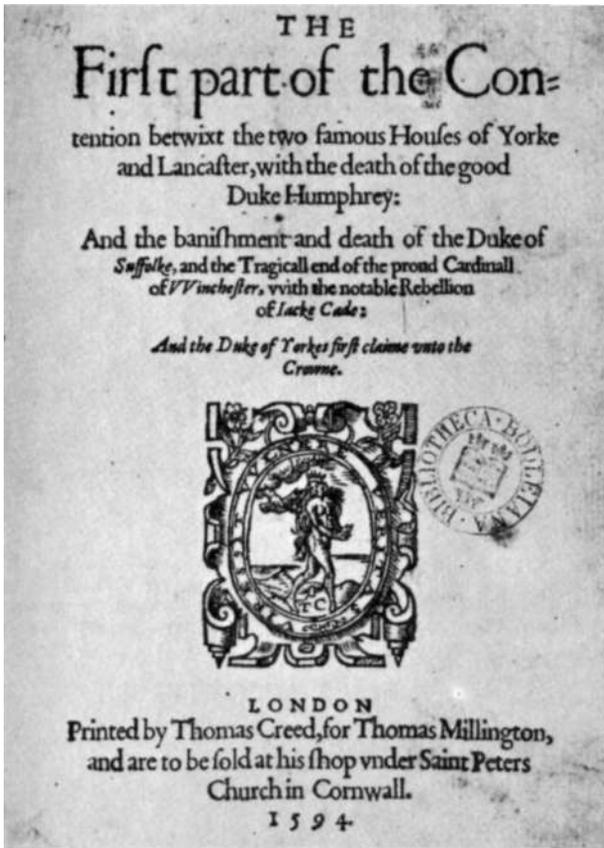
59. «Уиллоуби, его Авиза...». Здесь впервые в художественном произведении поименно назван Шекспир.

60. Может, Генри Уиллоуби и был «мистером W. H.»?

CANT. XLIII.

Henrico Willobego. Italo-Hiſpalenſis.

H. W. being ſodenly infected with the contagion
of a fantaſticall fit, at the firſt ſight of A, pyneth a
while in ſecret grieſe, at length not able any longer to
indure the burning heate of ſo feruent a humour, be-
wrayeth the ſecreſy of his diſeaſe vnto his familiar
tread W. S. who not long before had tryed the cur-
teſy

61. «Плохое» quarto «Генриха VI»,
 часть 2. Одна из первых публикаций
 Шекспира.

62. Первая иллюстрация к Шекспи-
 ру: первая сцена «Тита Андроника».
 Возможно, рисунок Генри Пичема
 (ок. 1594).

63. Лорд-камергер Генри Кэри Хансдон.

64. Уил Кемп танцует «моррис» (титульный лист его «Чуда девяти дней», 1600).

65. Ричард Бербедж (возможно, автопортрет). Исполнитель главных ролей шекспировского репертуара.

66. Эдвард Аллен из труппы лорда-адмирала. Актер-трагик в пьесах Марло. Вторым браком был женат на дочери Джона Донна.

67. Джордж Чапмен. Возможный поэт-соперник в шекспировских «Сонетах». (Сонет 86: «Его ли стих — могучий шум ветрил...»)

68. Поэт Майкл Дрейтон, друг Шекспира, частый гость в Стратфорде.

69. «Несравненный Бен Джонсон». Он «любил Шекспира, не впадая в идолопоклонство, не меньше прочих». Копия с портрета Джерарда Хонторста.

70. Гринвичский дворец в 1594 году. Здесь умер Генрих VII, родились Генрих VIII, королевы Елизавета I и Мария Стюарт. При Карле II дворец был разобран, и на его месте Кр. Рен воздвиг Гринвичский госпиталь.

71. Страница из «Томаса Мора». Возможно, она написана рукой Шекспира.

72. *Handwritten Latin document, likely a royal warrant or payment record, mentioning Phillip Bishop, William Kempe, and other names, dated 1594.*

72. Выплата денег Кемпу, Шекспиру и Бербеджу за представления в Гринвичском дворце на рождество 1594 года.

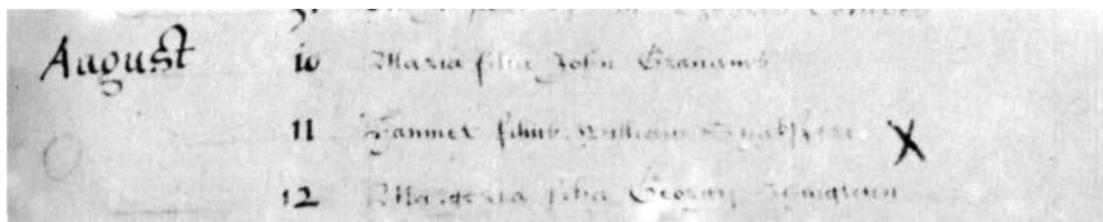
73. Зал в «Грейз Инн», где в декабре 1594 года была представлена «Комедия ошибок».

74. Построенный Ф. Лэнгли театр «Лебедь», где Шекспир и его труппа играли в сезон 1596—1597 годов.

75. Запись о погребении «Гамнета, сына Уильяма Шекспира» (11 августа 1596 года).

76. Этот дом в Стратфорде построил Томас Роджерс, сосед Шекспира и дед Джона Харварда (Гарварда).

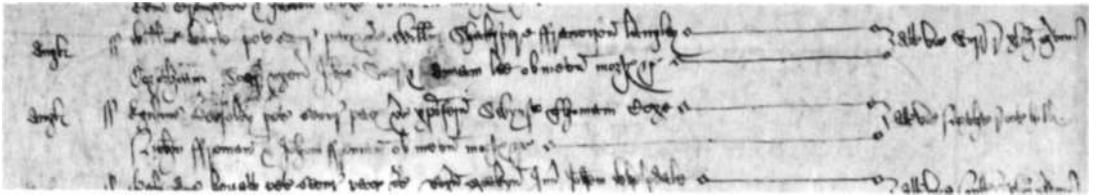

77. Грамота о пожаловании Джону Шекспиру дворянства и фамильного герба.

78. Новый патрон Шекспира — лорд-камергер Джордж Кэри Хансдон. Миниатора Николаса Хиллиарда. Некоторое время назад возникло сомнение, что на ней изображен именно лорд-камергер Д. К. Хансдон.

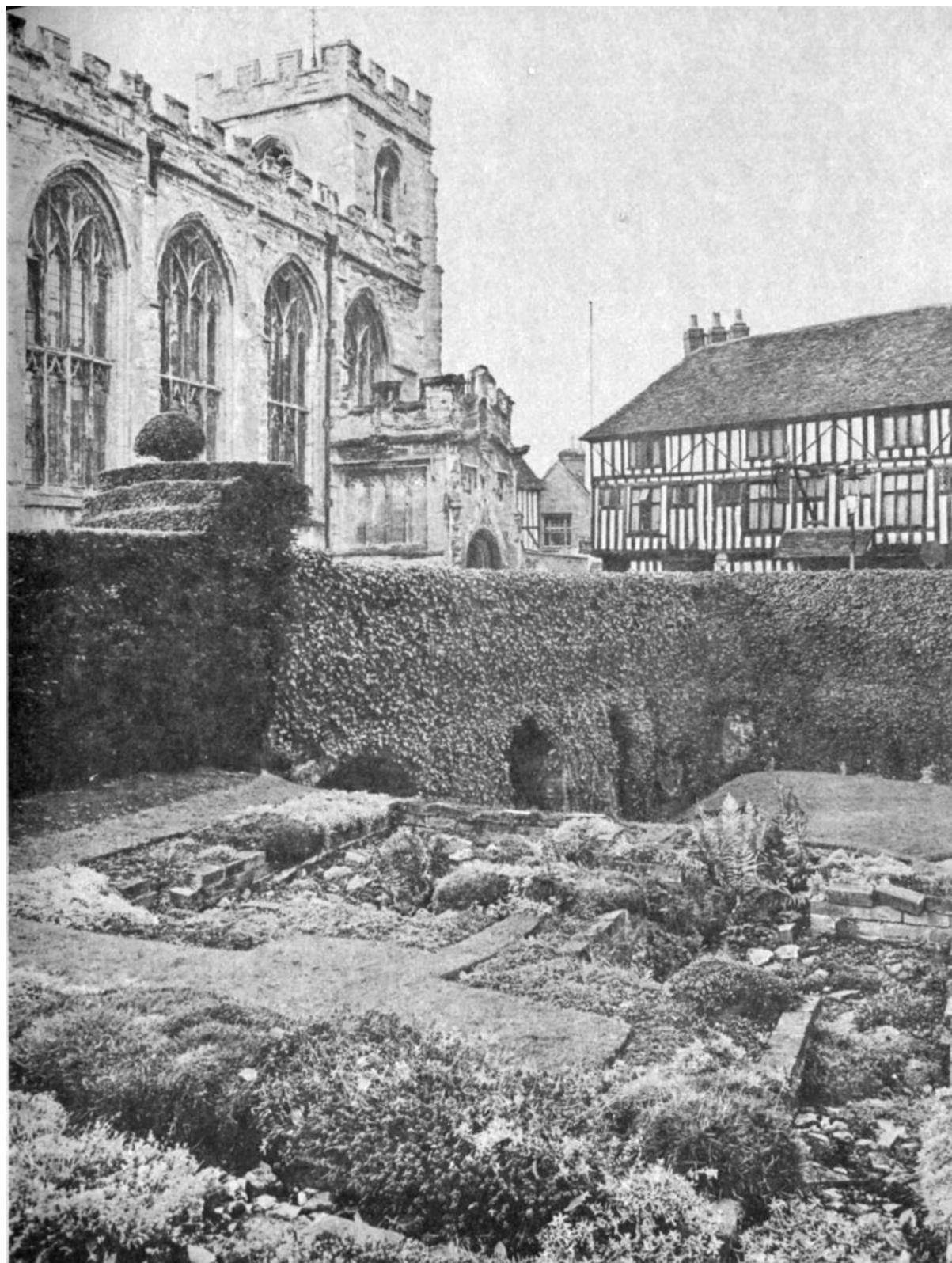

79. Уильям Уайт требует мирных заверений от Уильяма Шекспира и Фрэнсиса Лэнгли. Этот документ обнаружил в 1930 году д-р Лесли Хотсон.

81. Все, что осталось сегодня от «Нового места».

80. Надгробие на могиле сэра Томаса Люси, похороненного в 1600 году в церкви Чарлкота.

*This consisting by memory and ye description of Shakespeares House which was
in Stratford on Aven. where he lived and dyed. and his wife after him 1649.*

*This the outward appearance towards the Street. the gate and entrance,
(at the Corner of chappel lane / the chappel. X. founded by s^r Tho. Capton
who built it and the Bridge over Aven.*

A
PLEASANT
Conceited Comedie
CALLED,
Loues labors lost.

As it vvvas presented before her Highnes
this last Christmas.

Newly corrected and augmented
By *W. Shakespeere.*

Imprinted at London by *W. J.*
for *Cuthbert Burby.*
1598.

82. Стратфордская покупка Шекспира: «Новое место» — «славный кирпично-деревянный дом». Дом был разобран в 1702 году, и этот рисунок сделан Джорджем Вертью в 1737-м «по памяти» (возможно, со слов 70-летнего Шекспира Харта).

83. Первая пьеса Шекспира, напечатанная под его именем: «Бесплодные усилия любви» (первое кварто).

The second part of

mong al writers to be of an honest life and vpright conuerfation:fo *Michael Drayton* (*que toties honoris & amoris causa nomino*) among schollers, fouldiours, Poets, and all sorts of people, is helde for a man of vertuous disposition, honest conuerfation, and wel gouerned cariage, which is almost miraculous among good wits in these declining and corrupt times, when there is nothing but rogerie in villanous man, & whe cheating and craftines is counted the clearest wit, and foundest wisdome.

As *Decius Ausonius Gallus* in *libris Fastorum*, penned the occurrences of this world from the first creation of it to his time, that is, to the raigne of the Emperor *Gratian*:so *Warner* in his absolute *Albions Englands* hath most admirably penned the historie of his own country from *Noah* to his time, that is, to the raigne of *Queene Elizabeth*; I haue heard him termd of the best wits of both our Vniuersities, our English *Homer*.

As *Esripedes* is the most sententious among the Greek Poets; so is *Warner* among our English Poets.

As the soule of *Euphorbus* was thought to liue in *Pythagoras*; so the sweete witty soule of *Ouid* liues in mellifluous & honey-tongued *Shakespeare*, witnes his *Venus* and *Adonis*, his *Lucrece*, his sugred Sonnets among

281

Wits Common-Wealth.

among his priuate friends, &c.

As *Plautus* and *Seneca* are accounted the best for Comedy and Tragedy among the Latines: so *Shakespeare* among English is the most excellent in both kinds for the stage; for Comedy, witnes his *Cōtlemē of Verona*, his *Errors*, his *Loue labors lost*, his *Loue labours wonne*, his *Midsummers night dreame*, & his *Merchant of Venice*; for Tragedy his *Richard the 2.* *Richard the 3.* *Henry the 4.* *King Iohn*, *Titus Andronicus* and his *Romeo and Iuliet*.

As *Epici Stolo* said, that the Muses would speake with *Plautus* tongue, if they would speake Latin: so I say that the Muses would speake with *Shakespeare* fine filed phrase, if they would speake English.

As *Musæus*, who wrote the *loue* of *Hero* and *Leander*, had two excellent schollers, *Thamars* & *Hercules*: so hath he in England two excellent Poets, imitators of him in the same argument and subiect, *Christopher Marlow*, and *George Chapman*.

As *Ouid* saith of his worke;

*Iamq; opus exegi, quod nec Iouis ira, nec ignis,
Nec poterit ferrus, nec edax abolere vetustas.*

And as *Horace* saith of his; *Exegi monumentū aere perennius; Regaliq; sitū pyramidū uod non imber edax; Non Aquilo possit diruere; aut innumerabilis*

O O 2. AMORUM

84. «Медоточивый Шекспир» — оценка современника. Книга Мереза «Palladis Tamia» (1598).

This Comoedie was first
Acted, in the yeere
1598.

By the then L. CHAMBERLAYNE
his Seruants.

The principall Comœdians were,

WILL SHAKESPEARE.	RIC. BYRBADGE.
AVG. PHILIPS.	IOH. HEMINGS.
HEN. CONDEL.	THO. POPE.
WILL. SLYE.	CHA. BEESTON.
WILL. KEMPE.	IOH. DVKE.

With the allowance of the Master of REVELLS.

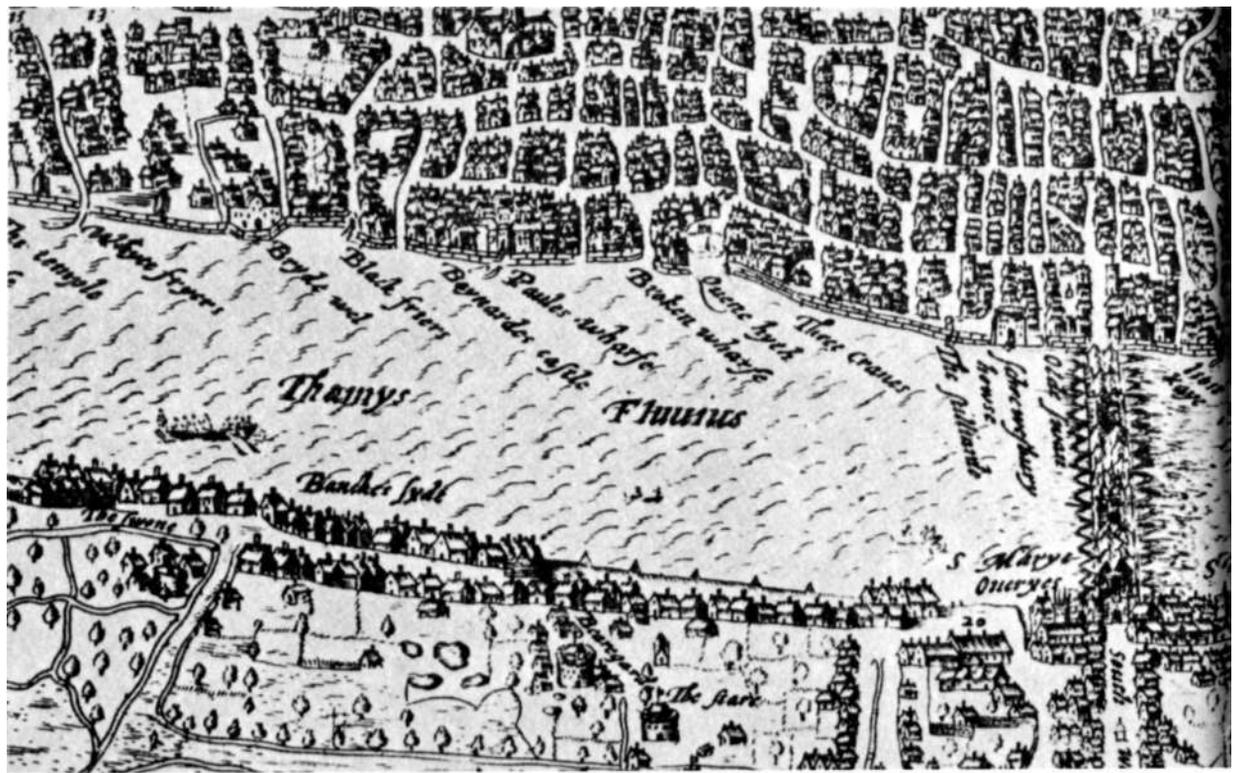
85. Список исполнителей в первом представлении комедии Бена Джонсона «Каждый в своем праве». Страница из «Сочинений» Б. Джонсона (фолио 1616 года).

H

To my Lovinge good friend
 & countryman Mr
 Sphokker

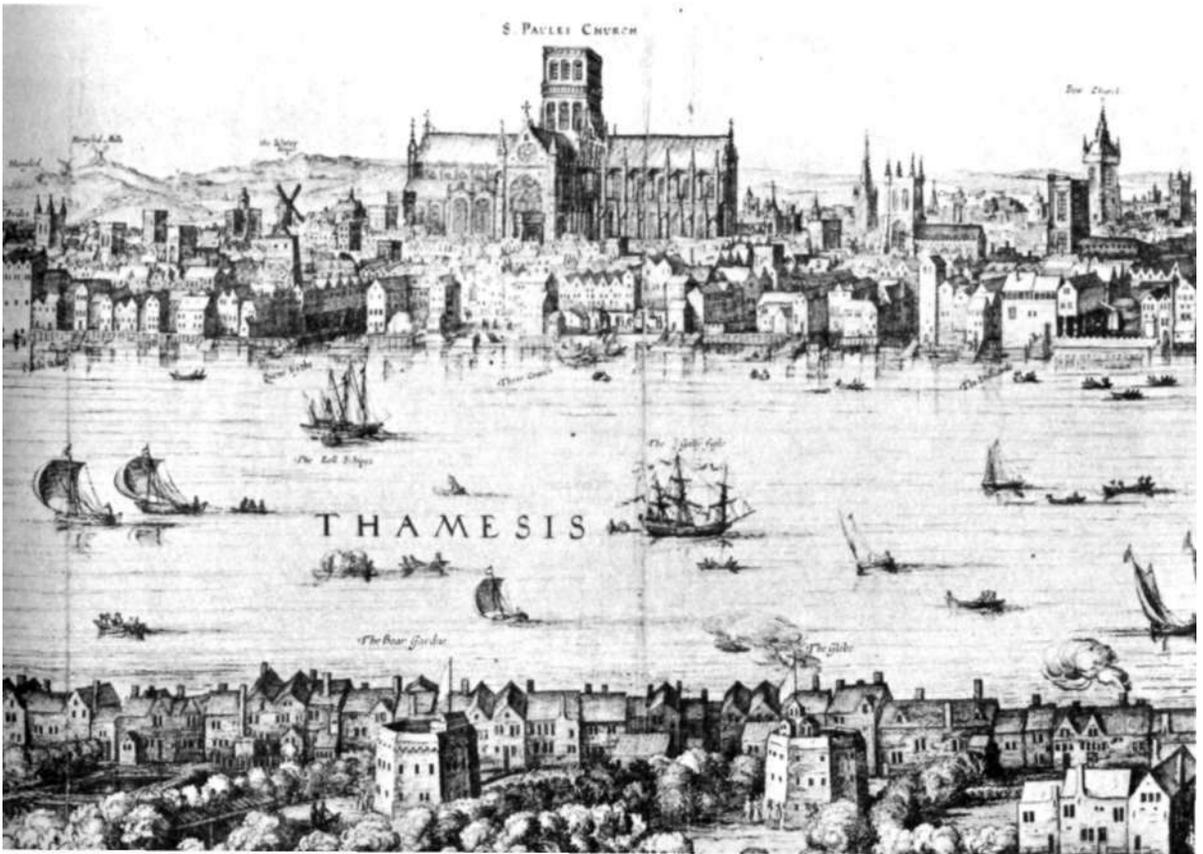
I am glad to hear of your
 recovery from your
 sickness & hope that you
 will be able to return
 to your country in
 safety & health
 I have not heard
 from you for some
 time & am therefore
 glad to hear of your
 recovery
 I am your
 affectionate friend
 & countryman
 Sphokker

Your affectionate friend
 & countryman
 Sphokker

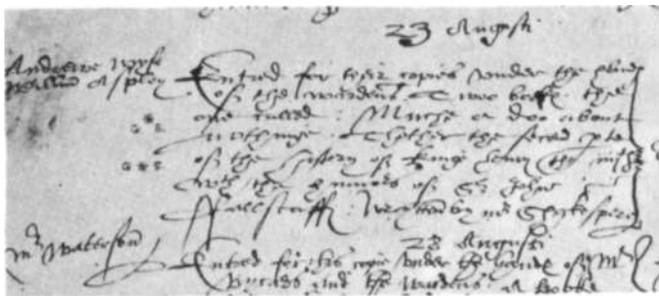

86. Ричард Куини просит займы у Шекспира (25 октября 1598 года). В это время Куини успешно хлопотал о предоставлении субсидий Стратфорду, пострадавшему от пожаров. Выбранный вторично бейлифом, он умер в 1602 году.

87. Новый театр — «Глобус». Напротив «Роза» (здесь она ошибочно названа «Звездой»). Из «Civitas Londini» Д. Нордена (1600).

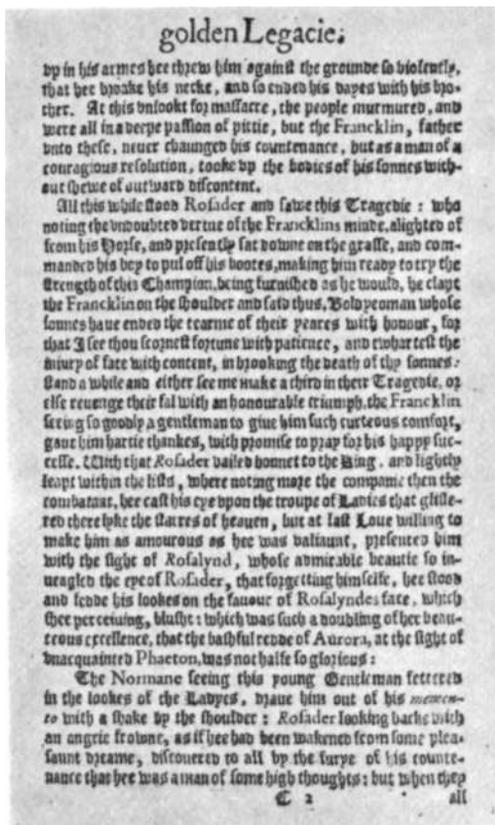

88. Бэнксайд. Здесь Шекспир прожил много лет. Гравюра Фишера («Вид Лондона», 1616).

89. Первое упоминание имени Шекспира в реестрах «Гильдии печатников и книгоиздателей».

90. Литературный источник комедии «Как вам это понравится»: роман Т. Лоджа «Розалинда» (1590), написанный под впечатлением от поездки на Азорские острова.

91. Шекспировская песня «Влюбленный с милою своей» («Как вам это понравится»), положенная на музыку Томасом Морли. Из его сборника «Первая книга песен» (1600).

The returne from Peruissus.

Kempe Its true indeede, honest *Dick*, but the slaues are somewhat proud, and besides, it is a good sport in a part. to see them neuer speake in their walke, & at the end of the Rage, iust as though in walking with a fellow we should neuer speake but at a stile, a gate, or a ditch, where a man can go no further, I was once at a Comedie in Cambridge, and there I saw a parasite make faces and mouths of all sorts on this fashion,

Bur. A little teaching will mend these faults, and it may be besides they will be able to pen a part.

Kemp. Few of the vniuersity pen plaies well, they smell too much of that writer *Ouid*, and that writer *Metamorphosis*, and talke too much of *Proserpina* & *Iuppiter*, Why heres our fellow *Shakespeare* puts them all downe, I and *Ben Ionson* too. O that *Ben Ionson* is a pestilent fellow, he brought vp *Horace* giuing the Poets a pill, but our fellow *Shakespeare* hath giuen him a purge that made him beray his credit:

Bur. Its a shrewd fellow indeed: I wonder these schollers stay so long, they appointed to be here presertly that we might try them: oh here they come.

Stud. Take heart, these lets our clouded thoughts refine,
The sun shines brightest when it gins decline.

Bur. M. Phil. and M. Stud. God saue you.

Kemp. M. Phil. and M. Otisio, well met,

Phil. The same to you good M. *Burbage*. What M. *Kempe*

Prince of Denmarke.

We boarded them a the way: they are coming to you.

Ham. Players, what Players be they?

Reff. My Lord, the Tragedians of the *Cetty*,
Those that you tookt delight to see so often. (sheit)

Ham. How comes it that they trauell? Do they grow re-

Gil. No my Lord, their reputation holds as it was wont.

Ham. How then?

Gil. Y faith my Lord, noueltie carries it away,
For the principall publike audience that
Came to them, are turned to priuate playes,
And to the humour of children.

Ham. I doe not greatly wonder of it,
For those that would make mops and moes
At my vncl, when my father liued,
Now giue a hundred, two hundred pounds
For his picture: but they shall be welcome,
He that plays the King shall haue tribute of me,
The ventrous Knight shall vsf his foyle and target,
The louer shall sigh gratis,

The clowne shall make them laugh (for't,
That are tickled in the lungs, or the blanke verse shall haue
And the Lady shall haue leaue to speake her minde freely.

The Trumpets sound, Enter Corambis.

94. Какое «слабительное» дал Шекспир Джонсону?

95. Отклик Шекспира на Войну театров. Это первое («плохое») кварио «Гамлета» (1603).

96. «Договор... между... Джоном Кумом из Старого Стратфорда и Уильямом Шекспиром, джентльменом...» Составленная 1 мая 1602 года, купчая на 127 акров земли была «запечатана и вручена Гилберту Шекспиру во владение упоминаемым Уильямом Шекспиром».

97. Земля в Старом Стратфорде, купленная в 1602 году Шекспиром.

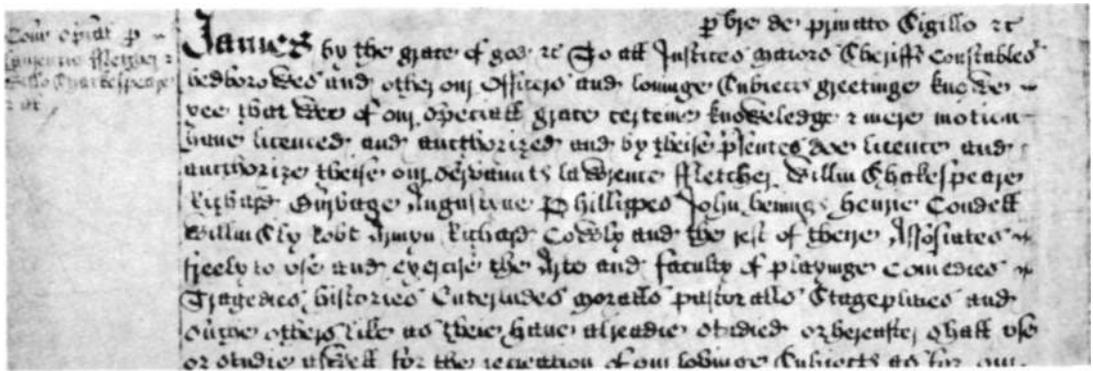
98. Дворец в Ричмонде, где 24 марта 1603 года умерла королева Елизавета. Группа на переднем плане танцует «моррис». Картина неизвестного художника (ок. 1620).

99. Король Яков Стюарт. Портрет, возможно, работы Джона де Крица.

100. «Слуги лорда-камергера» становятся «слугами короля»
(23 мая 1603 года).

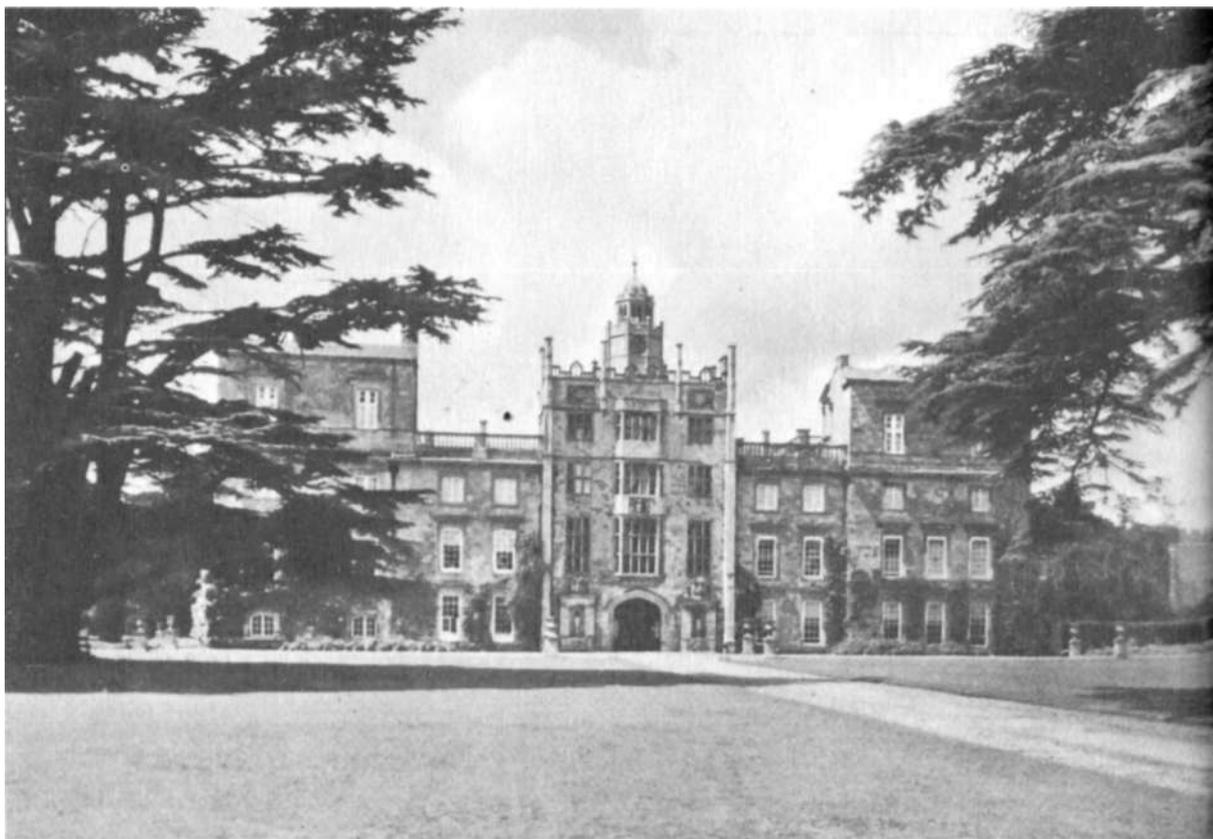

101. Зал Среднего Темпла, где 2 февраля 1602 года игра-
лась «Двенадцатая ночь».

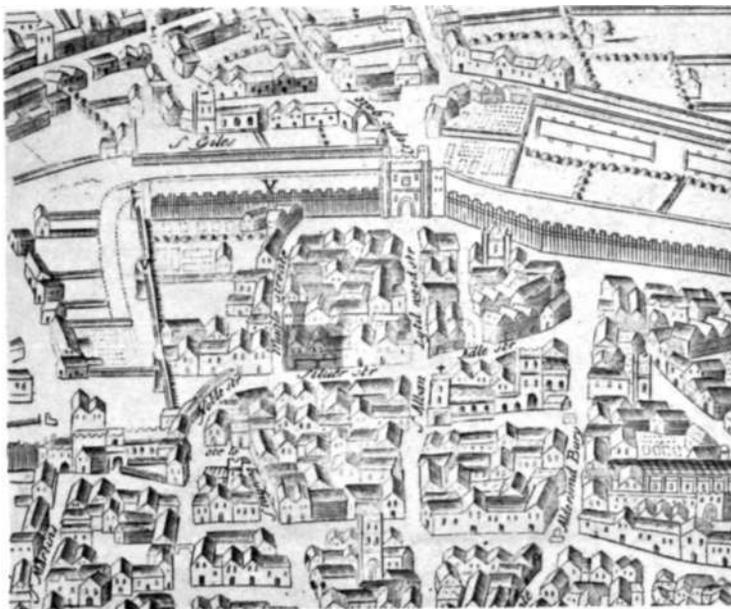
Upon a time myn Burbidge played Rich. 3.
 howe wnt h. winton gave the full in living
 wth him, but before too wnt from the play
 howe happened him a some yll night to be
 in by the name of Rich. 3. / Burbidge
 oncoming home to winton, wnt before wnt
 mchanted, had it for game to Burbidge
 and he don mchanted being wronge yet Rich
 of 3. was at the time, Burbidge wnt to return
 to w. made by William of Conquerour
 wnt before Rich. 3. / Burbidge wnt to the

102. Первый анекдот, связанный с именем Шекспира. Запись в дневнике Джона Маннингема, студента Среднего Темпла (1602).

103. Замок в Уилтоне. «Здесь у нас Шекспир», якобы писала сыну леди Пемброк. В замке 2 декабря 1603 года перед королем Яковом игралась комедия «Как вам это понравится».

104. Дом Кристофера Маунтджоя на углу Монкуэлл-стрит и Силвер-стрит. Шекспир жил здесь в 1604 году. С карты Лондона (1633), исполнителем которой считается Р. Эгас.

105. Переговоры в Сомерсет-хаус в 1604 году. Здесь камердинер Шекспир представлялся испанскому послу. Английская делегация справа.

107. Эскиз костюма, сделанный Иннио Джонсом для «Маски чернокожих».

108. Дом Клоптонов в Стратфорде — опорный пункт «Порохового заговора».

109. «Кто эти / Иссохшие и дикие создания?» История Макбета в «Хрониках» Р. Холиншеда (первое издание 1577 год).

was right displeasent to him and his people, as shoulde appear in that it was a custome many yeares after, that no Knights were made in Norway, excepte they were firste sworn to reuenge the slaughter of theyr countreyemen and frenodes thus slayne in Scotlande.

The othe that knights took in Norway, to reuenge the death of theyr frenodes.

Solemne processions for victory gotten

The Scottes hauing worne so notable a battell, after they had gathered and diuided the spoyle of the fildes, caused solemne processions to be made in all places of the realme, and thanks to be giuen to almightie God, that had sent them so saye a day ouer their enimies.

A power of Danes arriue at Kyncorne out of Engla.

But whyles the people were thus at theyr processions, worde was brought that a newe fleet of Danes was arriued at Kingorne, sent thither by Canute king of England in reuenge of his brothers Swenoes ouertrow.

The Danes vanquished by Makbeth and Banquo.

To resist these enimies, whiche were already landed, and busie in spoiling the countrey, Makbeth and Banquo were sente with the kings power, encountered the enimies, slew parte of them, and chased the other to their shippes. They that escaped and got once to theyr shippes, obtained of Makbeth for a great summe of golde, that sache of theyr frenodes as were slayne at this last bickering might be buried in Saint Colmes Church. In memorie wherof, many olde sepulchures are yet in the sayde Church, there to be seene grauen with the armes of the Danes, as

Danes buried in S. Colmes Church.

the maner of burying noble men still is, and heretofore hath bene vsed.

A peace concluded betwixt Scottes and Danes.
A peace was also concluded at the same time betwixt the Danes and Scottishmen, ratified as some haue wyrtten in this wise. That from thence forth the Danes shoulde neuer come into Scotlande to make any warres agaynst the Scottes by any maner of meanes.

And these were the warres that Duncane had with forrayne enimies in the seuenth yeare of his regyne.

Shortly after happened a straunge and vncouth wonder, whiche afterwarde was the cause of muche trouble in the realme of Scotlande as ye shall after heare. It fortuned as Makbeth & Banquo iourneyed towardes Forres, where the king as then lay, they went spooring by the way together without other companie, save only themselves, passing throug the woodes and fildes, when sodenly in the middes of a laside, there met them .iiij. women in straunge & ferly apparell, resembling creatures of an elder world, whom when they attentively behelde, wondering much at the sight, The first of them spake & sayde: All hail Makbeth Thane of Glamis (for he had lately entred into that dignitie and office by the death of his father Synel.) The .iiij. of them said: Hail Makbeth Thane of Cowder: but the third sayde: All hail Makbeth that herafter shall be king of Scotlande.

The prophesie of three women supposing to be the weird sisters or Ieries.

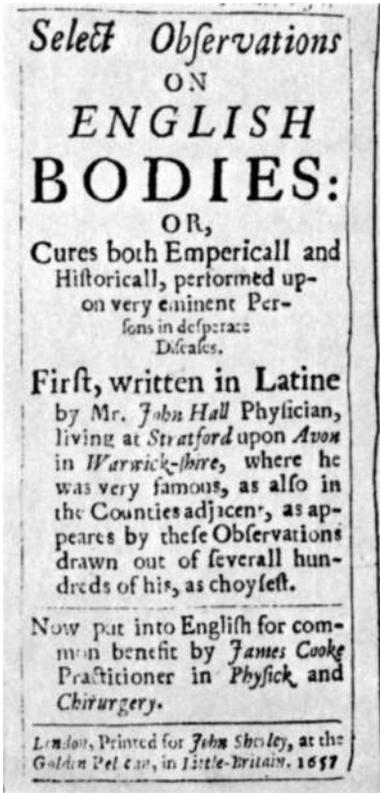
Then Banquo, what nature of women (saith he) are you, that seeme so little fauourable vnto me, wher as to my fellow here, besides highe officers, yet assigne also the kingdome, appointyng forth nothing for me at all? Pres sayth the firste of them, wee promise greater benefites vnto thee, than vnto him, for he shall regyne in indee, but with an vnluckie ende: neyther shall he leaue any issue behinde him to succede

in his place, wher contrarily thou in deece shalt not regyne at all, but of thee those shall be boine whiche shall gouerne the Scottische kingdome by long order of continuall descent. Herewith the forsayde women vanished immediatly out of theyr sight. This was reputed at the first but some bayne fantastickall illusion by Makbeth and Banquo, in so muche that Banquo woulde call Makbeth in ieste kyng of

A thing is woulde it at.

Q. ii. Scot.

110. Медицинский справочник зятя Шекспира.

111. Холл-Крофт — дом дочери Шекспира, Сусанны.

112. Новые драматурги «слуг короля», писавшие для репертуара театра «Блэкфрайерс»: Джон Флетчер и Фрэнсис Бомонт.

113. «В "Глобусе" 15 мая 1611 года "Зимняя сказка"» — Саймон Форман рассказывает об этой постановке в своей «Книге пьес».

114. Первое издание «Сонетов» Шекспира.

Handwritten notes in a cursive script, possibly a list or index, located in the top right corner of the page.

1612.

The names of the Playes And by what Companies playe
 them hereafter followeth: De Witts weat market, And Drury
 with the other presented before the Kinge in this year 1612.

By the Kings players: **Hallomas**: night presented at weat market before the Kinge
 A playe written by Tompsett.

The Kings players: **The 5th of November**: A playe written by numbers nighte by the Kings

The Kings players: **On St Siluence**: nighte by the Kings players written by the Kings

The Queens players: **St John**: nighte A playe written by City Gallant.

The princes players: **The Sunday**: following A playe written by Almonack

The Kings players: **On neweres**: nighte A playe written by Thomas Tragedie

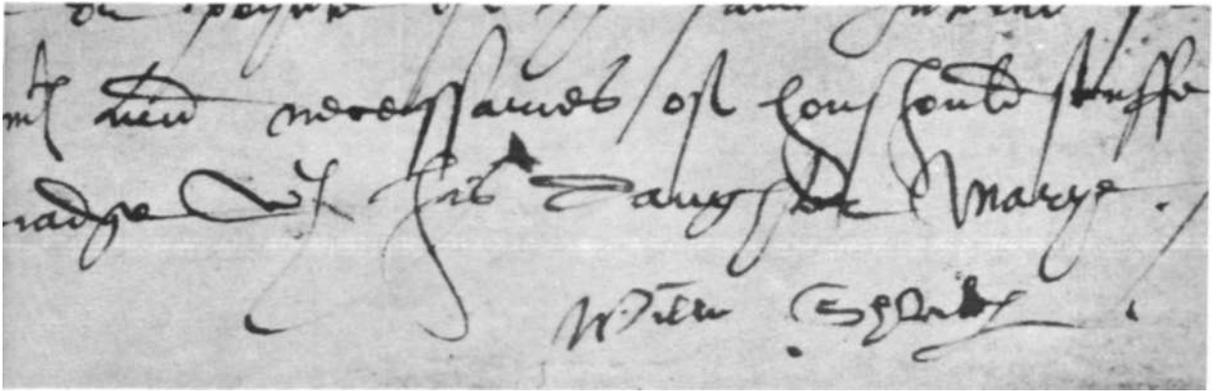
The children of the churche: **The 2nd of following**: A playe written by Cupids Revenge

The Kings players: **Twisse**: nighte by the Princes playe performed by Gentlemen of his Highnes

By the Queens players: **The Sunday**: following at Drury before the Queen
 And the Kings men: the Princes and played to the Suters Kinge and nighte followinge at Drury

By the Queens players: **Gandelmas**: nighte A playe written by the Queen

115. «Пьеса под названием "Бура"». Реестр распорядителя королевских увеселений в сезон 1611—1612 годов.

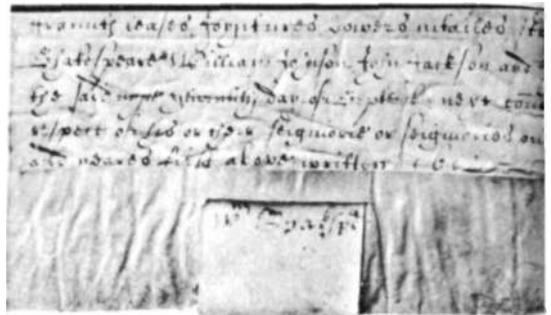
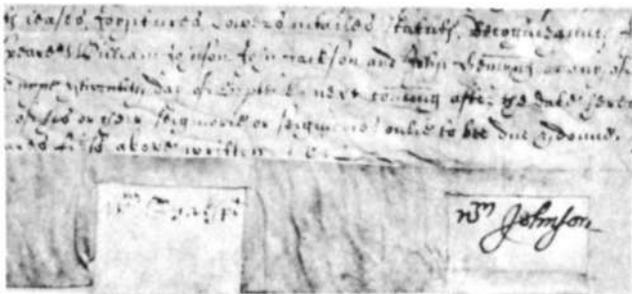
116. «Больше ничего он не может показать» — подпись Шекспира под свидетельскими показаниями в деле «Белот против Маунтджоя» (11 мая 1613 года).

117. Принцесса Елизавета и пфальцграф Фредерик. В честь их бракосочетания игралась «Буря».

118. Королева Анна и принц Уэльский Генри. Он умер в разгар свадебных празднеств. Обе миниатюры выполнил Исаак Оливер.

119. Шекспир покупает дом в Лондоне. На документе подписи Шекспира и его поручителя, хозяина таверны «Русалка» У. Джонсона.

120. Подпись Шекспира на закладной (11 марта 1613 года).

121. Мастерская Джона Шекспира. В ней разместился постоянный двор. Около 1808 года фасад восточной части дома был облицован красным кирпичом (см. илл. 5, «б»).

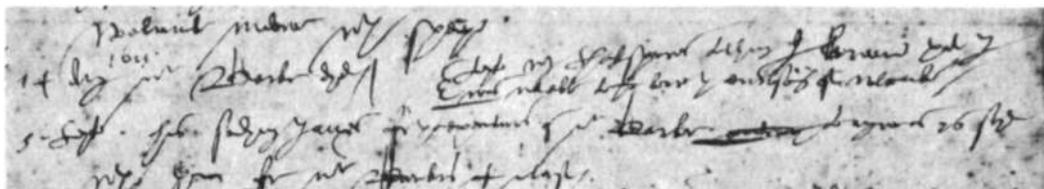
122. Джон Кум, «чье имя Шекспир обыграл в остроумных и веселых стихах».

123. Комната в оксфордской таверне «Корона», где, по преданию, Шекспир останавливался по пути из Лондона в Стратфорд. Хозяином таверны был Джон Давенант. Считается, что Шекспир крестил его сына Уильяма.

124. Последняя запись Томаса Грина о «моем кузене Шекспире».

1616

March

- 1 A Infant of Jane
- 2 Alit Mous Jase & wids
- 3 fathen Mous finge Juncill
- 5 Jane Mous with affor
- 9 Jore fathen Jore fathen
- 9 margret fillia fance d. b. w. n.
- 15 margret wifes lvs & gen cogit

April

- 3 Thomas dingson
- 5 margret fillia John Jamon
- 9 Tom Lwinob of f. reg. b. w. man
- 15 with Javit gent
- 16 A Infant of Ego wad ward
- 17 with Javit fathen X
- 21 Elizabeth fillia with b. w. n.
- 23 Anie Cooks widow
- 24 Richard pynder
- 25 with E. J. f. f. w. n. X

May

- 9 margret fillia Robert Jagers f. w. n.
- 11 Tom Lwinob of, with f. w. n. w. n.
- 23 Thomas b. w. n. de d. w. n.
- 25 Thomas b. w. n. w. n. w. n.

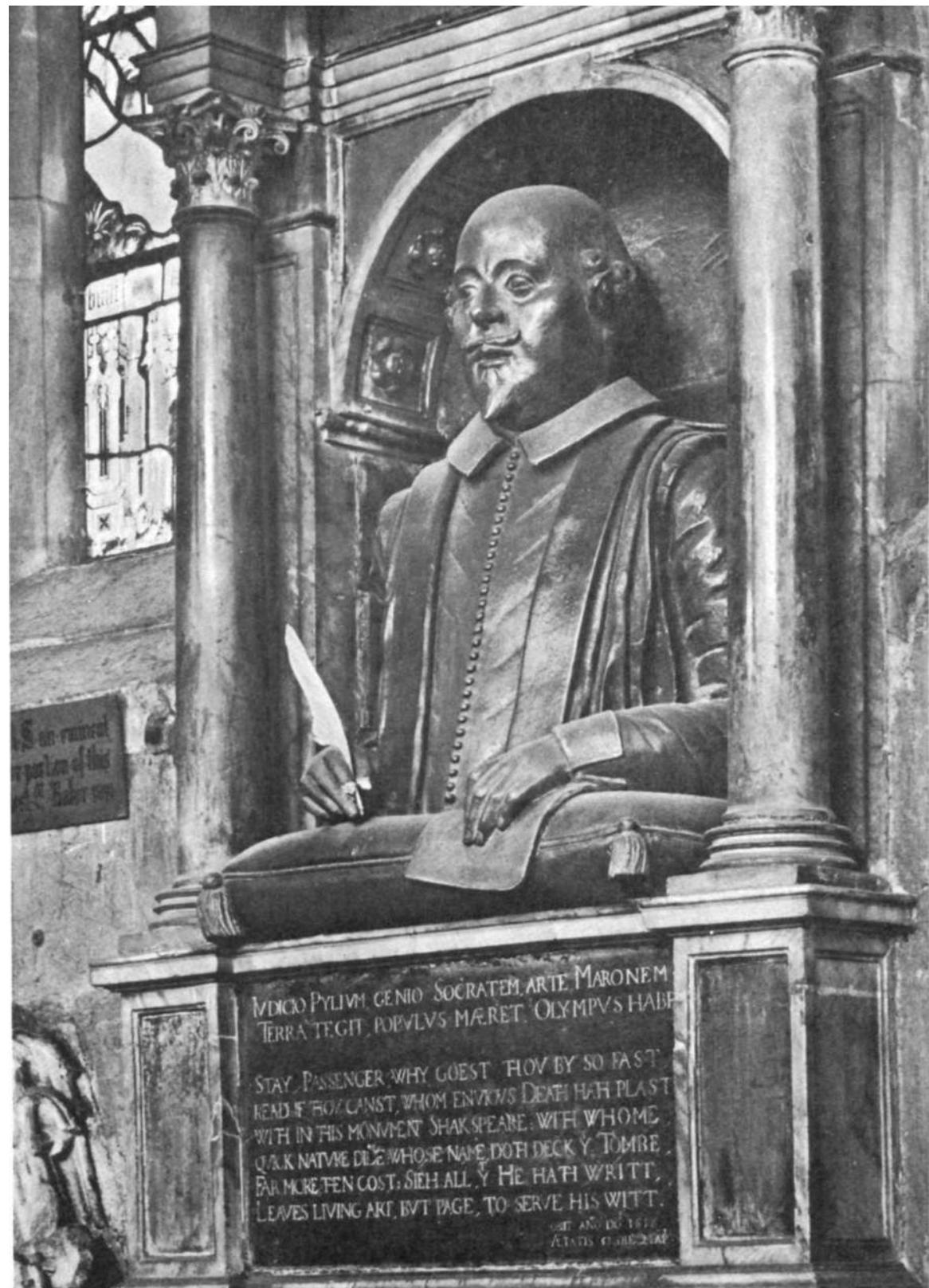
June

- 1 Alie b. w. n. w. n.
- 7 Anie b. w. n. w. n.
- 14 Elizabeth & w. n. w. n.
- 18 Alie fillia J. w. n. w. n.
- 21 A Infant of J. w. n. w. n.
- 26 J. w. n. w. n.
- 26 Thomas fillia b. w. n. w. n.
- 30 Thomas fillia Ego b. w. n.

July

- 6 with E. w. n. w. n.
- 22 with J. w. n.
- 22 Thomas fillia Ego f. w. n.
- 26 J. w. n. w. n. de o. f. w. n.
- 28 John fillia John b. w. n. w. n.
- 28 Elizabeth fillia Edward p. w. n.

INDICO PYLIVM GENIO SOCRATEM ARTE MARONEM
TERRA TE GIT POPVLVS MÆRET OLYMPVS HABE

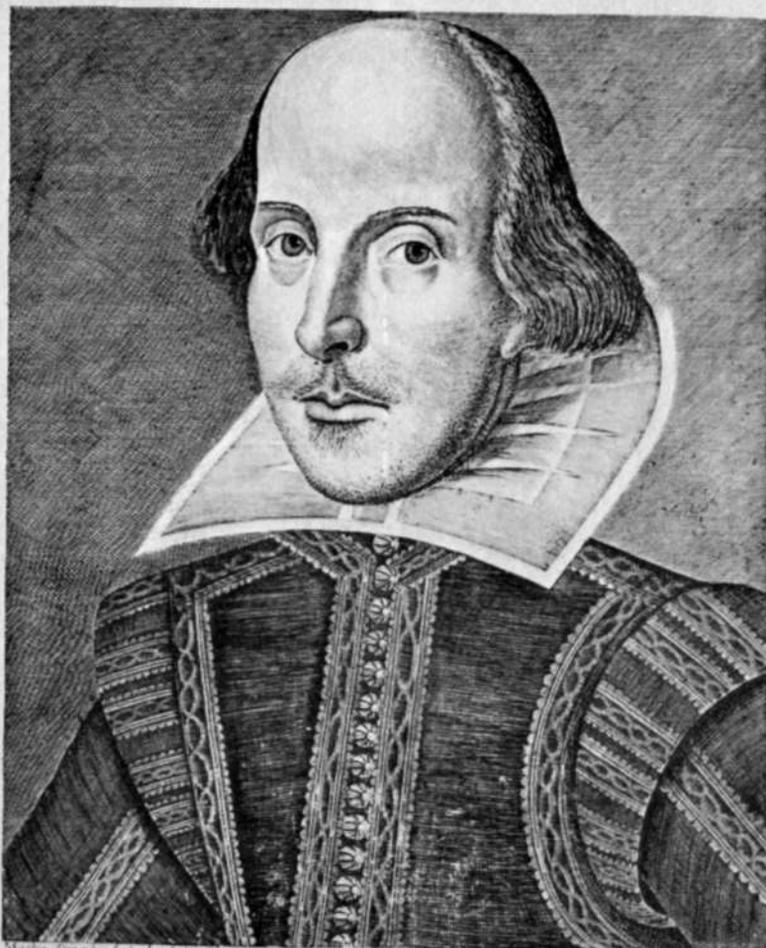
STAY PASSENGER WHY GOEST FLOW BY SO FAST
KNOW IF THOU CANST WHOM ENVIOUS DEATH HATH PLAST
WITH IN HIS MONUMENT SHAKESPEARE WITH WHOME
OUR NATIVE DIED WHOSE NAME DOETH DECK Y TOMBE
FAR MORE TEN COST: SEEH ALL Y HE HATH WRITT
LEAVES LIVING ART BVT PAGE TO SERVE HIS WITT

1564
1616

MR. WILLIAM
SHAKESPEARES

COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIÉS.

Published according to the True Originall Copies.

LONDON

Printed by Isaac Iaggard, and Ed. Blount. 1623.

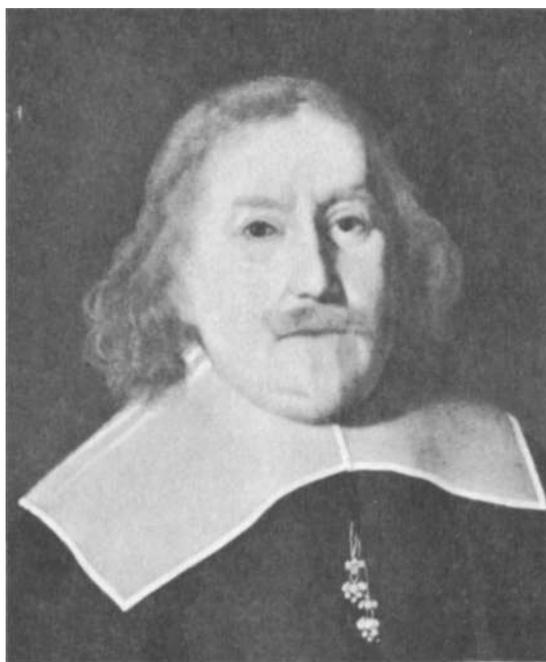

To the great Variety of Readers.

From the most able, to him that can but spell: There you are number'd. We had rather you were weigh'd. Especially, when the fate of all Bookes depends vpon your capacities: and not of your heads alone, but of your purses. Well! It is now publique, & you wil stand for your priuiledges wee know: to read, and censure. Do so, but buy it first. That doth best commend a Booke, the Stationer saies. Then, how odde soeuer your braines be, or your wisdomes, make your licence the same, and spare not. Iudge your sixe-pen'orth, your shillings worth, your fiue shillings worth at a time, or higher, so you rise to the iust rates, and welcome. But, what euer you do, Buy. Censure will not driue a Trade, or make the Jacke go. And though you be a Magistrate of wit, and sit on the Stage at *Black-Friers*, or the *Cock-pit*, to arraigne Playes daillie, know, these Playes haue had their triall already, and stood out all Appeals; and do now come forth quitted rather by a Decree of Court, then any purchas'd Letters of commendation.

It had bene a thing, we confesse, worthie to haue bene wished, that the Author himselfe had liu'd to haue set forth, and ouerseen his owne writings; But since it hath bin ordain'd otherwise, and he by death departed from that right, we pray you do not envie his Friends, the office of their care, and paine, to haue collected & publih'd them; and so to haue publih'd them, as where (before) you were abus'd with diuerse stolne, and surreptitious copies, maimed, and deformed by the frauds and stealthes of iniurious impostors, that expos'd them: euen those, are now offer'd to your view cur'd, and perfect of their limbes; and all the rest, absolute in their numbers, as he conceiu'd thē. Who, as he was a happie imitator of Nature, was a most gentle expresse of it. His mind and hand went together: And what he thought, he vttered with that easinesse, that wee haue scarce receiued from him a blot in his papers. But it is not our prouince, who onely gather his works, and giue them you, to praise him. It is yours that reade him. And there we hope, to your diuers capacities, you will finde enough, both to draw, and hold you: for his wit can no more lie hid, then it could be lost. Reade him, therefore; and againe, and againe: And if then you doe not like him, surely you are in some manifest danger, not to vnderstand him. And so we leaue you to other of his Friends, whom if you need, can bee your guides: if you neede them not, you can leade your selues, and others. And such Readers we wish him.

132. а) Уильям Слай — один из ветеранов шекспировской труппы; б) Джон Лоун, исполнитель роли Фальстафа. В «Генрихе VIII», играя главную роль, «получал наставления от самого мистера Шекспира»; в) Натан Филд, драматург и актер, вошел в труппу «слуг короля» вместо Шекспира.

133—136. Страницы Первого фолио.

137. Надгробная плита. Справа от Шекспира похоронен Томас Нэш, первый муж его внучки, Элизабет Холл, слева — жена Энн.

The Workes of William Shakespeare,
containing all his Comedies, Histories, and
Tragedies: Truely set forth, according to their first
ORIGINALL.

The Names of the Principall Actors
in all these Playes.

William Shakespeare.

Richard Burbadge.

John Hemmings.

Augustine Phillips.

William Kempt.

Thomas Poope.

George Bryan.

Henry Condell.

William Slye.

Richard Cowly.

John Lowine.

Samuell Crosse.

Alexander Cooke.

Samuel Gilburne.

Robert Armin.

William Ostler.

Nathan Field.

John Underwood.

Nicholas Tooley.

William Ecclestone.

Joseph Taylor.

Robert Benfield.

Robert Goughe.

Richard Robinson.

John Shancke.

John Rice.

A C A T A L O G V E

of the severall Comedies, Histories, and Tragedies contained in this Volume.

COMEDIES.

T he Tempest.	Folio 1.
The two Gentlemen of Verona.	20
The Merry Wiues of Windsor.	38
Measure for Measure.	61
The Comedy of Errors.	85
Much adoo about Nothing.	101
Loues Labour lost.	122
Midsummer Nights Dreame.	145
The Merchant of Venice.	163
As you Like it.	185
The Taming of the Shrew.	208
All is well, that Ends well.	230
Twelue-Night, or what you will.	255
The Winters Tale.	304

HISTORIES.

The Life and Death of King John.	Fol. 1.
The Life & death of Richard the second.	23

The First part of King Henry the fourth.	46
The Second part of K. Henry the fourth.	74
The Life of King Henry the Fife.	69
The First part of King Henry the Sixt.	96
The Second part of King Hen. the Sixt.	120
The Third part of King Henry the Sixt.	147
The Life & Death of Richard the Third.	173
The Life of King Henry the Eight.	205

TRAGEDIES.

The Tragedy of Coriolanus.	Fol. 1.
Titus Andronicus.	31
Romeo and Juliet.	53
Timon of Athens.	80
The Life and death of Julius Caesar.	109
The Tragedy of Macbeth.	131
The Tragedy of Hamlet.	152
King Lear.	283
Othello, the Moore of Venice.	310
Anthony and Cleopater.	346
Cymbeline King of Britaine.	369

THE TEMPEST.

Actus primus, Scena prima.

A tempestuous noise of Thunder and Lightning heard: Enter a Ship-maister, and a Boateswaine.

Maister.

Ote-swaine,

Botesf. Heere Maister: What cheere?

Maist. Good: Speake to th' Mariners: fall too't, yarely, or we run our selues a ground, besture, besture. *Exit.*

Enter Mariners.

Botesf. Heigh my hearts, cheerely, cheerely my harts: yare, yare: Take in the toppe-sale: Tend'to th' Masters whistle: Blow till thou buist thy winde, if roome enough.

Enter Alonso, Sebastian, Antonio, Ferdinando, Gonzalo, and others.

Alon. Good Botesfwaine haue care: where's the Maister? Play the men.

Botesf. I pray now keepe below,

Anth. Where is the Maister, Boison?

Botesf. Do you not heare him? you marre our labour, Keepe your Cabines: you do assitt the storme.

Gonz. Nay, good be patient.

Botesf. When the Sea is: hence, what cares these roasters for the name of King? to Cabines; silence: trouble vs not.

Gon. Good, yet remember whom thou hast aboard.

Botesf. None that I more loue then my selfe. You are a Counsellor, if you can command these Elements to silence, and worke the peace of the present, wee will not hand a rope more, vse your authoritie: If you cannot, give thanks you haue liu'd so long, and make your selfe readie in your Cabine for the mischance of the houre, if it so hap. Cheerely good hearts: out of our way I say. *Exit.*

Gon. I haue great comfort from this fellow: merthinks he hath no drowning marke vpon him, his complexion is perfect Gallows: stand fast good Fate to his hanging, make the rope of his destiny our cable, for our owne doth little aduantage: If he be not borne to bee hang'd, our case is miserable. *Exit.*

Enter Botesfwaine.

Botesf. Downe with the top-Mast: yare, lower, lower, bring her to Try with Mainecourse. A plague vpon her. *Enter Sebastian, Antonio & Gonzalo.*

vpon this howling: they are lower then the weather, or our office: yet againe? What do you heere? Shal we give ore and drowne, haue you a minde to sinke?

Sebas. A poxe o' your throat, you bawling, blasphemous incharitable Dog.

Botesf. Worke you then.

Anth. Hang cur, hang, you whorefon insolent Noys-maker, we are lesse afraid to be drownde, then thou art.

Gonz. I'll warrant him for drowning, though the Ship were no stronger then a Nutt-shell, and as leaky as an vnstanch'd wench.

Botesf. Lay her a hold, a hold, set her two courses off to Sea againe, lay her off.

Enter Mariners wet.

Mari. All lost, to prayers, to prayers, all lost.

Botesf. What must our mouths be cold?

Gonz. The King, and Prince, at prayers, let's assitt them, for our case is as theirs.

Sebas. I'am out of patience.

An. We are meeely cheated of our liues by drunkards, This wide-chopt-rascall, would thou mightst lye drowning the washing of ten Tides.

Gonz. Hee'l be hang'd yet,

Though euey drop of water sweate against it, And gape at widdit to glut him. *A confused noise within.*

Mercy on vs.
We split, we split, Farewell my wife, and children,
Farewell brother: we split, we split, we split.

Anth. Let's all sinke with' King

Seb. Let's take leaue of him. *Exit.*

Gonz. Now would I giue a thousand furlongs of Sea, for an Acre of barren ground: Long heath, Browne firs, any thing; the wills about be done, but I would faine dye a dry death. *Exit.*

Scena Secunda.

Enter Prospero and Miranda.

Mira. If by your Art (my deereit father) you haue Put the wild waters in this Rote; play them: The skye it seemes would poure downe stinking pitch, But that the Sea, mounting to th' welkins cheekes, Dashes the fire out. Oh! I haue suffered With those that I saw suffer: A braue vessel

A

(Who

Make no Collection of it. Let him shew
His skill in the construction.

Luc. Philarmenus.

South. Heere, any good Lord.

Luc. Read, and declare the meaning.

Reader.

When as a Lyons whelpe, shall to himselfe unknowne with-
out seeking find, and bee embrac'd by a peece of tender
Ayre: And when from a stately Cedar shall be lopt branches,
which being dead many yeares, shall after renuue, bee ioyned to
the old Stocke, and freshly grow, then shall *Posthumus* end his
miseries, Britaine be fortunate, and flourish in Peace and Pleu-
rity.

Thou *Leonatus* art the Lyons Whelpe,
The fit and apt Construction of thy name
Being *Leonatus*, doth import so much:
The peece of tender Ayre, thy vertuous Daughter,
Which we call *Mollia Aer*, and *Mollis Aer*
We terme it *Mulier*; which *Mulier* I diuine
Is this most constant Wife, who euen now
Answering the Letter of the Oracle,
Vnknowne to you vnough, were clipt about
With this most tender Aire.

Cym. This hath some seeming.

South. The lofty Cedar, Royall *Cymbeline*
Personates thee: And thy lopt Branches, point
Thy two Sonnes forth: who by *Belarius* stolne
For many yeares thought dead, are now reuiu'd
To the Maiesticke Cedar ioyn'd; whose Issue

Promises Britaine, Peace and Plenty.

Cym. Well,

My Peace we will begin: And *Cainus Lucius*,
Although the Victor, we submit to *Cesar*,
And to the Romane Empire; promising
To pay our wonted Tribute, from the which
We were disswaded by our wicked Queene,
Whom heauens in Iustice both on her, and hers,
Haue laid most heavy hand.

South. The fingers of the Powres above, do tune
The harmony of this Peace: the Vision
Which I made knowne to *Lucius* ere the stroke
Of yet this scarce-cold-Battle, at this instant
Is full accomplish'd. For the Romaine Eagle
From South to West, on wing soaring aloft
Lessen'd her selfe, and in the Beames o'th Sun
So vanish'd; which fore-shew'd our Princely Eagle
Th' Imperiall *Cesar*, should againe vniue
His Fauour, with the Radiant *Cymbeline*,
Which shines heere in the West.

Cym. Laud we the Gods,
And let our crooked Smoakes climb to their Noftrils
From our blest Altars. Publish we this Peace
To all our Subiects. Set we forward: Let
A Roman, and a Britiish Ensigne waue
Friendly together: so through *Luds-Towne* march,
And in the Temple of great Iupiter
Our Peace wee'l ratifie: Seale it with Feasts.
Set on there: Neuer was a Warre did cease
(Ere bloodie hands were wash'd) with such a Peace.

Exeunt.

FINIS.

Printed at the Charges of *W. Faggard, Ed. Blount, I. Smithweeke,*
and *W. Aspley*, 1623.

...life carmen
...to dies
...for

...IAS
...LITTLE
...GENT
...1903.

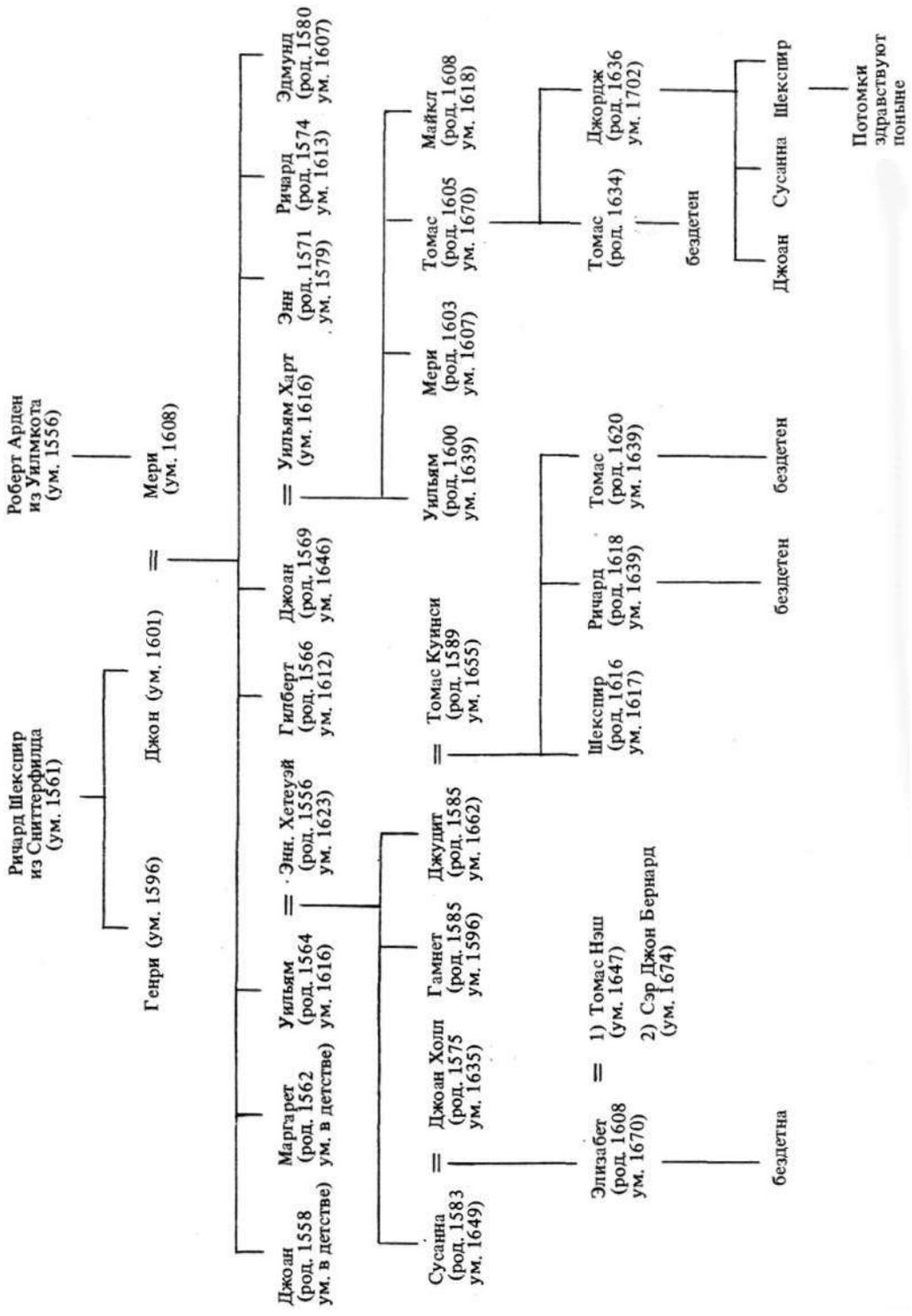
GOOD FRIEND FOR IESVS SAKE FORBEARE
TO DIGG THE DVST ENCLOSED HEARE
BLESE BE Y MAN Y SPARS HES STONES
AND CVRST BE HE Y MOVES MY BONLS.

*Sweet Swan of Auon! what a sight it were
To see thee in our waters yet appeare,
And make those sights vpon the bankes of Thames,
That so did take Eliza, and our Iames!
But stay, I see thee in the Hemisphere
Aduanō d, and made a Constellation there!
Shine forth, thou Starre of Poets, and with rage,
Or influence, chide, or cheere the drooping Stage;
Which, since thy slight frō hence, hath mourn'd like night,
And despaire day, but for thy Volumes light.*

BEN: IONSON.

138. Последние десять строк элегии Бена Джонсона в Первом фоллио «Памяти любимого мною мистера Уильяма Шекспира, сочинителя; и о том, что он оставил нам».

СОДЕРЖАНИЕ

Новая книга о Шекспире. В. Харитонов	5
Вступление	21
Детство	22
Стратфорд	24
Образование	25
Женитьба	29
Лондон	30
Ранние пьесы и поэмы	33
«Слуги лорда-камергера»	37
Стратфордские дела	41
Комедии среднего периода	44
Театр «Глобус»	47
«Слуги короля»	52
Великие трагедии	54
Последние годы	58
Свершения Шекспира	62
Комментарий. В. Харитонов	66

Редактор *Н. Осколкова*
Художник *В. Киреев*
Художественный редактор *А. Суима*
Технический редактор *С. Сизова*
Корректор *В. Пестова*
ИБ № 2186

Сдано в набор 17.01.86. Подписано в печать 25.09.86. Формат 70X90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 12,29.
Условн. кр.-отг. 25,90. Уч.-изд. л. 13,34. Тираж 30 000 экз. Заказ № 80.
Цена 1 р. 80 к. Изд. № 1909.

Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119859, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Можайск, 143200, ул. Мира, 93.